

K-1365590

00

МИХАИЛ ЖАРАВИН
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

МИХАИЛ ЖАРАВИН
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Сборник

Вологда 1999-2005

К1365590

Графика Н. Черкасовой

Михаил Геннадьевич Жаравин родился 12 ноября 1959 года в с. Еловино Кич-Городецкого района Вологодской области. Здесь он и рос, и учился в восьмилетке, затем продолжил учение в Югской средней школе того же района. В 1979-1981 годы служил в танковых частях Советской Армии. С 1981 жил в Вологде, работал на подшипниковом заводе, учился в машиностроительном техникуме. В 1983 году женился, растил двух сыновей. Позже работал в пожарной части п. Лоста близ Вологды.

Первые попытки писать были в 9 классе. В Вологде Михаил начал много писать, сначала стихотворения, потом рассказы. Около 1989 года пришел в литературное объединение "Ступени", затем стал участником областных литературных семинаров 1990, 1993 годов, часто публиковался в городской и многотиражной прессе.

В 1991-1995 годах М. Жаравин - студент заочного отделения Литературного института им. Горького. После участия в московском писательском совещании был принят в ряды Союза писателей России (1994). Лауреат литературной премии имени Лескова. Публиковался в газетах "Свеча", "Очарованный странник", "Литературная Россия", в журналах "Север", "Наш современник".

Михаил Жаравин скончался 18 декабря 1995 года на тридцать седьмом году жизни после жестокой болезни. К 2002 году были изданы книги, включающие его сочинения - «В огне брода нет», «Сердечная рана», «Вологодский Собор», «Излучатель». В 1999 году в Вологде прошел конкурс, посвященный 40-летию со дня рождения писателя. Лучшие конкурсные работы включены в настоящий сборник.

ТАКОГОВЫЕЩЕНЕЧИТАЛИ

Перед вами книга из серии «Крупным планом», посвященная творчеству Михаила Жаравина. «Крупным планом» - значит, рассматривая близко-близко. Один из выпусков посвящен Михаилу Сопину. Существует нерасторжимая связь между ушедшими и живущими, особенно, если уходит писатель, оставивший богатое рукописное наследие. Сопин чутко относился ко всему, что создано Михаилом, который, в свою очередь, считал одобрение Сопина высшей оценкой.

Почему появилась эта книга?

Потому, что освоение написанного Жаравиным продолжается. Его читают разные люди, размышляют, соглашаются или спорят – но никогда не остаются равнодушны.

Иногда это бережный, почти научный разбор текста по полочкам - «Пейзаж в произведениях Жаравина», иногда документальные хроники, воспоминания его товарищей Алексеева или Лопухина – они особенно дороги, поскольку их немного, иногда от сильного переполнения впечатлениями – настоящий эмоциональный взрыв, после которого появляется новое яркое произведение – «Прощание, скользящее с листа» Валерия Анохина. Среди авторов книги люди разного возраста – и школьники, и учителя, и рабочие, и литераторы.

Однажды в центральной городской библиотеке прошел конкурс сочинений на тему «Сердечная рана» - лучшие сочинения вошли в эту книгу.

Здесь вы увидите прекрасные рисунки Надежды Черкасовой на тему рассказов Жаравина, которые не успели попасть в «Сердечную рану».

Материалы собирали многие, в том числе подборку стихов поэта сохранила в своем архиве Лариса Новолодская, толстую тетрадь стихов обнаружил Николай Жаравин. Отклики и статьи настроят вас на удивительный лад, и вы новыми глазами увидите даже ранние жаравинские тексты. Уходи, горечь и горе, оставайся, нежная грусть. Читайте. Вы такого еще не читали...

Галина Щекина

Валерий Анохин

«ПРОЩАНИЕ, СКОЛЬЗЯЩЕЕ С ЛИСТА»

*Философские размышления о книге
Михаила Жаравина "Сердечная рана"*

СОН

Мокрый и холодный пот. Приснился хорошему человеку сон. Будто манит сверху к себе девочка. Полез по отвесной стене к ней. Почти дотянулся. А она уже внизу кличет. Оглянулся и сорвался. Зеленая трава стала красной. Разрыв-трава...

Тело разошлось с душой. Навечно осталось с той, что внизу. В воле. Душа же устремилась к той, которая подобно русалке манит к себе. К призраку. К недостижимой высоте, в коей обнаруживается чудовищная пропасть, смерть. Верх обращается в низ. Тело на мгновение соединяется с душой, чтобы вновь расстаться. И вновь...

Там и там места нет. Но там и там быть проклятым. Мука... Гоголь рвется за глотком чистого воздуха на чужбину, но дышать там невозможно. Бежит обратно, но находит мертвое царство. Достоевский пытается убежать по лестнице вверх, дабы обнаружить красоту, но находит там небытие. Горький опускается «на дно», чтобы засвидетельствовать там силу духа, но находит босяцкое нищестество. Пушкин поет о свободе, но кличет своим гением чуму. Вологодские кудесники слова в тоске по тридевятому царству бросают отчий край и устремляются в московский Вавилон. Там невыносимая тоска. Обратно...

В этой заколдованной российской двумерности и разыгрывается трагедия талантливого вологодского поэта Михаила Жаравина. Все его проговоры и выговоры - это один грандиозный сон. Такие сны даруются немногим. Потому-то они и вещи. Грезящие наяву потасным. Спрятанным или затерянным в тайниках души русской. Выявить затерянное - Божий дар для мучеников слова. Поэтому-то и маются на Руси немногие. Не всем удастся услышать Божественное слово. Не всем удастся вымолвить его. Но все спасаются им.

СО-РОДСТВО

Что такое Я? Мучительный вопрос. Где то волшебное зеркало, с помощью которого можно было бы разглядеть внутреннее одиночество? Может быть, это - ТЫ? Но почему же уходишь?.. Значит, Я-то и не есть.

«Любимая, я умер прошлой ночью. Ты видела меня всего за час... Смотрю со стороны на глупых нас - Любимая, бывое рвется в ключья... Не я сию напротив за столом...»

Но кто же сидит напротив? Чужой? На кого он похожий?

«Он - я, но только телом и лицом, А я - не я, а будто бы прохожий... Любимая, наутро был развод. Ты разводилась не со мной, а с этим. Он согласился - пусть теперь живет. А мы с тобой подумаем о детях».

Понятно. Тело чужое. Неродное. Оно сорвалось со стены. И лежит бездыханно внизу. С мертвыми сам Бог разводит. Душа же пытается спасти положение. Но это - раздвоение. Начало трагедии. «Живой труп» пусть «теперь живет», а «мы с тобой подумаем о детях». На уровне со-родства душ. В конечном счете, ведь не тела правят бал на Руси. Или мы живем в царстве гоголевских “мертвых душ”? Читали же мы сказку про аленький цветочек, в которой душевная любовь преодолевает всякое телесное обличие. Но вот этой-то любви, преображающей даже чудовище в божественное существо, нам и не хватает. Вернее, терпения не хватает. Не достает христианской терпимости. Поэтому и не сходят на Русь чудеса. Не преображается ее заколдованное тело. Не чуется серебряный блеск “белого камушка” ...

Разлад - это травма. Сердечная рана. Лечить, лечить... Но чем? А может быть - и кем? Тем, в чем обнаруживается со-родство душ? Да, Я и ТЫ породнились навеки в третьем существе - в ребенке. Казалось бы, выход найден. Но вновь разочарование, неудача. Ребенку-то и дела нет до душ. Он мечется между заблудшими телами. Тыкается, словно котенок, в родные тела, а они разорваны. Разрывается и душа малыша. Со-родство становится около-родством. Рана в сердце увеличивается. Из нее уже хлещет кровь... Так уж не лучше ли окропить ею одну из вершин около-родственного дреугольника - отец, мать и сын (или дочь). Что такое Я? Поэт попытался найти свое заблудшее одиночество. Посмотрел в зеркало и в сумасшедшем отчаянии расколотил его...

ХОЛОСТОЙ ВЫСТРЕЛ

Истина на Руси не выходит наружу. Она - в себе «бродит вином в бутылке».

«Бутылка лопнет, если не открыть,
И как ни жаль, копилку надо бить,
Что б вынуть мелочь... О, какая грусть.
Откроюсь я и значит разобьюсь!»

Вот так. Обнаружить русскую правду, видимо, можно, лишь разбивая, словно копилки, сердца поэтов. Но если на поверхности обнаруживается «мелочь», то это - «холостой выстрел». Небожественное выговаривание. Несочленение с родом. Пустая трата сил.

Зачем тогда жить? «Каждый сам решать должен», - говорит один из героев М. Жаравина. Сам так сам. Вот и решает проблему смысла жизни русский солдат в условиях «дедовщины». Дедовщина - это нечто враждебное самости Я. Унижающее и всепожирающее, казалось бы, сатанинское начало. В нем человек теряется и тонет. Вырваться из этих

оков возможно лишь путем неимоверной борьбы за свое Я. Удастся это только единицам. Тем, в ком наличествует сила духа. Но, как правило, они-то и выявляют в себе и при помощи себя невероятно слабое звено в цепи армейского бытия.

Получается, что борьба с деловщиной - это "брожение вина в бутылке". Поза непробиваемой копилки. Но нужно ли противостоять устоявшимся обычаям и традициям? Не подобно ли это противостоянию родовым устоям? Если - да, то смысл жизни в разрушении. А это пустая жизнь. Холостой выстрел... Бутылка взрывается. Истина выплескивается наружу. Солдат открывает для себя что-то очень важное. Он кричит: «Дембеля, спокойной ночи! Пусть вам снится мирный дом...» И крик услышан. Воцаряется мир и лад. Но надолго ли?

И может ли истина на Руси появляться в качестве содержимого «лопнувшей бутылки»? В виде отчаянного крика? Или М.Жаравин пытается нам сказать, что русское поле усеяно разорвавшимися бутылками, а вокруг - стрельба вхолостую?

Холостой выстрел - неимоверная трата впустую духовных и нравственных сил народа. Горьковское нищешанство. Отчаянный бунт, вырвавшийся из глубин русского духа. Это зов. Но кругом тишина.

Немота есть отклик на русское отчаяние. Остается уйти в «глухую защиту». К одиночеству. К разрыву всяких и, тем более, родовых отношений. Сбежать из родного дома. И превратить все и вся в детдом.

В этом случае даже огонь глаз любимых не помогает. К нему нельзя прикасаться. Он моментально превращается в «непролазную тьму». И если уж суждено утонуть, то следует это сделать в омуте других глаз. Нелюбимых. Ибо защитился наглухо. Защитился от того, что всего милее и роднее. Пошел искать смысл там, где искать его бессмысленно. Это смерть. Самоубийство. Из глухой защиты не выбираются.

ТОСКА ПО РАВНОВЕСИЮ

Что же делать? Стрелять вхолостую или уходить в глухую защиту? Чисто русская проблема. Не одно поколение отечественных мыслителей пыталось ее разрешить. Но тщетно. Обозначилось только, что то или иное решение поставленной альтернативы ведет в никуда. К безысходности. Трагедия выговорена.

И, расплатившись с горюшком сполна,

Стою и жду на мрачном перепутье.

Вперед - дорога черная страшна,

Назад - стена туманов жуткой мутью...

Находиться же в состоянии противоречия невыносимо. Это ложное положение. Духом правды здесь не пахнет.

И снова ложь плювком летит в лицо.

Жую ее и не сопротивляюсь.

Не на руку бы мне, а в нос кольцо,

Раз ложью, как травую, я питаюсь...

Но можно ли так долго «вбивать ложь в душу»? Можно ли подобно ребенку вечно маяться «посередине дрожащего каната, ногу занес, а страшно... Вперед страшно, назад неудобно...»? Конечно, нет. Неустойчивое равновесие недолговечно. Далее - падение. Но так хотелось хоть чуть-чуть побыть в устойчивом положении. Нельзя. Это все от Бога. Он «посылает хворь за грехи, так зачем мешать?»

Поэту согласиться с этими словами крайне трудно. «Равновесие», стало быть, надо искать. Это тоска. Тоска русская. И тянет она Жаравина за пределы двумерной стены в третье измерение. Ведь мыслил же отец Флоренский, что двумерное сознание видит только круг да квадрат. А трехмерное сознание наблюдает цилиндр. Разве не может быть так, что здесь канат дрожит, а там - в третьем измерении - превращается в элемент устойчивого бытия? Да, истина, видимо, там. Но кто ее обнаружит? Может быть, иннок Проня? Обладает же он Божьим даром лечить души людей.

Если так, то сколько же нам нужно вечно гонимых и проклинаемых людей, чтобы понять простую христианскую истину... Нужен земной подвиг, чтобы выйти за пределы двумерной стены. Его-то нам и недостает. Поэтому и вылечить Россию простыми земными средствами невозможно. И Проня прикасается к большому телу...

Так тоскует по равновесию русский художник слова.

ОБРЫВ

Свеча, сгорая, дает свет другим. Сама же превращается в пепел. Сердце поэта, рождающее стон, просветляет душу людей. Само же истекает кровью. И нет той силы, которая остановила бы кровотечение. Кровь падает на цветы. Сжигает их. А поэт «помят, небрит и пьян». Ведь погнался же Николай Рубцов за белыми ромашками в чистое поле, но наткнулся на кладбище. Где цветы превратились в «белые рубашки для мертвецов». И это символично.

Красота на Руси чаще всего обманчива. Не она спасает, а ее-то саму спасти нужно в нашем отечестве. Но об этом мало кто думает.

Залечивает поэтому поэт свою сердечную рану вином, приговаривая: «Не обижайтесь, я такой честнее». Ничего не поделаешь, но только чувствующий человек понимает, что идет к обрыву.

Сказать об этом, видимо, честнее, чем устраивать карнавал масок, натягивать на себя маску противно. Еще противней, чем пить горькую.

Это тайна и трагедия русской жизни. Крутом ложь. Маски. Довольные и уверенные в себе обличия, тянущие всех в никуда. Да могут ли они вести куда-то, если живут не по правде. От них глухая защита - водка. Поскольку честный в пространстве лжи всегда проигрывает. На карнавале же всегда выигрывает лучшая маска.

Честному и пьяненькому «штыбзику» приличествует спрятаться где-то в углу или плестись где-то в конце. До тех пор, пока не грянет что-то

страшное и ужасное. Вот тогда-то и выяснится, что не самодовольными масками придется спасать Русь, а спасать ее «штыбзиками». Так честнее. Ну, а сейчас карнавал. Стрелять вхолостую не хочется.

Подлинная любовь и красота разошлись. Равновесие еще не обнаружено. Обрыв... А потом и «прощание, скользящее с листа».

Такие мысли забрели в мою голову после прочтения книги талантливого поэта и писателя Михаила Жаравина. Хотелось подчеркнуть, что художник слова важен и полезен не тем, что его можно пересказать, а тем, какую мысль он будит в душе прикасающегося к его творчеству. М. Жаравин трагичен. Он выговаривает свою внутреннюю боль. Но это и внутренняя боль России. Поэтому не сострадать ему просто невозможно, как невозможно не сострадать России.

Череповец

Андрей Лопухин

МИШКИН МУНДШТУЧОК

Уважаемая Галина Александровна, получил на почте книгу М.Жаравина с Вашим посланием в ней (большое спасибо), а уже сегодня закончил вчера же и начатый свой небольшой о Мишке мемуар.

Кратце о себе. Родился в 1958 году. Закончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище. 14 лет прослужил в армии (ВВС), два из которых - в Моздоке (Сев.Осетия). 1989 году уволился из армии и устроился радистом-локаторщиком на авиационный завод в г.Луховицы (Московская обл.), где работаю и поныне. В 1996 году закончил Литинститут им. А.М.Горького (семинар Ю.В. Томашевского, а после его смерти в сентябре 1995 - А.И. Приставкина).

В 1993 году стал работать референтом в Московском объединении литераторов, но через полгода сбежал - надоело... Снова пошел на завод.

В 1991 году мы с Мишкой вместе поступали в Литинститут, но он экзамены сдал неудачно: оставил мне рукопись для творческого конкурса, чтобы попытаться счастья на следующий год. В 1992 году я передал рукопись Томашевскому и просил его посодействовать положительному прохождению творческого конкурса, что и было сделано, - Мишку взял к себе на семинар некто Б.А. Анащенко. На этот раз Мишка приехал и сдал экзамены успешно. Потом я помогал ему с контрольными и курсовыми, которые зачастую только мешали ему целиком отдаться собственному творчеству...

После 1993-го года я связей с Мишкой не имел - товарищ я никомульшиний, человек необыкновенный, всех друзей разбазарил, живу один как перст, ни с кем не общаюсь, не встречаюсь, но одинокий волк я давно (да и по природе таков),

и одиночества, в отличие от Мишки, никогда не боялся. Из этого всего автор я по преимуществу - давно и надолго - «встольный». И - «я не член ничего, даже Литфонда» (Ян Сатуновский)... Но со Светой Василенко (секретарь СРП) знаком с 1993 года, когда работал в Москве, хотя и не очень близко...

Вот и с Мишкой мы этот писательский раскол (СРП-СПР) обсуждали и недоумевали: свежее, яренное, молодое, новое, живое, незаштампованное более привлекается в СРП, чем в СПР, где легче устраиваются эпигоны и ретрограды, косные, внехудожественно и политически ангажированные писаки. Всякая, впрочем, организация, как и всякий социальный институт, - монстр, питающийся вольготной энергией незаорганизованной жизни. Творческий дух потому и творческий, что ветет, где хочет.

Андрей Лопухин

Прошлое НЕ ЕСТЬ - оно БЫЛО: жизнь умершего со скоростью света из действительной превращается в былое, в уже сотворённое, конечное, то бишь и в некую странную сторону отставленное, съёженное - в легенду, сказку, притчу, мемуар...

Здесь и теперь - человек живет; там и вчера - живут наши о нём уже заведомо неполнокровные, надуманные представления, красиво складывающиеся бестолковые пазлы жизни в стройную слезную глыбищу - храм... Художник - он ведь не «тоже» человек, а просто (просто-непросто - весь, как и всяк) человек со всеми его «срами» и «ятями», со всеми потрохами, но вот только жизнь его исподволь словлена выбивающим (выбирающим) из толпы талантом, каковой есть штука не совсем человеческая отмирная, а смерть обусловлена кроме прочего и огнем распалённого им пожара: «Там человек сгорел» (А. Фет)...

«Вот этой ложкой поэт ел, на этом стуле он сидел, этой ручкой корябал свои негленные творения» (почерк зачастую отвратительный - графологические параметры свидетельствуют о неорганизованности, сумбурности характера и судьбы)... Все художники начинают с опытов версификации, с подражания культурным образцам - но с этого начинают и юные соловьи... Усвоив каноны устоявшейся культуры, культуры утрамбованной, привычной, слишком уже обычной, «правильной», навек уже окаменевшей в школьных учебниках и народном обиходе, художник их рано или поздно, так или иначе начинает взламывать, перекраивать на свой, небывалый доселе, строй и лад, если он только художник, а не эпигон...

Мишка Жаравин бешено усваивал, разминал диковинный язык и подступился уже было к такому взламыванию, к сотворению чего-то совсем небывалого, ан нет - стена: конец...

Первое впечатление от встречи с Мишкой (называть его иначе не могу, настолько был он свойский, свой, родной, да и сам называл меня не иначе как братом, как называл, наверно, многих...) - что за глыбища такая неразделимая, нсобработанная, что за самородок подземельный и дикий, каковой сверзился, будто кометой огненной с небес, да и втемяшился со всего размаху в наши слишком о себе понимающие Палестины, да и не знает, что ему теперь с нами, умниками эдакими, тутошними, делать...

Изначально природный талант - дословесен, безразмерен, разлапист, несуразен, бесформен, - может быть, зря уж мы так спешили со своей оформительско-критической помощью, может быть, не надо нам было вгонять его в наши общепотребительные рамки, ставшие ему в итоге смертной пеглём?! Впрочем, мы не так уж были и ретивы - он ведь сам спешил... «Всё бегу куда-то... спешка, будто жить мне осталось год, два...» (из письма 1991 года).

«Эх, Андрей, если бы я был умнее - не рвал бы всё подряд спяну - то, наверное, материала бы у меня с лихвой хватило на сольную книжку прозы (про стихи уж и не говоря - их вообще не осталось - все утробил, только то, что в «Дверце», и живо). Ну да ладно, какие наши годы - может, и доживем ещё, напишем, а не напишем, тоже ладно!» (январь, 1992).

«...Прошлый год ты был намного оптимистичнее. Ругать тебя за тоску твою как?... В общем, я в тебя верю, а умирать не торопись, успеем ещё и туда» (22 ноября, 1992).

«Понаписал я тебе тут гуфты всякой, ты особенно-то не обращай внимания, пойми, что я в больнице, весь больной, и голова у меня кружится...» (там же).

«...А с другой стороны - будем благодарны природе и за то, что сделано, за то, что ЕСТЬ: «если бы да кабы» в расчёт всевышний не идут.

Душа томится в теле,

Не требуя наград:

Никто на самом деле

Ни в чём не виноват».

И то правда: в умении сетовать и стенать уж мы изрядно преуспели, а и малому радоваться не всяк сподобился из нас... Человек появился на свет - и нас одарил, одарил, чем успел одарить: и то славно - и неча скулить! Что было - того уже нет, что будет - того ещё НЕТ, а всечасно есть вольготно и настырно одно оно - ЕСТЬ, и у нас его никому не отнять!.. Это я так сам себе говорю, дабы грусть-печаль свою по товарищу Мишке моему умерить: но ведь печаль-то это моя, а не его, а смерти нет - есть мерцающие огоньки жизни, эдакие проблесковые маячки, что нас не токмо ведь гоняют и гнобят, сиреной дикой взвыв, но и спасением являются -

В ночи суровой и сырой,

Сухой, какой угодно,

Где дышит хаос мировой

Волчицею голодной...»

От Мишки у меня осталось 16 писем и неказистый курительный мундштучок - самодельный, заводской, плексигласовый: три года назад от него случайно (или неслучайно?) откололся небольшой такой кусочек...

И только в прошлом году я узнал (из заметки Г. Шекиной в «Книжном обозрении»), что Мишки больше нет... Зато - взамен - явилась книга («Сердечная рана») и изменила мировой порядок - так ли, сяк...

А мундштучок-то я подремонтировал и вдыхаю теперь через него ядреный русский дух, где есть теперь и его - жаравинская - составляющая.

Москва - Луховицы

«УШЛА ОНА, А МОЖЕТ, УЛЕТЕЛА»

Трудно судить о таких человеческих взаимоотношениях как любовь или дружба. Если любовь может быть безответной, то невозможно назвать дружескими отношения, если они «с одной стороны». Существует понятие «закадычный друг» - такая дружба бывает только в детстве, а со временем люди взрослеют и отдаляются друг от друга. Меняются их взгляды, положение, реже становятся встречи... Всем непросто становится собираться. Но есть конкретные торжественные события, на которые нельзя не прийти. Когда-то это были свадьбы, теперь чаще - похороны.

Уже почти четыре года нет с нами Михаила Жаравина. Такой банальной фразой я начну свои записки о друге. Недавно мне попала в руки его первая книга. Я рад за него... Если так говорят о тех, кто... Но я не собираюсь писать о книге, надеюсь, там все правильно. Нет моих записок - только стихотворение! Несколько раз я порывался сесть и написать, не знаю, что мне мешало. Эта добротная, качественная книга его прозы, стихов, воспоминаний о нем - она уже серьезно подтолкнула меня взяться за перо. Огромное спасибо издателям.

Теперь трудно вспомнить в хронологическом порядке - когда, где и что происходило. Но может быть, это не так важно, важнее то, что осталось в памяти.

Обидно выслушивать укоры - «Вот вы были друзья, были рядом и не могли остановить, посоветовать...» Такие слова можно отнести к любому безвременно ушедшему творческому человеку. Но люди прислушиваются к советам только тогда, когда советы совпадают с их взглядами. Каждый любит, как хочет, живет, как умеет, и умирает по-своему. Что из того, что Мишке советовали еще до женитьбы оставить Светлану? Или не пить красное вино, будучи больным?

Не знаю, насколько мы были с Мишей друзьями. Не могу знать, как он ко мне относился - когда он был жив, я не задумывался об этом. Встречались мы часто, особенно когда работали вместе на подшипниковом заводе и перед тем... Той осенью я тоже развелся с женой.

Что такое вообще дружба? Бывают моменты - хочется поплакать в жилетку, и хорошо, если рядом окажется понимающий, может быть, прошедший через все человек. Но все-таки, на мой взгляд, для таланта важнее другое. Это ночь, кухня, если нет отдельного кабинета, сигареты, если куришь, одиночество, когда никто не стоит над душой и не дергает по пустякам и, конечно, зовущий чистый лист. Когда к таланту приходят такие друзья, мне кажется, он бывает счастлив.

Захожу как-то к Михаилу глубоким вечером (уже на новую квартиру в Поселковом). Открывает. «Привет», - «Привет». Взгляд какой-то... не

сказать, что блуждающий, а потерянный, отвлеченный. Я, конечно, сразу все понял, кроме того, заметил на кухонном столе машинку. «Пройдешь?» - «Лучше потом», - ответила, даже не сказав, что у меня с собой бутылка. Вижу - человек работает, зачем отвлекать. Сам такой, самому бывает неприятно, когда мешают. Очень часто на работе, когда я забегал к Мише в цех на сборку, находил его понурым, разбитым, словно больным. Я интересовался, что случилось. «Печатал всю ночь, ни хрена не получилось, все выбросил», - отвечал он.

Нам нравилось уходить в проход за цехом («северный коридор»), там не таклюдно. Я читал ему новые стихи, выслушивал его одобрение или замечания, мы спорили. И уже потом, расставшись, я мысленно возвращался к сказанному. Все-таки как он оказывался прав!

Мишка умел слушать, проникаться и понимать. Он указывал мне на строфу или строчку и видел в ней то, что я сам не замечал, открывал мне глаза на самого себя, и я был за это ему благодарен. Очень много сюжетов к его рассказам было передано мне в этом коридоре. Отлично помню Филина («Ударь кумира детства»). Он все хотел сделать несколько зарисовок с одним героем, а потом объединить их во что-то более существенное («Может, роман», - говорил он, смеясь.) Не всегда все выходит так, как задумываешь.

Когда он писал «Глухую защиту», как-то рассказывал мне, что интересно сочинять стихи за своих героев, особенно за женщин, скорее не интересно, а необычно, появляется двойная ответственность. Предлагал мне что-нибудь черкнуть от имени Томки. Но я отказался.

Слушая начало «Холостого выстрела», я сразу сказал ему, что армию и так все задергали, и в газетах, и по телевидению, трудно будет чем-нибудь задеть или удивить. «Поглядим», - он ответил. Поглядели - получилось.

Как-то на работе (на заводе я работал гравером) подходит ко мне наша нормировщица Галя, говорит: «Видела сегодня твоего друга писателя (ну, который к тебе заходит) в троллейбусе. Ты подумай, стоит рядом бабуса, чуть на него не падает, а он устоялся в одну точку, как будто ничего не видит и не слышит. Люди шушукуются, а он сидит как ни в чем не бывало. Потом словно опомнился, соскочил с места, помог бабке сесть. Хотелось сказать всем, чтоб не обращали внимание. Это писатель, а они все такие...» Галя покрутила пальцем около виска и, чему-то улыбаясь, пошла по своим делам. Да, не знаешь, где найдешь, где потеряешь, где тебя может застать наитие - в троллейбусе, за станком, на какой-нибудь дороге. Главное, чтоб оно приходило почаще.

Впервые я встретился с Мишкой на лито «Ступени». Пришел туда, сильно волнуясь, принес тетрадку стихов. Разбирать мои стихи решили на следующем заседании, нужно, чтобы все ознакомились. Его я заметил не сразу, он стоял в стороне в рабочей одежде (наверно, была вторая смена). Но когда стали расходиться, я первый подошел к нему и предложил встретиться у меня дома. Так началось наше знакомство. Я тогда жил с женой у ее родителей... Купил пару бутылок водки, жена собрала на стол.

Мы с Михаилом обстоятельно побеседовали. Мне в первую очередь хотелось выяснить, что за люди собираются на литобъединении. Моя рукопись находилась у кого-то на руках, и я сильно переживал. Ведь всегда бывает не по себе, когда отдаешь свои творения на чей-то суд, особенно, если в первый раз. «Стихи в печать отдать - как дочку замуж выдать», - очень удачно заметила Ольга Фокина.

Миша еще не читал мою тетрадку, поэтому о стихах почти неговорили, разве он почитал немного своего. А мне было трудно что-либо сказать ему, выразить свое отношение.

На следующем заседании состоялось обсуждение моих стихов. Как сейчас помню резкие нападки Ларисы Новолодской, Елены Кузнецовой, скептическое лицо Юрия Каранина. Но всегда доброжелательный к начинающим Юрий Макарович Леднев очень меня подбодрил. «Пьянки звонкие», «петля жадная», все это правильно, - сказал он. - Но, Саша, надо работать, есть у тебя отдельные сочетания, строчки, но готовых стихотворений нет». Юрий Макарович пригласил меня зайти к нему, и я заходил несколько раз. Беседы с ним во многом повлияли на меня, мое дальнейшее отношение к стихосложению, за что я ему так благодарен.

Когда очередь говорить дошла до Михаила, я сразу понял, что он не будет «долбать», мы уже подружились. И действительно, он просто прочел одно из моих стихотворений, там была такая строчка «за этим сладким-горьким чаем» - речь шла о ссоре или разводе. Позже я понял, почему его задело.

«Лезть в душу» не в моих правилах, если человек захочет, то расскажет сам. Сидели как-то у него (дом 27 в микрорайоне ПЗ) на старой квартире, выпивали. Звонок. Миша открыл, вошла Светлана. Она не раздеваясь пронеслась в комнату, открыла шкаф и начала складывать в чемодан какие-то вещи. Михаил как можно мягче пытался ей что-то объяснить, она бросала в ответ резкие фразы. Я вышел на кухню, чтобы не мешать. Через несколько минут она, Светлана, так же стремительно ушла, громко хлопнула дверь. Михаил с какой-то непонятно виноватой улыбкой появился на кухне.

«Ушла она, а может, улетела», - пробормотал я, еще не зная, что это будет строчка из стиха, посвященного ему. Он не обратил на это внимания, сел, закурил. «Вот так вот, Саня, не приведи Бог тебе видеть своих детей на руках у другого мужика, когда они ему улыбаются и батькой называют», - дрожащим голосом произнес он. И поведал, как встретил на вокзале свою бывшую жену с детьми и с этим... Мишка никого не обвинял, но я чувствовал, как ему было тяжело.

Теперь читаю и перечитываю его рассказы, и становится ясно, откуда эта боль, эта сердечная рана, выбивающая слезы у мужчины. По-моему, это от любви, он так любил своих сыновей, и даже после всего случившегося продолжать любить Светлану. Его любовь оказалась лишней, отвергнутой. Всей своей горячностью и невостремленностью она легла в творчество.

Строчка «ушла она, а может, улетела», брошенная мной на Мишкиной кухне, не сразу нашла свое место. Сначала написалось другое стихотворение, оно не сохранилось. Но когда я писал другой, теперь известный стих, не подозревая, что он относится к Жаравину, то никак не находилась рифма к слову «тихо». Вдруг у меня вырвалось «Миха», и сразу все встало на свои места! Вспомнился тот вечер, кухня, его мадам, его взгляд, его рассказ...

Была у меня и другая строка - «в моей сырой могиле холодно». Когда я ее написал, то невольно вздрогнул - это было задолго до Мишкиной смерти, но почему-то явственно как бы увидел перед собой его. Я тогда испугался, никому об этом не сказал, но сам не забыл. И даже несмотря на то, что стихотворение ушло в сторону, не состоялось, строка эта корбит меня до сих пор.

Забегает Мишка как-то раз ко мне на работу, весь довольный, улыбается (я редко его таким видел). «Вот, - говорит, - вчера первый гонорар получил, купил книгу, даже подписал «с первого гонорара». Это был рассказ «Манило», за который ему в редакции заплатили 25 рублей. «После работы пошли ко мне, отметим», - сказал он. - «У меня стихи есть», - кивнул я на парня, работавшего со мной. - «Там поговорим». И умчался. Мы встретились после смены, я прихватил стихи своего знакомого. Когда я их читал, Мишка только улыбался. «Саня, такой бред орут на каждом магнитофоне. Здесь ничего нет». Подумав, я согласился. «Никогда не пиши песни, у тебя неплохие строчки, а если кто-то положит их на музыку, то это другое дело...» Что я мог ответить? Немного обидно было за парня, но Мишка был прав.

Была дата смерти Н. Рубцова, по-моему, в 1992 году. Мы с Михаилом и Алексеем Швецов договорились съездить на могилу поэта. Место сбора назначили у Дома быта в двенадцать. Швецов не пришел. Мороз стоял заправский, крещенский. Поначалу мы думали отложить поездку, так как никогда не были на могиле, не знали, где она находится. Но именно поэтому решили ехать. Купили водки, пирожков на закуску и сели в 104 автобус. Хорошо, что на кладбище указатели, но и с ними мы не без труда отыскивали пристанище русского поэта. Вылили целый стакан на снег, раскрошили пирог. Помолчали. Выпили. Замерзшие, отправились обратно.

Швецова нашли в редакции «Нашего поколения», убедили пойти с нами и двинулись втроем через магазин ко мне на Первомайскую. Не знаю, сколько выпили, но конца я не помню. После этого случая, когда я упоминал своих друзей писателей, тещь подкалывал: «Те писатели, которые по прихожей на карачках ползали». Мишка потом рассказывал, что пытался дойти до своей знакомой, но очнулся в каком-то чужом подъезде, в шапке, но без дипломата. Тогда он был именно в шапке из собачки, хотя обычно носил «требушок». Не знаю, что было в дипломате у него, но я ему отдал перед этим тетрадь своей прозы (хотелось знать его мнение). Он очень извинялся, но какая может быть обида. Если бы

не пьяные разговоры, то я никогда бы и не показал ее, а может, и сам бы рано или поздно выбросил.

Перед семинаром молодых писателей в 1993 году я не выпивал четыре месяца, был закодирован. Когда Цыганов объявил, что по окончании состоится банкет, я решил, что это подходящий случай, чтобы расслабиться. В первый день семинара нас не обсуждали. Не знаю, что происходило на заседании прозы, но меня «долбили» по порядку В. Коротаяев, О. Фокина, С. Викулов, и лишь Ю. Леднев сказал несколько мягких слов. В упадническом настроении дождался Михаила, мы, не сговариваясь, пошли пешком, очнулись только в районе Гончарной. Зашли в магазин, купили, поехали ко мне на Возрождения. Жена отнеслась доброжелательно. Миша почти не пил, болело горло. Зато жена засыпала вопросами об институте, да и на заводе у них были общие знакомые, а я не очень-то слушал их, все находясь под впечатлением...

Одна из черт характера Михаила - его сильное смущение в обществе женщин. Стеснительная, почти заискивающая улыбка во время разговора с ними, неуверенность... По сути он был очень мягким человеком, боялся обидеть, сказать не то. И женщины, возможно, чувствовали свое превосходство, свою власть над ним, может быть, некоторым это нравилось.

На следующий день семинара состоялось закрытие. После торжественной части гуляли по городу втроем - Миша, Таня Бычкова и я. В этот ласковый воскресный день город был тихий и теплый. Мы шли по улицам и по парку, где прошло мое детство. Я не прислушивался, о чем они говорили, мне просто было приятно, хорошо идти с ними и думать о своем, предаваться воспоминаниям. Потом был банкет. Миша болел все дни семинара, и вскоре, выпив рюмку коньяку, ушел с Татьяной. Мне стало не по себе, я не настолько хорошо знал собравшихся, поэтому немного посидел и тоже ушел.

Даже не заметил, как в жизнь Михаила вошла Ангелина. Помню, он показал мне ее в цехе, я не придал этому значения. Потом в наших разговорах все чаще стало мелькать ее имя. Я узнал, что они не первый месяц живут вместе, что у нее есть сын, что ее характер не подарок, и они часто ругаются.

В последний год я все время видел ее у него на новой квартире на Поселковом переулке. Однажды я зашел с бутылкой, выпили втроем за знакомство. Когда бутылка кончилась, Мишка предложил продолжить, Ангелина завозмущалась, дело пошло к ссоре. Понимаю, никакой женщине не нравится, если мужик пьет. Пока мы ходили за добавкой, она ушла. Мишка говорил, что вот всегда так, по делу и не по делу, всегда то уходит, то приходит, ее не поймешь. Но почему-то нравится ему. А еще рассказал, как ее сын к нему привязался. Тогда я подумал - а может, Мишка привязался к нему, ведь своих детей он давно не видел. Потом, изрядно выпив, мы пошли к ней домой вроде бы мириться, она жила

на Панкратова. Открыл сын. «Где мамка?» - спросил Миша. - «Не знаю», - ответил тот. Мы вошли; парнишка, правда, был рад нашему приходу. Через несколько минут явилась Ангелина. Мишка стал уговаривать ее забрать сына и пойти к нему домой. Я понял, что лишний здесь и поспешно ретировался.

Под впечатлением этого знакомства у меня завертелись в голове строчки со словом «нехорошая». Они долго валялись в черновиках, потом уже после смерти Миши я нашел его и доделал. Вот что получилось:

*Мне осталась от любви головная боль
Да тропиночка домой припорошена.
И прощальный поцелуй - как на рану соль:
Что ты сделала со мной, нехорошая?
Под ногами, как укор, глухо снег хрустит,
Я невесело иду под осинами.
И прощальный поцелуй на губах горит -
Все же лучше б ты была некрасивая.
Отшумит хмельной дурман в буйной голове,
Жизнь изменится еще, скоротечная.
Не узнаю никогда, знать не надо мне,
С кем ты завтра ляжешь спать, бессердечная.
Заметет метель-пурга мой неровный след,
Позабуду навсегда горечь прошлую...
Может, не было любви, может, вовсе нет,
А целую я опять нехорошую...*

Отлично помню, когда видел Михаила в последний раз - еще здорового. Тогда в городской библиотеке была презентация книжки Ольги Кузнецовой «Больше света». Мне она всегда нравилась как поэтесса, и я, естественно, решил сходить, а перед этим заглянуть к Мишке (это недалеко). Он открыл не то спросонья, не то с похмелья, а скорее - все вместе. Провел на кухню. На столе вино, остатки закуски, пепельница, полная окурков. «Давай выпьем», - и налил мне.

Оказалось, он позавчера вернулся из деревни, зашел к товарищу, с которым раньше работал на ГПЗ. Тот за пьяной беседой рассказал, что Ангелина снова встречалась с командировочным - Мишка его видел, знал про их отношения, но это было до него. А чтоб снова... Мишка пришел домой, устроил скандал, выгнал ее. Линка оправдывалась, ревела. «Вон, посмотри», - и указал на стены. Там выделялся свежий след чего-то красного (!). На полу везде валялись осколки. Варенье! Он привез из деревни много банок с вареньем для Лины и для ее сына, а когда узнал, почти все переколотил.

Он подал мне денег, отправил в магазин за вином. Я понимал, что ему сейчас нелегко, надо выговориться, может, даже оправдаться в собственных глазах. Слушать я его слушал, но не понимал, может, потому, что сам не такой. И к тому времени я был уже в разводе, а это совсем

другое дело. Впрочем, и они были не женаты, но жили-то вместе...

Тут я вспомнил, что надо бы сходить на презентацию. Михаил согласился, сказал, что готова рецензия, но мы продолжили выпивать. Ближе к вечеру заявила Ангелина, по-хозяйски прошла на кухню - недовольная, даже злая. Мишка что-то ей стал говорить, оправдывался - в душе он ее уже простил. Она это понимала, отправила его спать, мне указала на дверь и сунула остаток портвейна. Вот в таком «триподнятом» или наоборот настроении я дотащился до библиотеки и ни за что нахамил поэссесе, которая мне нравится. Потом долго мне было стыдно, не раз пришлось извиняться...

Прогуливаясь с товарищем по Советскому проспекту, случайно встретил Юрия Малозимова. «Ты не знаешь? Мишка Жаравин в больнице. Что-то очень серьезное, сделали операцию».

Я знал, что у Мишки прихватывало поджелудочную, и сразу подумал, что да, это серьезно. Не останавливаясь, мы пошли в городскую больницу, но оказалось, что его уже перевели в областную. Уже под вечер добрался я до областной, через справочную узнал, где он. Но дверь оказалась закрыта, мне никто не открыл.

На следующий день с утра снова пришел. Там уже стояла Ангелина, и ее не пропускали. Когда я обратился к врачу, то получил отказ. В раздражении я закричал, что хочу видеть друга, может, в последний раз, хочу проститься, в общем, нес все в таком духе... Врач сказал: «Проходите, а она пусть останется».

Мы поднялись на второй этаж, мне предложили халат и тапочки, я опять спросил: «Почему вы не пропускаете ее?» - «Она каждый день приходит и сидит, а что толку?» (Наверно, он был без сознания). Врач указал мне на палату Михаила. С содроганием в сердце я вошел. Он лежал сразу у входа. Нелегко описать те несколько минут... Мишка лежал с открытыми глазами совершенно голый, в каких-то трубках, на животе свежий шрам (может, после процедур его забыли укутать). Страшно было видеть его таким.

«Сашка, ты...» - сдавленным, как из подземелья голосом произнес он и попытался улыбнуться. - Поправь одеяло».

Дрожащей от волнения рукой я укрыв его. Теперь, когда я пишу эти строки, он у меня опять перед глазами. Что я мог сделать? Да ничего! Даже сказать было нечего, мысли путались, зубы сжимались до ломоты в челюстях. «Почему именно он лежит здесь? А я здоровый... Сейчас уйду, наверно, напьюсь... А с ним - уже никогда. Прощай, прощай! И прости, если что не так...» Примерно такие слова крутились в голове.

Я взял прохладную руку: «Мишка, выкарабкивайся как-нибудь, ты сможешь...» - только это и смог произнести. Челюсти ломило, душа изнывала от ощущения вины. Было больно стоять, больно смотреть - в те минуты - больно жить. Легонько пожав его пальцы, я вышел. В глазах потемнело, прислонившись спиной к стене, присел. Потом словно во сне переодевался и выходил на улицу.

О смерти Михаила Жаравина узнал от работницы городской библиотеки, поздно вечером она подошла ко мне в магазине и сообщила об этом. Я сразу пошел к другу, у которого был телефон, дозвонился до Лены Волковой из редакции, она дала мне адрес Мишиного брата Николая. На другой день был у него, но, как выяснилось, опоздал, уже похоронили. Было очень обидно и до сих пор чувствую себя виноватым.

Возвращаясь к началу, могу добавить: Жаравина просто нужно читать. Все поймешь и почувствуешь.

Наталья Серова

**БОЛЬШИЕ СТРАСТИ
МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА**
(школа № 23, конкурсная работа)

В произведениях русской классики часто встречается тема «маленького человека». Забытый, униженный, никому не нужный. Он лишний в этой жизни. У него нет по-настоящему близких людей, он задавлен своими повседневными заботами и проблемами. Человек этот порой и не старается подняться выше в духовном отношении. Его мелкие мирские заботы бывают скучны, серы, мелочны. Но он продолжает трудиться неизвестно для чего. Таков тип «маленького человека» у Гоголя, Достоевского, Чехова.

Но порой и у него в душе разгораются поистине великие страсти. Так и в произведениях Михаила Жаравина в душах «маленьких людей», в их судьбах разыгрываются такие драмы, такие страсти, какие в пору, кажется, только героям Шекспира.

Откуда берет своих героев Жаравин? Можно сказать, с улицы. Посмотрите, оглянитесь. Быть может, тот мужчина в пивной очереди, что вчера почему-то запомнился вам, много лет страдает по ушедшей жене. А деревенский с виду старичок потерял сына... А, может, они тайно пишут стихи или летают во сне?

Что-то заставляет Жаравина писать эти рассказы. Казалось бы, судьба автора тоже подготовила ему участь одного из многих серых тысяч. Профессия совсем не поэтичная: подшипниковый завод, пожарное депо. Обычный брак, обычный развод. Но что-то, видимо, свыше дано. Именно после развода Михаил Жаравин пришел в литературу. Действительно, «...кто в водку, кто в тетрадку...» (Д.Копосов).

Стихи и проза. И вот уже перед нами явление незаурядное, яркое. Ранняя смерть, увы, не только печалит, но придает романтический ореол тому, кого знают как писателя только по его произведениям. Жаль, что, как и везде, громко говорят о таланте после его смерти.

Итак, попробуем рассмотреть, в чем новизна героев романов Жаравина. По судьбе, по социальному положению - это простые люди.

Живут в деревянных избах, работают тяжело, задавлены жизнью. Тем, кто перебрался в город, живется еще несчастнее. В произведениях Михаила Жаравина отображена реальность, наша с вами жизнь. Она, жизнь, показана такой, какая есть. Без преувеличений в какую-либо сторону - не приукрашено, не усугублено. А как изображает автор эту действительность? Жаравин показывает нам переживания героев. Что творится в их душах! Хотя герои внешне вполне обычные люди.

Например, рассказ «Сердечная рана». Обычная картина. Дети живут отдельно от родителей. Василий Степанович, обычный, вроде добродушный старикан, уже довольно давно не видел сына. И вот к нему приезжает внучка. Василию Степановичу становится плохо. Почему? Что заставило его так волноваться? Внучка Валя похожа на его жену, они как две капли воды. Ну и что такого? Родственники ведь. Но Василий Степанович волнуется, нервничает. И постепенно мы узнаем его судьбу. Что жена героя гулящая была, ушла к другому. А сын-то как же? Любил он сына, на все ради него готов был. И решился жену убить, вместе с ухажером ее. А сына забрать себе. Но прерываются его воспоминания. Увидел в коридоре Дуню, жену свою, с ножом на нее бросился. А чуть не убил - внучку. Но все же неясно до конца, убил Василий Степанович свою жену или здесь что-то другое. Ведь говорит сын его: «Захотел бы да не смог, мама уже мертва была...» Да, присутствует некая мистика. Как у героев Достоевского, у старика мутится сознание. Было, не было - это не главное. Главное - «двойное дно» обычного человека.

Перечитаем рассказ «Сын приехал». Главное действующее лицо - отец. И вообще, в произведениях этого автора сильно развита тема разбитой семьи. Логунов разведен. И опять мы видим человека, подобного многим людям на улице. Их можно встретить где угодно. Мы их видим каждый день, мы равнодушны к их горю и проходим мимо. А Жаравин знает о них, кажется, все. Но Логунов имеет свои проблемы. Он не видел любимого сына много лет. И все время жаждет встречи. Вот, наконец-то дождался. Приехал сын. Ведет отец его домой, усаживает, угощает. Прощения просит. Божится, что вспоминает, любит его. Письма хочет показать. Но все оказалось мистификацией, химерой, игрой больного воображения. Нет сына. Разбился. Но вот же он сидел, говорил! Укорял его. Телеграмма, злосчастная телеграмма. Она свела Логунова с ума. Какие чувства, какие переживания. Какая боль! И такие драмы разыгрываются изо дня в день. Они окружают нас, человеческие драмы. Порою такие сильные, что жить с ними нельзя.

Как я уже писала, очень сильна тема разбитой семьи, разъединения в рассказах Михаила Жаравина. «Пыль» - пример такого произведения. Сын уже много лет не подает весточку родителям. Все собирается, а собраться никак не может. Родители даже в розыск подали. Филин (главный герой) - обычный человек. У него свои повседневные проблемы, он придавлен тяжестью серых дней. Он пытается уйти от своего прошлого, но сам же приходит к мысли: «Интересная штука па-

мать: живешь, ни о чем не думаешь, все чинно, гладко, тихо, а стоит копнуть - началось!» И действительно. Если всмотреться в этого Филина, простого рабочего, в нем можно найти такую глубину! Перед нами открывается его жизнь, полная волнений, переживаний, тягот, забот. И все это мы видим через его воспоминания. И можем познать глубину чувств. Его чувств, вполне человеческих и реальных. Жаравин показывает необходимость возвращения к корням, хотя бы для успокоения своей души. Души многострадальной и усталой, души русского человека. Возвращение в прошлое - способ познать себя и других.

Наиболее трагичен рассказ «Любимая игрушка». Здесь все узнаваемо: автобусная толчея, мусор у дома. Недаром героя поначалу смешит мысль о похищении сына, какой с него выкуп? У таких людей дети уходят сами. Но у этой семьи в прошлом своя трагедия. У главного героя жена погибла в автокатастрофе. Остался сын - Алешка. Любимый, дорогой. Саша поклялся заменить сыну обоих родителей. Новая жена, Надя, конечно, любит Лешу, но это не свое, не родное дитя. И вот сын убежал. Почему? Герой не может этого ни понять, ни принять. Он не знает, чем обидел сына. Да. Саша любит сына всем сердцем, всем своим существом, но вместе с тем сильно страдает об утрате Лены, своей первой жены, и винит себя в ее гибели. Вот он - в отчаянии, забитый, изведенный. В конце концов он находит сына, но в порыве какой-то нечеловечности, обиды на всех и каких-то других, непонятных лично мне причин, забивает сына насмерть. Своего любимого, драгоценного Алешеньку! Но здесь еще есть один момент. Маленький, но значащий очень много, как мне кажется. Любимая игрушка. Герой ищет ее среди других игрушек сына, чтобы понять его лучше, но не знает ее, игрушку, не может догадаться, что любит его ребенок. Это показывает незнание, непонимание своего сына Лешки. Значит, настоящей близости у отца и сына не было. Он, Саша, и себя как следует не знает. Откуда взялся в нем хищный убийца?! Жизнь довела? Ответа писатель не дает. Это можно назвать «страшный бунт «маленького человека». И его последствия...

«Ударь кумира детства» - еще один сложный психологический рассказ. С одним из действующих лиц мы знакомы по рассказу «Пыль» - это Иван Филин, а так же Сергей Фролов. У каждого из них своя личная трагедия. Сергей нам показан (по крайней мере, складывается такое впечатление), как более положительный персонаж. С Иваном же мы знакомы и знаем его не с лучшей стороны: «Тридцать девять годов прожил, пол-страны объехал, а хвастать нечем, пыль одна...» Но почему благополучный Сергей завидует собственноручно избитому Ивану? Сергей долго колеблется: ударить Ивана или нет - так и убить вообще-то можно - но все же решается. И после этого в нем возрождается былое поклонение перед Ваней. Ведь Филин когда-то в детстве защищал Сергея от сверстников-хулиганов. Невольно ставишь себя на место как и Сергея (ударил бы я?), так и Ивана (ради друга рискнул бы жиз-

ню?). Что же заставило их обоих это сделать? Страх, желание показать себя, дружба, солидарность? Можно думать по-разному, выдвигать любые точки зрения, но к единому мнению все равно не прийти.

Еще один рассказ о семье и проблемах внутри нее - «Сергуня». Митьке тоскливо, грустно. Его младший брат обрел себя в другом, чуждом мире, в мире города. А ведь когда-то Митька защищал Сергуню (действующее лицо и других рассказов). Очень уж Митька привязан к брату. Трогает его глубокая привязанность и любовь. Теперь же Сергуня уже взрослый. Он вырос, добился всего сам. У Митьки нет зависти к своему брату, лишь грусть, что брат ушел из его жизни. Теперь Сергея не надо опекать, как когда-то, теперь не надо его учить. И от осознания этого у Митьки все внутри переворачивается, и сердце на части рвется. И рад он за брата, и грустно ему. И почти во всех произведениях Жаравина встречаются такие люди. Маленькие люди, но с глубоким внутренним миром. Все его произведения как бы объединяются этим. Но в то же время мы видим разнообразие ситуаций, характеров, судеб. Каждый человек индивидуален, но переживания присущи каждому человеку. У человека есть душа, и порой бывает трудно найти человека близкого тебе, а когда найдешь, то и удержать его - тоже задача не из легких. Именно эту идею можно усмотреть в произведениях Михаила Жаравина. И его герои, наверное, тоже могли бы сказать о себе:

Я хотел быть простым,
Я хотел быть дешевым, как трешник..
Им ведь легче втройне..
... Но не получается:
Ах, зачем я живу
Бестолково, как майская роза,
На разок пригодясь.
После - долго помойная жуть.

Своими глубокими рассказами Михаил Жаравин наносит читателям сердечную рану. И эта рана будет кровоточить долго и упорно, пока люди не поймут, все люди на Земле, что мир может и должен быть без Зла человеческого, такого безрассудного и ненужного. Нужно быть сильным, а не злым. И своими рассказами Жаравин пробуждает нас от дремы, побуждает к действию.

Можно уйти, не оставив следа.
Можно заставить всех встrepенуться.
Ты все понимаешь только тогда,
Когда нет времени уж оглянуться.
Пробил твой час – наверно, пора
В синюю высь к облакам подниматься,
Но молят глаза и просят глаза:
«Не уходи, не спеши расставаться...»

Облака закрыли небо.
Затянулась песнь дождя.
И кому-то не хватает света,
Чтоб дожить до завтрашнего дня.

Татьяна Жукова

ЛИРИКА ЖАРАВИНА И ТОСКА ПО ДОМУ (Размышления о вечном. Конкурсная работа)

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!*

(М.Ю. Лермонтов)

Для себя Жаравина я открыла благодаря этому конкурсу. Мне захотелось принять в нем участие, и произведения этого человека, его книга «Сердечная рана» заняли свое место в моей личной библиотеке и моей памяти, душе, навсегда завладели моим вниманием. Название его книги отражает его душевное состояние, как и все то, что им написано. Мне бы хотелось лично поблагодарить людей, которые выпустили и создали эту книгу. Для многих людей и особенно для читателей они открыли имя этого поэта и прозаика. Огромное им спасибо.

Можно, конечно, все творчество М. Жаравина разделить на какие-то темы, годы выхода, лирику и прозу, но для меня – обыкновенного читателя – образ этого человека, его мысли и сомнения, образ создателя произведений складывается непосредственно под впечатлением всего прочитанного.

Михаил Жаравин – молодой писатель, первые его произведения были написаны в 1989 году. Несомненно, что именно эти рассказы и стихи одни из самых искренних, ведь они отражают его отношение к действительности, личной жизни, деревне.

Первые стихи – непридуманные страсти, только талантливый человек свою боль, свою рану может заключить в стихотворные строки. Читая, повторяю его:

Я болею тобою. Я болею,
Но скрываю болезнь от тебя.
Я в себе замыкаться умею,
Я умею смеяться, скорбя.
Я умею грустить незаметно,
Горячо – беззаветно любить,
Даже если люблю безответно,
А иначе не стоило б жить.

Вместе с Михаилом переживаешь его страдания, его болезни, его разлуку с любимым человеком, с любимым ребенком. Возможно, в свои двадцать лет я не так понимаю творчество Жаравина, да и психология, по мнению «научных мужей», женщин и мужчин различается, но почему-то при чтении его стихов сердце замирает от его слов, интонации, а на глаза наворачиваются слезы. Только черствый, равнодушный человек без дрожи в теле и голосе может читать его лирику. Становится ясно, что автор уже многое пережил, передумал и пытался донести до читателя глубоко личное, с оттенком страдания, трагичное мироощущение:

И между дел покоя не дают
Твои глаза, улыбка, нежный голос.
Держусь и рвусь к тебе,
 верчусь как полоз,
И помыслы мои тобой живут.
... Живи. Моложе встретишь и
 шустрей,
Но никого не встретишь ты
 нежнее.
Любима более не будешь ты никем.

Конечно, нужно признать, что не всегда получается с рифмой, не все ладится с формой, но каждое стихотворение – это еще одна возможность узнать и почувствовать душу Михаила. Его сердечная слеза, его размышления, его невысказанная боль. Боль, разрывающая сердце, тело, душу от трагедии, страдания, невозможности обратимого.

Михаил Жаравин ищет различные формы выражения своих слов – находится в поиске своего творческого «Я», заслуживает внимания в этом отношении его стихотворение «Родился стих».

Носил его, как роженица плод...
... И вытащить на свет, на суд людской,
И про себя мечтать: «Не на потеху»,
Выискивать хоть в чем-нибудь утеху,
Ведь каждый стих как будто сын родной.

В нем Михаил точно определил отношение поэта к своим стихам – как матери к собственному ребенку.

Каждое стихотворение – искушение, живое, без фальши и искусственности, как живой родник. Его произведения посвящены не

только своим личным проблемам, обращается он и к литобъединению.

Михаил благодарит:

«Спасибо за прекрасный ваш совет.

За то, что с добротой ко мне, с заботой.

... Пишу пока я очень, очень слабо.

Что будет дальше – гладь или ухабы?

... Но обещаю вам

Писать лишь то, чем голова набита,

Острее рифмы. А писать короче

И обходиться без туманных строчек».

Интересны его стихи, обращенные к родственникам. В них он пытается разобраться в жизни, вспоминает мгновения прошлого – жизнь в деревне.

Мне всех больше понравилось стихотворение «Как часто Ложь и Правда вместе спят». Это произведение трогает за такие струны души, что даже не верится, что я могу так чувствовать слова, в такой форме проявлять солидарность с Михаилом в его мироощущении, миропонимании его страданий и трагедий. Прочитав это стихотворение, задумываешься о жизни, о том, как правдиво изображены вечные «соседи» чувственного мира человека – ложь и правда:

«Как часто Правду всю не говорят,

А ложь себе вбивают в души».

Несомненно, что и рассказы этого автора также заслуживают нашего внимания. В своих произведениях Михаил тяготеет к созданию экстремальных ситуаций. Особенно интересна диалектная лексика, язык разговорный, просторечный. Естественно, что для обыкновенного читателя сказки понятны, легкочитаемы, интересны. У меня самой моя маленькая родина – деревня. Поэтому к его сказкам я прикипела душой. Читаю его «Сказ о белом камушке», «Волчью морду», «Сердечную рану» - и сердце шемит от тоски по родному дому, хочется все бросить – шумный город, работу, друзей, даже любовь – и приехать в родную деревеньку. Почувствовать пьянящий запах листвы и реки, увидеть родные лица матери и отца, сестер, братьев, подруг. Преследует острое желание уйти в лес и просто ни о чем не думать – только чувствовать и наслаждаться запахами и звуками. Хочется, чтобы сила родных мест, природы, сила дома наполнила тебя, словно ты пьешь родниковую воду, и вот ты снова сильная, уверенная, самостоятельная, способная все переделать и наслаждаться жизнью, чувствами, искусством.

Проза и лирика Михаила Жаравина оставили неизгладимый след в моей душе. Если мне будет тяжело, то стихи Михаила, я в этом уверена, помогут разделить и уменьшить боль, страдания. Дай Бог, чтобы произведения Михаила нашли отклик в душе каждого читателя и их по праву оценила литературная интеллигенция.

**Римма Успенская
и воспитанники детского
дома №1 Вологды**

О КНИГЕ «СЕРДЕЧНАЯ РАНА»

(конкурсная работа

к 40-летию со дня рождения М. Жаравина)

После книги «В огне брода нет» я всерьез заинтересовалась биографией Михаила Жаравина, его семейным положением и его работой на 23 ВПЧ станции Лоста, а затем познакомилась с остальными его рассказами и стихами.

Исполняя задуманное, я все больше и больше убеждалась, что иду правильным путем, так как от этого получила огромное моральное удовлетворение. Творчество Михаила Жаравина стало для меня более понятным, душевно близким. Все рассказы и стихи писал простой, обыкновенный человек, которому Всемогущая сила выделила быструю жизненную скорость и наделила умением найти себя в разных производственных профессиях, стремлением понять что-то новое в условиях борьбы с самим собой и, наконец, талантом общения с народом. Но самое главное - его человеческая доброта, а значит, и уважение. А что в сердце, то и в творчестве. Вот и появились на свет близкие по духу для каждого человека его проза и стихи.

Литературно-художественный альманах «Вологодский Собор» включил в себя два рассказа Михаила Жаравина - «Две затяжки» и «Морозко». В рассказе «Две затяжки» автор очень образно показывает послевоенную детскую судьбу на примере жизни деревенского паренька Сеньки. Это жизнь детей, которые повзрослели не по годам, которые заменили ушедших и не пришедших с войны своих отцов. Война отняла у них детство; голодные, разутые, они никогда не отказывались от любого, даже для взрослых тяжелого труда. Чем не взрослый человек этот Сенька - подросток? Он все делает исправно, даже речь как у взрослого деревенского мужика и самокрутку закурил бы... Только детские переживания не скроешь, видно, что скучает он без отца, ждет его. Вопрос: «Похожи я на отца?» - полностью раскрывает его как ребенка. А когда он узнает, что отец жив - мгновенно взрослая напыщенность превращается в нескрываемую радость ребенка.

Тема детской судьбы военного времени очень актуальна в канун Сочередной годовщины Победы нашего народа. Именно такие рассказы помогают понять современной молодежи трагизм детской души не только во время Великой Отечественной войны, но и в настоящее время, когда обозначаются у нас в стране «горячие точки».

В рассказе «Морозко» раскрыта тема матери, воспевание материнской любви и материнского инстинкта, перед которым отступают любые преграды, когда мать желает прижать к груди своего ребенка. Именно

рассказ «Морозко» дал мне идею обсудить творчество Михаила Жаравина с воспитанниками детского дома по книге «Сердечная рана». Взрослые ребята прочитали по одному рассказу. И вот что они пишут.

Надя Буза, 9 класс.

«Прочитала «Сказ о белом камушке». Из него я познакомилась с двадцатилетним трудолюбивым и умным парнем. Как жаль, что он не мог постоять за себя! Но видно, и у тихони свой «белый камушек». Только дело случая повернуло его судьбу на жизнь, о которой он даже и не мечтал. Сказ учит - хорошо, что в этом случае кончилось счастьем, а могло бы быть и наоборот. Вот об этом-то и надо подумать!»

Полозова Марина, 10 класс. «И хочется жить».

«Из этого рассказа я поняла, что, как ни тяжела бабья доля в деревенском быту в старые времена, где и сопротивление-то невозможно, а из жизни уходить и близко в уме нет. Бились, бились, но жили. И очень хорошо, что я живу в другое время».

Андрей Буза, 17 лет. «Волчья морда».

«Любимая жена, дети, руки золотые - всего этого можно лишиться, если алкоголь вершит над мужем. И очень хорошо, что Олеше пришлось пережить «Бажовские видения». Чуть ума не лишился, но зато в голову взял, как надо жить. Зло злом оборачивается, добро - добром. Вот и делай вывод. Это я для себя говорю».

Фомичева Виолетта, 8 класс. «Четыре черных петуха».

«Поступки Ипата вызывают у меня неприятные, мерзкие ощущения. Не приведи Господь встретиться с таким человеком. Сама я не ангел, но никогда бы так не поступила».

Вершинина Таня, 9 класс. «Фиолетовое Солнце».

«Жизнь есть жизнь, всякое может случиться. Но очень жаль Лизу. Мало пожила, но счастье, хоть и короткое, тоже не обошло ее стороной».

Смирнов Вася, 13 лет. «Приснились лесные страсти».

«Мои переживания за Валентина на прошли даром. И я рад, что изменился он под собственным же контролем и почувствовал радость к жизни».

Буза Маша, 9 класс. «Беда».

«Этот рассказ надолго поселился в моей душе, но только знаю одно: пережили общее горе дед и внучек, и обернулось оно обоюдной любовью на всю оставшуюся жизнь. В начале рассказа плачешь вместе с героями, а в конце радость на душе».

Гладышева Лида, 6 класс. «Тема для сочинения».

Переживала за отца и сына до нервозности, но теплые отношения в этой семье остановили переживание, появились радость и спокойствие. Я хотела бы жить в такой семье».

Вот такие мысли высказали дети, прочитав рассказы Михаила Жаравина. Такие мысли для меня очень ценны, так как идут от детей, которые сами получили тяжелые душевные переживания. У каждого своя «сердечная рана», беда и печаль. Уже 10 лет это воспитанники детского дома. Высказывая свое мнение о прочитанном, я вижу, что они не

остались равнодушными ни к одному герою, а эмоционально, восторженно обсуждали их действия и поступки и даже высказывались, как бы они поступили на месте героев, чтобы все закончилось благополучно. (Вася Смирнов, Марина Полозова и другие). Поэтому считаю, что творчество Михаила Жаравина и детский дом - это отдельная для разговора тема.

Значительная часть стихов Михаила Жаравина адресована, по моему мнению, взрослому читателю, способному разобраться и понять причину напряженности души поэта в творческом порыве, почему она плачет, бьется и не может найти покоя. В его стихах - его биография. Возникает большое желание понять причину трагизма талантливого писателя, как человека. И чисто по-человечески я хочу сказать следующее. Талантливый человек живет, в отличие от других, совсем другой жизнью. В момент творчества он окружен своими героями, которые общаются с ним, заставляют его переживать, радоваться, просят от него помощи, совета. Общение это происходит в тихой, ни чем не отвлекающей обстановке. Обычно с приходом вдохновения он уединяется от семьи, детей, родственников. Ему в этот момент не до семейных проблем, еды и одежды. Он в творчестве! В одном моменте он раздражен своими героями, в другом возвышенно эмоционален по случаю радости за них. И чтобы родился нужный герой его рассказа, ему необходимо пережить самому жизнь этого героя. Талантливый человек живет, значит, не одной жизнью, а всеми, какие он сам создал и увековечил. Сколько надо души, сердца и здоровья! Один он жить не может в реальной жизни. Необходим рядом верный надежный друг. Обычно он соединяет жизнь с человеком, которого любит по созданному самим образу, но через определенное время убеждается, что этот человек очень далек от него. Начинается борьба в душе. Талант между образом и выбранным другом. К сожалению, в этой борьбе он убеждается, что выбранный друг совсем не тот, он мешает ему в жизни, он просто с ним несовместим. И жизнь приводит их к разводу. Именно в этом трагизм талантливого человека.

Трудно жить с талантливым творческим человеком, но если его понимать, жить не своей жизнью, а его, создать очаг как единое целое, в основу которого вложить любовь, то я уверена, жизнь пойдет в меру спокойной, нормальной и даже прекрасной. В этом семейном очаге один талантлив созданным уютом, другой творчеством. Оба счастливы по-своему, оба нужны народу, как творческие люди. К сожалению, в жизни Михаила Жаравина не встретился такой близкий понимающий человек.

Проза и стихи Михаила Жаравина - это реально-бытовая панорама Вологодчины. Смотришь эту панораму и представляешь жизнь героев, как они поступают в разных обстоятельствах, и мы видим их как живых. Одни для нас становятся любимыми и симпатичными, другие вызывают ненависть и даже насмешку. Я бы назвала творчество Михаила Жаравина словами Чернышевского - «Учебник жизни».

Так через мастерство короткого рассказа, точность, простоту и через живую устную речь в бытовых сценах Михаил Жаравин притянул к себе, как магнитом, большую армию читателей и встал на пьедестал популярности в одном ряду с Василием Беловым, Николаем Рубцовым и другими талантами.

В заключение я хочу сказать слова благодарности всем, кто дал жизнь творчеству нашего земляка - Михаила Жаравина. Лично мне помогли познать его творчество - Баранова Нина Алексеевна, Малоземов Юрий Полиэктович (ВПЧ-6), Щекина Галина Александровна (составитель литературно-художественного издания «Сердечная рана»), Цыганов А.А. - редактор книги «В огне брода нет», а так же все работники ВПЧ станции Лоста, с которыми работал с 24 января 1994 года Михаил Жаравин.

Екатерина Зубакина

НЕВЕДОМЫЕ СИЛЫ

(школа № 17, конкурсная работа)

Утро. Тихо журчит маленькая речка. Где-то вдалеке синее небо. На берегу - деревня. Слышен сельский говор. А ты идешь по полю. Трепет волос ветер. В руке маленький букет. Вдыхаешь этот воздух, смотришь, заслонив глаза, в убегающую, необъятную даль: как приятно чувствовать себя героем его рассказа.

Жаравин писал о жизни такой, какой ее видел. Должно быть, поэтому его рассказы так легки и понятны. В них есть и житейские трудности, и слезы горя и радости, и маленькое личное счастье. Все герои Михаила Жаравина - выходцы из деревни, в которой чаще и развивается действие. Все это не случайно: простой человек не умеет обманывать и скрывать, не ищет окольных путей, его чувства искренны. Деревне противопоставляется город, бесчувственный, холодный. В городской суете люди забывают о главном.

В рассказе «Пыль» городская жена, упрекая мужа за необразованность, происхождение, доводит дело до развода, запрещает встречаться с сыном. И вот человеческое счастье рухнуло, как картонный домик. По мнению Жаравина, мужская дружба крепче всякой любви. В рассказе «Ударь кумира детства», несмотря на все свои недостатки, Иван Силин, спасая от суда своего друга, рискует стать калекой и в результате едва не умирает.

В другом рассказе («Шутка») забавный розыгрыш едва не стоил Стасу дружбы человека, который его ценил и уважал. Герой понимает это в последний момент, но все-таки успевает исправить свою ошибку, и его друг обретает счастье. Жаравин учит нас с любовью и душевной теплотой относиться к окружающим, а тем более к родным людям.

Никогда нельзя предугадать последствия неосторожно сказанного слова, мимолетной злобы. Так, отец из рассказа «Любимая игрушка» в порыве безумной ярости до смерти избивает непослушного сына. Но не всегда автор рассказывает о реальной жизни. Потусторонние силы в его рассказах врываются в обычную жизнь людей. Они помогают («Морозко»), а иногда и наказывают за совершенные ошибки («Сказ о белом камушке»). Михаил Жаравин, без сомнения, был талантливым писателем. Его уже больше нет. Но всю свою душу вложил Михаил в свои произведения, и до сих пор, читая его истории, мы ощущаем его незримое присутствие.

Ольга Халявина

РАВНОВЕСИЕ ДУШИ И МИРА (конкурсная работа)

Литературное творчество М. Жаравина приковывает к себе внимание. Автор очень живо отобразил жизнь русской деревни с ее специфическим говором, диалектными словами, преданиями и поверьями. Это проникновение в народную глубь, в фольклор, ставит его прозу как бы вне времени. Реальные события сегодняшнего дня настолько переплетаются с былями, бывальщиной, устными преданиями старины, что становится неважной конкретная дата происходящего – все пронизано духом народных традиций, которые и ориентируют человека на моральные установки, на необходимость сохранения памяти предков, на все то, что охраняет человека от зла.

Незатейливые по сюжету рассказы носят во многом поучительный характер - человек должен жить, всегда храня память предков, всего народа. Без этой преемственности поколений цивилизованный человек может потерять человеческий облик, превратиться во зверя...

Особенной глубиной и многогранностью смыслов отличается рассказ или недописанная повесть «Равновесие». Его герой Проня Кубасов, которого подобрала и выходила знахарка бабка Серафима, обладает экстрасенсорными способностями, это обстоятельство становится его судьбой и бедой.

Сверхъестественными способностями наделена и беспутная Лушка Гришина, главная героиня романа А. Бархоленко «Светило малое для освещенья ночи».

Основной вопрос этих двух произведений, таких разных по жанру и по объему: «Зачем живет человек?» Ответ на важнейший вопрос человеческого бытия каждый ищет сам, но страшнее всего, если человек его не ищет, не задает и вопроса...

Найти себя и больному найденышу Проне, и «оторве» Лушке помогают мудрые бабки – хранительницы. И Проне, и Лушке много пришлось пережить.

Лушка духовно воскресла, лишь поняв, что она сделала - убила сына-младенца, попав затем в психиатрическую «здравницу». «Светилом», озарившим жизнь, стал для нее мертвый сын, его зазвучавшая душа. И он, и бабка помогли ей выйти из мрака бессмысленности жизни, использовать свои способности на благо людям.

У хромого калеки Прони другой путь. Как раз он, будучи калекой физически, душевно был лучше многих, доброта и доверчивость – вот его черты. Вот только странный он был - «больной, нечеловеческий взгляд», от которого озноб пробивал, не любил стричься, ходил до поздней осени босой... Когда человек странный, непонятный, не такой, как все - люди боятся. Чашу терпения переполнил случай с Проней: когда-то он увидел на посиделках пятно на лбу одного парня (признак скорой смерти). Проня испугался и вышел, а парень погиб на другой день на охоте.

Молва обвинила в этом Проню, и отец погибшего хотел затравить знахаря собаками. Собаки не захотели «рвать Проню», не удалось и убить. Тогда его попытались сжечь в собственной избе, но голос умершей бабки Серафимы вывел его из огня. После этого Проня становится нелюдимым, ожесточившимся в ответ на людскую злобу. Злая его энергия способна спалить дерево, искалечить животное.

Понемногу отогрела его душу человеческая доброта. Его в пути подвез и накормил Кирилл Крушняков, стал о нем заботиться, как о родном, позже - не оттолкнула, приняла со всем женским сочувствием швейка Дарья... И снова Проня, охваченный ответной жалостью, начинает лечить обидевших его людей (потому что помнит бабкино «просят помощи – протяни человеку руку»). Перестают душить всесокрушающие приступы злобы. Зажигается звезда, потушить которую по силам лишь Богу... Не помня людского зла, Проня опять становится лекарем, осознавая свою ответственность перед собой и перед другими людьми. Когда он выводит из лесу заплутавшего мальчика, читателя охватывает тревога – кто же выведет самого Проню? Выбор, который делает Проня, спасая врача Звягина, продиктован любовью к страдающему человеку, а не личными опасениями.

Глубокая человечность, забота о людях выводят из нравственного тупика и Лушку Гришину в «Светиле...» Сначала она отзовется на несчастье Марии, на брошенного котенка, на храпящую толстуху, потом на беспомощность людей на травматологии, впавшую в маразм бывшую подругу. В стремлении очистить, обиходить, вылечить

окружающий мир герои нравственно поднимаются над собой. И то, что их обоих подталкивают к этому бабки, говорит о бесконечной и бессознательной мудрости людей, мудрости народной и естественной. Только прислушайся к ней, и станет виден тебе свет, почувствуешь равновесие...

Сверхъестественные способности обострили вопрос выбора призвания и своего места в мире. Это относится и к Проне Кубасову, и к Лушке Гришиной... Именно от этого выбора зависит равновесие в мире. Зло или добро творит одаренный человек? Для жизни самой, для неустойчивого и хрупкого мира важно равновесие. Надо хранить равновесие, данное Богом.

Недаром автор «Равновесия» говорит, обращаясь к своему герою: «Окромя тебя да церкви нету спасения». Эти слова относятся и к Проне, и ко всем людям.

Татьяна Корнилова

ЕСЛИ БЫ...
(конкурсная работа)

Рубеж тысячелетий. Смута в умах, компьютерах, природе. В который раз уход. Мы уже настолько привыкли к уходам. Если бы знать...

Суицид стал нормой, никого не удивляет поножовщина с летальным исходом после антистрессового, далеко не аптечного бутылка, сгорание-самосожжение буквальное и фигуральное. Всемирная палата № 6, глобальный желтый дом. Уйдя в техномир, оторвавшись от почвы, неизвестно чем возгордившись, человек стал уязвим и жутко одинок. Поиски себе подобного все менее успешны...

Если бы знать... Талант неудобен в жизни. Не удобен для окружающих, не удобен еще в большей степени для автора. Он не понятен родным и близким, неприятен массе. Американский образ жизни, его идолизация, даже стандартизация стремления стать первым еще больше усугубили положение.

При чем здесь Жаравин? Но это его времена, а времена не выбирают. Будучи пишущим человеком, он концентрировал в себе то, что ощущается другими не всегда. Ушел из деревни, да и в город не пришел. Размеренный спокойный ритм, когда постоянно заняты руки, сменился пустотой. Утрата – и пустота. Поиски – мыканье – и опять пустота. Человеку нужны не экзистенции, а ласковое слово. Реальное теплое плечо, к которому приятно прислониться.

Герои его последних опусов неприкаянны и несчастны. «Придумай мне сказку со счастливым концом». С этого все и начиналось? Теперь у него не спросишь: «А что ты хотел всем этим сказать?»

Ведь был огромный простор для вкладывания своих мыслей в уста другого. Можно придумать массу вариантов выхода из жизненного тупика. Но было, было ощущение, что не хотел он бороться, искал конца. Обычно деревенские мужики крепкого здоровья, крестьянские корни прочно удерживают. (Гут либо не такой уж деревенский, либо стукнуло больней, чем надо.)

Мы существовали параллельно и чуть-чуть по касательной. Вспоминать вроде нечего, но...

Первое публичное выступление в общежитие ОМЗ. Какое-то заседание. Неумелое, стеснительное авторское чтение. Пачка печатных листов. Его тревожный нахмуренный взгляд. Мое домашнее прочтение тех же листов. Рука тянулась к карандашу, появился письменный отзыв, не рецензия даже. По словам Щекиной, у автора была радость: «никто так подробно не разбирал». Судя по письму самого Жаравина в «Сердечной ране», у него было желание ответить. Но «зачем беспокоить»? Надо беспокоить, если болит.

Потом его «выход в свет». Полный кабинет десятиклассников в школе, умных, критичных (юношеский максимализм). Тревога, как примут. Литератор не в пиджаке, не в галстукке, не в очках. От станка. Были и стихи, и рассказы. Был контакт! И просьбы читать еще. Долгий вечер, не регламентированный звонком с урока.

Предложение Щекиной поехать в Еловино Кич-Городка (в период развода). В качестве кого? Что подумают? Ведь это деревня. Да и надо ли? Хотя в лес за белыми и рыжиками очень хотелось. А вот писатель с ребенком...

Опять Щекина: «Сходи к нему за рукописью, очень надо, самой некогда». Прихожу. Шум в квартире, нечесаный автор. Муки творчества?

- У меня сейчас нет. Делаю для Цыганова.

Последняя встреча, не встреча даже, а ее замена. Вместо обещанного Жаравина – опять Щекина с какими-то путанными объяснениями и «чтением по тексту». Опять та же школа, десятиклассники, но другие. Кто знал, что уже близок конец?

Было яркое слово. Был сюжет. Могло быть еще что-то, но не будет. Если бы...

Он мне нужен. Наверно, надо вопить по примеру Г. Щекиной, чтобы успеть перехватить человека отчаявшегося, поняньчиться с ним и отдать в надежные руки...

Но гаснут свечи. Улетают души... Если бы...

Анастасия Веселова-Астафьева

«ЗЫБКОЕ РАВНОВЕСИЕ»

(конкурсная работа по повести М.Жаравина «Равновесие»).

Когда я в первый раз знакомясь с творчеством М.Жаравина – читала его сборник «Сердечная рана» – то ловила себя на мысли о схожести многих его произведений с мистической или романтической прозой конца прошлого века. Конечно, относится это в основном к его сказочно-легендарным изложениям, новеллам. Плагиат ли это? Скорее, нет. Поскольку все легендарное, сказочное, передаваемое из поколения в поколение, естественно, меняло свои очертания, приобретало иные краски, и в устах очередного рассказчика звучало по-новому, уже выдаваясь за оригинальное произведение. Наверное, нечто подобное мы можем наблюдать и в случае с мистической прозой рассматриваемого автора. Я не стану вдаваться в подробный разбор всех вошедших в собрание произведений, а остановлюсь на одном из них, заинтересовавшем меня своей философской подоплекой, попыткой создания весьма сложного образа неординарного человека. Я говорю о повести «Равновесие».

Почему я называю это невеликое по объему произведение повестью? Да именно потому, что идея великая, задачи автор перед собой поставил колоссальные и то, что текст обрывается почти нелепо, как фильм на время рекламы, на полуслове, говорит о том, что Михаил Жаравин просто НЕ УСПЕЛ сказать все то, что хотел. Отсюда и «сырость», недоработанность на чальных глав.

Нам представлен герой, о котором нельзя просто сказать - несчастный. Это не о нем. Господь направил его в руки старухи-знахарки, в добрые руки, которые, в буквальном смысле слова, поставили его на ноги. Уже в этом была заложена великая мудрость Всевышнего - не дать погибнуть существу, на коего Он в будущем возлагает свои надежды. И уверена, бабка Серафима чутким сердцем своим знала это, когда взялась выхаживать мальчика.

Этюдность произведения, когда оно больше походит на мелкие штрихи-наброски для будущей эпопеи, не позволяет нам проследить все детство Прокопея, чего очень хотелось бы. Автор сразу переносит читателя в юность героя, где тот сразу сталкивается с непониманием, поношениями окружающих. За его спиной уже нет опоры и заступницы старухи Серафимы. Он один перед строгим, не всегда справедливым миром. Прокопей непонятен людям, а всего непонятого испокон веков человечество боялось панически. Так же получается и тут: якобы косой взгляд Прокопея на молодого человека сразу же признается причиной гибели последнего на охоте. Скорее всего героя ждет смерть от взбешенных, слепых в своей ярости односельчан, и он вынужден уйти из родных мест.

Я бы хотела поставить в плюс автору его способность уловить все нити, все стороны человеческой жизни: он не забывает о дружбе, про-

стных повседневных заботах, о единении с природой, о любви, о смерти. Мы видим жизнь Прокопея во всех этих позициях.

И все-таки основной ноткой через все произведение бьет желанье героя стать и жить обыкновенным человеком, как все. Чуя в себе великую и страшную силу, дарованную ему Богом, он пугается себя, страшится ответственности, которую несет за этот дар перед Создателем. Он сознательно пытается убежать от самого себя, занимаясь простой человеческой работой, готовясь к женитьбе. И с ужасом понимает, что способности его никуда не уходят, они выплескиваются в отрицательных энергиях, причиняя вред окружающему миру. Когда же он помогает мучающемуся зубной болью человеку, он испытывает величайшее душевное просветление, сердце его радуется и хочет больше делать добра. Но труд великий это – вершить добро, ответственность огромная перед людьми и природой. И Прокопей боится ошибиться в своем выборе, боится поднять крест облегчения чужих страданий, чтобы пронести его через всю жизнь. Конечно, это не простая миссия, и кто из нас не усомнился бы на его месте. Ох уж эти сомнения человеческие! Наказал Господь нас нерадивых, неблагодарных, лишив знания будущего своего! Оттого и тычемся, словно новорожденные котятка, бьемся о невидимую стену, в кровь разбиваемся. А много ли надо, чтобы стать иным?

Застынь на мгновение. Слышишь сердце свое? Оно спокойно и тревожно. Отчего? Да от того, что не в ладу с твоей же душой. Не мешай им, дай договориться. Обрети покой, РАВНОВЕСИЕ! И тогда откроется тайна столь же великая, сколь и простая, тайна твоего предназначения. Нет, ты не сумасшедший, хотя и хочешь перевернуть весь этот мир. Не одержимый, хотя и чувствуешь в себе силы сверхъестественные, способность открыть глаза людям, обществу, излечить его от многовекового недуга. Но сколь тяжела ноша твоя, сколь печальна душа твоя и скорбит, предчувствуя Голгофу... И как хочется отступить, зарыдать, ослабеть, попросить Всевышнего, чтобы миновала тебя чаша сия.

И представь себе, Он пожалел тебя, отпустил с миром. Отныне можешь жить, как овца. Природа взрастит для тебя траву, оденет тело в теплую шерсть, подберет хозяина, который будет лелеять и нежить. Только не обижайся, когда придет время состариться, и тот же хозяин полоснет острым ножом по горлу покорного животного. Что же ты выпучил глаза от ужаса, задрожал, рвешься прочь? Вернуть бы, оказаться бы вновь перед выбором, у вечного камня преткновения, прожить заново свои дни...

Но почему-то лишь перед смертью способен человек полноценно взвесить свои возможности, свои неудачи, зарыдать над ошибками, осознать их, когда уже поздно. На один миг обрести зыбкое равновесие: на одной чаше жизнь, на другой - смерть... Мы оставляем героя на распутье, но думается мне, что автор смог бы привести его к пониманию высших истин, жизненной мудрости.

Задумайтесь, а нет ли высшего замысла в том, что Михаил Жаравин не дописал свою повесть, оставил нам домысливать ее, может, еще не поздно найти верный путь, истинное призвание свое. Посмотрите на себя со стороны, как бы домыслите свою жизнь – недописанную пока повесть...

Екатерина Смирнова

**ПЕЙЗАЖ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАРАВИНА
(школа № 16)**

Михаил Жаравин - один из самых талантливых современных вологодских писателей конца XX века. Он ушел из жизни, не успев реализовать себя. Творчество его еще предстоит изучить. Впервые, когда я знакомилась с творчеством Михаила Жаравина, читая его сборник «Сердечная рана», я поняла, что он очень любил природу и все, что его окружало. Еще я обратила внимание на то, как он искренен в своих стихах. А многие стихи просто кричали о боли, сердечной ране. Для работы над рефератом я прежде всего читала его стихи, рассказы, сказки, различные статьи, посвященные Михаилу Жаравину, встречалась с Галиной Александровной Щекиной. Она мне рассказывала о его жизни и о творчестве.

Тема научной работы определилась не сразу. Только после того, как я прочитала произведения Михаила Жаравина. Более интересной мне показалась тема пейзажа в прозе и лирике. Пейзаж передает нам общее настроение автора. Поэзия осваивает мир природы, уподобляя его собственному. Если верить поэзии, между ней и природой всегда существовало избирательное сродство. Именно в природе поэт находит самый чистый источник своего вдохновения. М.Н. Эпштейн говорил: «Сама поэзия - это второе «я» природы, ответ на ее потребность обрести язык». В данной работе я пытаюсь выяснить роль пейзажа в произведениях Жаравина и определить особенности его использования в прозаических и лирических произведениях. Тема природы - вечна, актуальна.

В немногочисленных исследованиях творчества М. Жаравина эта тема почти не затронута.

Говоря о творчестве молодого автора, необходимо отметить две стороны его дарования - поэзию и прозу - как проявление единого целого - личности художника, которые взаимодополняют друг друга. Если в рассказах и повестях мы следим за внешними событиями жизни героев, то стихотворная лирика - это исповедь души, исток и начало.

В книге «Сердечная рана» собраны разные сочинения писателя: 25 рассказов, 3 повести, 109 стихотворений, письма. Михаил Жаравин в одном из рассказов пишет: «Я... пишу о жизни, в основном, о своей

собственной». Видимо, поэтому все, что написано им - живое, искреннее.

Лирика Жаравина разнообразна по тематике и чувствам, в них выражены. И.Г. Головина отмечает, что его лирика - «личная, даже дневниковая» там, где в стихах «открыты чувства, обнажены душевные раны, и где отголоски политических бурь, и боль за униженное положение народа».

Сильно Жаравин проявляет себя и как прозаик. В этом направлении есть интересные находки. Легко читается проза, написанная разговорным языком, и рассказы о современности, и «деревенские сказки», где Жаравин создает неповторимый полусказочный мир, живущий по законам справедливости и гармонии; и повести, и рассказы об армии. Эти произведения пронизаны гуманизмом, автор жалеет своих героев, людей трагической судьбы. Ирина Головина пишет: «Его персонажи умирают в буквальном смысле от недостатка или полного отсутствия любви, и лишь тогда, когда в их жизни есть существо, готовое любить их, не за что-то, а просто так, за то, что они есть, лишь тогда жизнь обретает смысл. Любовь исцеляет любые душевные раны - другим будет человек, в которого поверили, другим будешь и ты».

Откуда же берет своих героев Жаравин? Можно сказать - с улицы, то есть герои все реально существующие, но с другими именами. «Посмотрите, оглянитесь. Быть может, тот же мужчина в пивной очереди, что вчера почему-то запомнился вам, много лет страдает по ушедшей жене», - пишет Н. Серова.

Главный нравственный урок писателя в том, что он убеждает нас любить людей, с душевной теплотой относиться к окружающим, а тем более к родным людям. В произведениях М. Жаравина изображена реальность, то есть наша жизнь, автор в своих рассказах показывает переживания своих героев. В прозе в центре внимания автора человек, его судьба, его переживания. Это главное. А пейзажи скупы, лаконичны. В его рассказах природа чаще всего является фоном, на котором происходят действия, пейзаж представляет собой описательное «вкрапление» в художественный текст. Например, рассказ «И хочется жить» начинается восклицательным предложением: «Трескучие морозы разрисовали дом изнутри - замок хрустальный!» А следующее предложение - «Не любоваться сюда пришла ночью Дуня» - объясняют краткость зимнего пейзажа: не до красот природы героине рассказа, которая с замиранием сердца пришла гадать в заброшенный дом.

Лаконично описание омута, в котором чуть не утонул герой рассказа «Ударь кумира детства» Сергей: «...над омутом воцарилась тишина. Смотрела на темно-зеленоватую гладь трясущаяся, напуганная происходящим мелюзга...», «...на глубине холодно и почти ничего не видно». Тишина природы противопоставлена чуть не случившейся людской трагедии. Описание места действия скупыми пейзажными зарисовками - фразой, одним-двумя предложениями характерно и для других рассказов, чаще всего природа изображена как увиденная гла-

зами персонажей: «...Иван свернул с тракта и сбавил прыть: шагал старой, поросшей колокчеватой травой дорогой...» (рассказ «Пыль»), «Когда позади осталась деревня, мост через речку и дорогу обступил густой, хвойный, слегка заснеженный лес...» (рассказ «Тема для сочинения»).

Также пейзаж в рассказах служит для обозначения времени суток. В рассказе «Две затяжки» утро: «День наплывал жаркий, безветренный - было рано, а солнце парило...»

Описание вечера в рассказе «Излучатель»: «Свежало. От речки, от пропаренной за день жизни, напознала на деревушку серая непроглядная мгла...» Теплое описание вечера оживляет повесть «Равновесие»: «Когда почти стемнело, и рогатая луна зависла над верхушками ельника, обступившего полянку, на которой стоял домик...»

В описании дня в рассказе «Сергуня»: «К обеду, когда солнце и ветер, досуха, до текучести вылизали траву...» метафора помогает передать не только жару, но и указывает место действия - луг, на котором герой рассказа косит траву.

В произведениях М. Жаравина можно найти описание течения времени через описание природы. В повести «Равновесие»: «Зазеленели листочки осинки, пожелтели березки...», то есть наступила осень. Пейзажи - конкретные, они передают приметы времен года. «Осень в этот год - затяжная мокрушница...» - здесь описание дается как бы словами бабки Серафимы, деревенской знахарки. Мокрушница - диалектное слово - от слова мокрый.

Белый снег у героя повести «Глухая защита» вызывает воспоминания. Виктор рассматривает фотографию, занесенные снегом кусты и белый снег... И вспоминает, что намного белее и искристей был снег в Липецке, где их десятый класс был на экскурсии на новогодних каникулах. За три дня до этого они с Томкой здорово повздорили и не разговаривали... Но снег был таким пушистым и белым, а экскурсовод - нудным и скучным, что Виктор и Томка, не сговариваясь, отстали и нырнули в какие-то дворы. И радовались оба солнечному свету, а больше - миру, наступившему так внезапно, без извинений.

Более значительное место занимает пейзаж в лирике. Есть прекрасные пейзажные строки, окрашенные глубоким лирическим чувством. Выражение своих чувств через природу - одна из черт классической русской литературы, например, у Достоевского, Гончарова, Толстого. В большинстве стихотворений у Михаила Жаравина пейзаж - средство передачи чувств, мироощущения, раздумий о жизни людей, автор часто проводит параллель или сравнение между миром природы и чувствами человека, его настроением.

...А снег лежит еще по всей земле,

Он, как и я, слегка навеселе,

Венчался с оттепелью пик зимы - январь -

И вот гудеж на свадьбе, как и встарь.

Вот и все. За всю неделю мы
Толком ни о чем не говорили.
Холодны объятия зимы,
И дома под снегом загрустили...
Вот и все. Как грустно под конец...

Дождемся снега - он закроет раны,
Земля и души родственны вполне...
Или : «...Это дождь ! Это все-таки дождь,
А не ты, как мне верилось, плачешь...»

«...И теперь я бреду под дождем, согреваясь чужими слезами».

В стихотворении «Плетет надежду - кружево мечты...» другой дождь - «холодный дождь хрустальной чистоты», другое настроение. Звук-пись в первых двух строчках: Плетет надежду - кружево мечты – «Холодный дождь хрустальной чистоты...» передают шелест этого дождя и его холод. Лирический герой мечтает: «И все же обещаю... Тебя я познакомлю - С моим дождем – он будет только наш!» «Счастливые уходят в сильный дождь – под тяжесть струй клокочущего неба.. Поймешь ли ты, что я с тобою не был...» Дождь - свидетель самых драматических моментов в жизни человека: «С моим дождем - он будет только наш!»

В стихах М. Жаравина можно найти изображение всех времен года. Жаравин описывает ясный светлый летний день в стихотворении «Пошелкивал кузнечик...». Тепло и светло на душе у лирического героя - отца, который любит маленьким сыном. Здесь самый обычный пейзаж - берег, речка, лягушки, кузнечик, солнце, облака, пласты сена, тропинка, только это все окрашивается теплотой человеческих чувств. Это достигается простотой синтаксиса, эмоциональной окраской слов: «тоненьких (рябин)», «тропинка», метафористическим описанием солнца и тропинки.

В стихотворении «Пристяжные рвутся в стороны...» горестный пейзаж передает боль поэта, «...мысли, горькие до слез...» за судьбу брошенных деревень. Описывается унылый пейзаж. Печаль в душе лирического героя трансформируется в систему пейзажных деталей: ночь, особое время года - осень, что определяется удалением от солнца, источника жизни.

...В этом поле, мною брошенном,
Ни пшеница, ни ячмень -
Стынут жалкие горошины
Опустелых деревень.
Междупольем разрастается
Зелень горькая полян...

...Догнивающую матицу
Подпирают горбыли,
Кумачовым солнцем катится
Благодать с моей земли.

И такая безысходность звучит в последних строчках!

От таких стихотворений Жаравина щемит сердце. Это его «сердечная рана»: есть деревни, никому не нужные. Во многих стихах еще одна его «сердечная рана» - это его любовная драма (разрыв с любимой женщиной), боль и печаль от разлуки с любимой.

...И теперь я бреду под дождем,
Согреваюсь чужими слезами,
Потому что пустыми часами
Не спасти обездоленный дом...
...Обмануться в любимой -
Нету горя страшнее,
Ярко-красной рябиной
Боль в душе пламенеет...

Пейзаж чаще всего - живая картина:

...Плясала ночь за окнами огнями,
Качался ветер светом фонарей...
...Ночь кружилась в беспокойном танце...
..Трусливо убегала ночь...

Такое описание созвучно беспокойности, мятежности чувств, неустойчивости их.

... Солнце то пылало, то спало...

Лишь в одном стихотворении дана застывшая картина поздней осени...

1. Осень. Конец ноября. /Листья давно улетели, /И, ожидая метели, /
Мертвая стынет земля. 2. Ветра нет - снега паренье /Первого. Сумрак
ночной. /Этой предзимней порою /Сковано все, словно ленью. /Молча
деревья спят. Шелеста веток не слышно...

Стихотворение это очень горькое - о матери, оставившей сына: .

...Сын ваш, что вами оставлен, /Вырос, наверно, давно.

Жаравин писал слишком бесхитростно, слишком просто, слишком про себя, по личному поводу, немного грубовато, даже как-то напоказ.

Язык в стихотворениях и в прозе - мощный и живой, узорчатый. Все это делает прозу Жаравина более понятной, легко читаемой, хотя вопросы, которые он поднимает, достаточно серьезны.

Главное средство художественной выразительности - метафора. Эпитетов немного. Цветовая гамма их разнообразна, но немногочисленна: «желтеющие листья», «кумачовое солнце», «белый снег», «розовые закаты», «ярко-красная рябина».

Чаще всего эпитет передает настроение, помогает раскрыть основную мысль стихотворения: «холодный дождь», «клокочущее небо», «лето необъяснимо дорогое», «зелень горькая полян».

Особенность использования эпитета - Жаравин включает его в метафору: «пурпурная шаль осени», «листья, разноцветно струясь», «тьма налетела черным петухом».

В «Поэтике» Аристотеля говорится: «...А всего важнее - быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять у другого, это - признак таланта...» С этой точки зрения безусловно талантливы многие стихи Жаравина о природе. Стихотворение «Тьма налетела черным петухом...» построено на метафористическом описании ночи:

Тьма налетела черным петухом
И в окнах свет склевала, будто зерна.
...Шептал о чем-то ласково камыш...

...Выползло на берег озера туманом
И целоваться начало с землей...
Ночь, устыдившись дерзости такой,
Зарозовела пламенно и странно...

М. Жаравин сомневался, не верил в свои силы, что в принципе обыкновенно для творческой личности в определенные периоды. У него - стихи, подтверждающие его неуверенность:

...Беда вся в том - стихи мои калеки,
То хромоноги, то чуток горбаты,
Порой избиты, а порой лохматы -
Хоть о душе пишу, о человеке.

...Я деспот и палач, но горько мне
Казнить стихи за собственное «не»...

Жаравин пытался бросить писать, рвал свои бумаги и жег. Это, наверное, из-за того, что его часто окружали деградировавшие люди (люди дна) - они не способны были его понять.

«Просто Жаравин не привык быть великим и не понимает, сколько строчек можно вытянуть из одной страницы, написанной в минуты волнения. Просто Михаил всегда заодно со своими героями. Когда они радуются - и у него в глазах радость, когда они умирают - он собирает-ся за ними», - отмечает Галина Щекина.

Жаравина можно считать маргиналом. Маргинал - человек, стоящий за пределами, на границе (между городом и деревней; между старой и новой литературой). Он жил и рос в деревне, а переехав в город, не прижился.

Преобладание пейзажа - одна из примет его лирики, природа у М. Жаравина динамична, изменчива. Пейзаж служит для восприятия приро-

ды лирическими героями. В прозе пейзаж связан с характером повествования и соотношением с настроением действующих лиц. В реалистических произведениях значение пейзажа более разнообразно: он искрени сам по себе, как часть реальной обстановки, в которой развиваются действия; им подчеркивается или оттеняется душевное состояние персонажей, характер происходящих событий.

Когда-то один из журналистов в начале 90-х годов XIX века упрекнул Бунина за увлеченность поэтическими картинками природы, поэт возразил: «Кстати сказать про природу, которой, насколько я вас понял, я чересчур предан: это немного неверно, я ведь о голой природе и протокольно о природе не пишу. Я пишу или о красоте, то есть, значит, все равно: в чем бы она не была, или же даю читателю по мере сил, с природой часть своей души».

.. Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

В стихах Жаравина, в строчках, посвященных описанию природы, не только любовь и радость бытия, ее как раз меньше, чем боли, душевных томлений, сожалений об утраченном грусти.

В одном стихотворении идет бурное описание ночи: «Плясала ночь за окнами огнями, / Качался ветер светом фонарей... /...А ночь кружилась в бесноватом танце / Невыносимо долго... До утра».

У Михаила Жаравина есть городские и сельские пейзажи.

Г. А. Щекина говорит: «Удивительно, как он напитан всем этим деревенским, он давно жил в городе, но по сути оставался в селе Еловино. И как любовно писал он об этой деревне: рос тут и любил все тут...

Но какая тяжелая, суровая тут жизнь. Люди стерпелись, как жалко их всех. Наверно, только в таком месте, где лютые морозы и жара, где работать приходится круглые сутки, до изнеможения, где красоты природы - единственное утешение души - мог появиться такой удивительный человек М. Жаравин».

Также Галина Александровна Щекина отмечает его светлые, спокойные письма, которые он писал из Еловино, стихотворение «Пощелкивал кузнечию» - навеяно Еловиным.

...А солнце то пылало,
То спало в облаках,
И сено подсыхало
В ворочанных пластах...
Вилась тропинка плеткой
Нескошенной травы,
Казалось небо слепком
Тепла и синевы...

Это стихотворение почти соответствует идеальному. Мягкий ве-

терок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи.

Его герои снова и снова возвращаются в родную деревню, чтобы отойти от пережитого, вздохнуть, начать новую жизнь.

Этим и объясняется его душевное богатство как в стихах, так и в прозе. Яркие впечатления детства, климат тех мест: холодный зимой, летом очень жаркий. Все это и повлияло на характер человека, живущего в такой обстановке.

АНАЛИЗСТИХОТВОРЕНИЯ

Город спит, лишь фонари качают
Темноту кругами меж столбов.
Бродит осень, щедро рассыпая
Шорохи оборванных листов.
Возле фонарей, ложась шуршаще,
Ближе к ним, светящим часовым,
Тянутся за летом уходящим,
Так необъяснимо дорогим.

Это стихотворение вызывает целую гамму чувств. Описывается осенняя ночь в городе. Картина именно ночи осенней, когда отчетливо слышны лишь звуки природы. Картина осени передана глазами человека, который не спит ночью, видимо, испытывая какую-то душевную боль, может быть, отчаяние. Описание проникнуто чувством грусти «о лете уходящем», а также, может быть, и о любви уходящей. Галина Александровна отмечает, что Михаил Жаравин писал стихи часто в отчаянии, когда не было рядом человека, которому можно излить душу. В этом стихотворении затаенная боль и грусть передается в последних строчках и в самом осеннем пейзаже: ночь, пустынная улица, лишь фонари, как светящиеся часовые, в свете этих фонарей - летящие листья. Эта грусть в шуршании листьев, передаваемая звукописью [г]; [ш]; [с]; [ш].

Возле фонарей, ложась шуршаще,
Ближе к ним, светящим часовым,
Тянутся за летом уходящим,
Так необъяснимо дорогим.

В последних строчках средством художественной выразительности является эпитет «необъяснимо дорогое» (лето). Глядя в тьму осенней ночи, автор сильнее ощущает свое одиночество в спящем городе, возможно, потерю чего-то дорогого, возможно, потерю любимой. Метафора подчеркивает смысл стихотворения «бродит осень», слово «бродит» я понимаю как «бродит неприкаянный человек», медленно и бесцельно. Я думаю, что этот человек и есть М. Жаравин.

У Михаила Жаравина есть и другие ночные пейзажи. Стихотворение «Плясала ночь...» проникнуто беспокойством, тревогой. И если в первом стихотворении герою все безразлично, то в этом стихотворении автор сопереживает.

...Ты плакала, а я не мог помочь.

Четырехстопный хорей с цезурами, которые делают звучание стихотворения более плавным. Сочетание мужской и женской рифмы естественно, так как стихотворение лиричное о любви, но с описанием осенней ночи.

Михаил Жаравин использует различные пейзажи. Это и идеальный пейзаж, элементами которого являются мягкий ветерок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи; вечный источник, прохладный ручеек, утоляющий жажду; птицы, поющие на ветвях. Так же есть бурные пейзажи, где идет описание шума, столь отличных от тишины и мягкого шелеста идеального пейзажа. Если идеальный пейзаж в основном вдохновляется картинками южной природы, то бурный - северной. У Жаравина много унылых пейзажей. Прежде всего исчезает луна, придававшая таинственность мрачному пейзажу. Дождь один из определителей унылого пейзажа. Дождя не может быть в идеальном пейзаже, потому что это признак ненастья. Автор часто использует слова «холодно», «холодный», «стынут», а это тоже одна из черт унылого пейзажа.

Владимир Попов-Островитянин

О ТАЙГАНОВОЙ. О ЖАРАВИНЕ

1. Тайганова

Тайганова меня потрясла. Близкое чувство бывало после набоковского «Дара», Кафки, Эко, Ремарка, Джойса, Камю. И «Ласковый Лес»! Проблема, может быть, в настрое, моменте? И сейчас дело, может быть, в созвучии, но вещи в «Любить птеродактиля» показались менее сильными, местами даже как бы нарочитыми, из-за чего возникало предчувствие недоверия: уж не перегибает ли автор самого себя, выдавливая железисто-духовный конгломерат слов? Было бы, наверно, оправданием, если бы читал «Птеродактиля» после «Леса», но получилось наоборот, и с «суждением» о первом я подошел ко второму. Однако, суждение оказалось неоправданным, преждевременным. Показалось, что писать (несмотря на различность взглядов и вещей) так, как в рассказах «Птеродактиля», можно лишь отражая, пропуская через себя как через зеркало, даже, в какой-то мере, отстраненно и не переваривая.

Скорее всего, я не прав, т.к. там порой столько личного отношения, выстраданного, вымученного, и, в то же время, переваренного и сцепленного в единство того, что автор хотел сказать именно об этом отношении. Избыточное нагромождение слов, являющихся порой неоправданные ассоциации, мешающие читателю следовать за мыслью и духом автора, ведущие к «неуспеванию» за ним и «застреванию». Объективизация субъективности, побег из «Мертвого Двора» и «Города»

превращается в побег из самого себя, в выталкивание из самого себя. При этом, по-моему, внутреннее, духовное содержание персонажей, несомненное и сильное, оказывается внутри иных отражений и эмоций автора, неразграниченно. Поток эмоций. Но, неоднократно спотыкаясь, всплывает сознание, играющее в слова, и возникает: а при чем здесь оно? И возникает недоверие и опасение.

В «Ласковом Лесе» это тоже проскакивает, но не мешает. Возникает ощущение внутреннего единства, внутреннего противоречивого, враждующего, но единого пространства одной души. Где Анна и художник, Лес и Дом - лишь взаимопроникающие, конфликтующие и неразрывные части тебя самого. Взлеты и падения, проникновения и загромождения пустотой. С точки зрения объективной поверхности: Анна, она же Нюрка - персонаж определенно фантастический, не имеющий силы быть, в столь же гротескно-фантастическом окружении города и быта, а художник - схематичный и обобщенный обыватель. Их взаимосвязь, контакт и конфликт, пусть даже на фоне Леса и Дома, надуманны и, в какой-то мере, неестественны. Схема, подчиненная замыслу, на фоне Вечности, иной Жизни, Леса.

Ритмика повести великолепна, на вдох-выдох. Ощущаешь, как сам легкоходишь в этот ритм. Но разве это - то? Во всех нас присутствует и, в то же время, существует вне и независимо от нас - Мировая Душа, и Дом, в его очищениях и опустошениях - твоя частица этой Души, того, что сильнее и глубже. В «миру», в Городе, которого нет, который - суета, внешнее, бытовые схемки - но присутствует художником в его обывательской, приспособившейся ипостаси. Анна - она Анна, миссия и мессия Души, как творящая, собирающая и ведущая сила. Та сила, то действие Мировой Души, которое пытаются извлечь и вести тебя между обломками суеты, трясинной опустошения внешнего, чужого, хотя и кажущегося единственным и близким, т.к. привычно. Вера? Акт творения? Скорее, самотворения в самоопустошения. Ее приход в Дом и попытка введения в свой Дом как причащение. Над этим - Лес и иное Живое, то, что вечно... Там Анна - Нюрка. Комната Анны - как окно в Дарующее. Но вопрос - для чего? Там ты проситель. А для того, чтобы просить, а главное, принять и сохранить просимое, иметь право на просимое - надо быть сильным, надо беречь даруемое. Стать - не пришельцем в Лесу и не обломком суеты в миру. Мучиться и творить в малом, хотя и малое, и большое условно. Можно и не писать. Но мертвая пустота так и зияет. И столкнуть ее нельзя, надо сносить и вносить, и возносить хотя бы самого себя.

Возникло даже ощущение, что Щекина с Тайгановой - об одном и том же. Только Щекина в «Графоманке» еще не Анна, но Тайганова, судя по «Птеродактилю», ближе, чем многие, кто успел причаститься Дару... А что дальше - Бог знает. Дар - от Бога или от Леса?..

2. Жаравин

...А я опять, кажется, в пропасти, и все чаще, чаще. Наверно, не смог и не смогу. Хорошо, что больно... А Мише Жаравину тоже было больно, ох, как больно. Рвался, вернее, разрывался между пропастями. Мне показалось, что все это, в т.ч. и то, что не вошло в книгу - поиск. Перепутый

и перекрестков полно, на каждом шагу. Хорошо и легко тем, кто дорожку нашел и потопал, не оглядываясь и перешагивая. Они и судить могут так же. А тут!

Мой Ангел, высоту качающий крылом,
Мой Демон, что вершит все козни преисподней...
Живется, верно, тем и проще, и свободней,
Кто путь не измерял добром его и злом.
Кто путь не измерял добром его и злом,
Попробуй, поднимись на горние вершины,
Единожды спустись в мой ад непогрешимый,
И душу между них попробуй на излом.
И душу между них попробуй на излом,
С Любовью и Тоской попробуй повенчаться,
Где сонмища сердец в одно мое стучатся,
А в пекле все костры горят моим теплом.
А в пекле все костры горят моим теплом
И я приговорен к проклятию судейства,
И вечно не простит неправды и злодеяства
Мой Ангел, высоту качающий крылом.
Мой Ангел, высоту качающий крылом,
В святейшестве своем несколько не свободней:
Летает он, пока мой Демон в преисподней
Счета его добра оплачивает злом.

Старенькое, правда, но почему-то вспомнилось при прочтении Жаравина. Там, в книге, есть что-то вроде рецензии, по-моему, Головиной. Или ошибаюсь? Ну, не помню, чья точно, а книги под рукой нет - за ней очередь. (*Статья И. Головиной «В поисках своей звезды» в книге М. Жаравина «Сердечная рана», Вологда, 1998 - Сост..*) Так вот, там есть много мыслей. О языке, стиле, направлениях. С чем-то вполне согласен, скажем, с оценкой языка. Но стили и приоритеты? Поиск, он и есть поиск. Как в самом себе, а то что у него про это, что в самом себе - несомненно! Шагнуть туда, не знаю - куда. А там, как внутри - и Вечное, и твое, и чужое. Сказки «в чистоте», то есть без выноса в реальность, например, «Камушек с серебряными пятнами» (в книге «Сердечная рана» - под названием «Сказ о белом камушке» - Сост..) отдают бабовщиной, и даже очень. Повторение пройденного. Нравственная проповедь нынче не в чести, «для нынче» надо бы не так мелко, поглубже в отмирающее, побольнее.

В другую сторону - «Холостой выстрел», «Глухая защита», уже попытка глубже забраться через реального человека, в реальность, «суету». Насколько получилось - иное дело. Но вещи сильные. Однако путь-то опять, по-моему, хоженный. Дальше по нему - привычно. Можно и на роман выходить, но явление, которое имело все претензии и потенциал быть, исчезало, смешивалось, поглощалось бы, несомненно, в этом плане более «опытными» предшественниками. И, наряду с силой концептуальной, имелась бы в потенциале слабость повторений и потерь.

Сейчас, конечно, судить трудно и не спросишь. Но мука-то была, и по стихам видно, и не только бытийно-нравственно-поверхностная,

но и более глубокая. Попадают такие «падения» вглубь. Так вот, в разрезе той рецензии Головиной мне показалось, что «падение» в Душу, поиск смыслов и болевых точек взаимодействия внутреннего и внешнего Человека и Мира, Бытия и быта через мифологию, выпуск на волю рвущегося изнутри, в сказках, соединенных с реальностью, в перспективе и потенциале, был бы более сильным. Разумеется, с учетом слабости соединений, работы деталями, словом и стилем. Все же слово надо переживать, а не плескать так, как булькнулось. Мысль самая первая, несомненно самая верная, но слово, рожденное ею, не всегда вписывается в образ, не всегда служит тому, что задумано. По себе знаю и чую. Вообще прописная истина, что мысль изреченная есть ложь. Но надо, чтоб родилось...

Белозерск

Ольга Шопырева **ЛИРИКА МИХАИЛА ЖАРАВИНА**

ГЛАВА 1.

1) Специфические свойства лирики, ее тематическое разнообразие.

Лирика – это издавна установившееся обозначение одного из трех родов литературы; лирика направлена на познание иной стороны человеческого существа ственно открыт только его собственный внутренний мир, только его социальное сознание.

Социальное сознание писателя всегда бывает на что-то направлено, или вглубь самого себя, на свои эмоционально-мыслительные состояния и стремления, или на явления внешнего мира, на социальные и мыслительные отношения быта, на явления природы.

Все это и создает в лирике ее общие, типологические, исторически повторяющиеся тематические различия. По Г. Н. Пospelову, лирика может быть медитативной, медитативно - изобразительной и собственно - изобразительной.

Медитативная и медитативно-изобразительная лирика по преимуществу обращена к самоанализу. Или же, как считает исследователь, «медитация может быть направлена вовне, на отношения и события объективного мира и на постижение идеала».

Собственно-изобразительная лирика может быть описательной, в частности пейзажной, или же повествовательной, приобретая при этом и нередко иносказательное – символическое или аллегорическое значение.

Лирическая поэзия – «свободная стихия», многоструйная и многоцветная. «Выражая отношение человека к миру, лирика вмещает в себя весь мир человеческих отношений, облекает их в слово, дает им форму бытия, делает художественной реальностью».

В лирических произведениях главное лицо прежде всего – это сам автор, а место действия – его внутренний мир. В основе лирического

понимания мира лежат, по выражению Гегеля, «переживания и страсти сердца и духа», т.е. лирическая поэзия должна быть внутренней, должна быть выражением самого поэта. Лирика – это особый способ художественного мышления и осмысления жизни. При сочинении стихотворения, или при чтении его, человеком владеет лирическое чувство, личное, присущее «только мне» переживание. И поэтому можно определить лирику как выражение сокровенных переживаний и в искусстве, и в повседневной жизни.

Субъективное отношение личности к миру является родовым содержанием лирики, ее предметом.

2) М. Жаравин – поэт и прозаик.

Чего мы прежде всего хотим от любого произведения, будь то роман, повесть, рассказ или стихотворение? Узнать нечто новое о жизни, о самом авторе. Хорошо об этом сказал когда-то Л. Н. Толстой: «В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем ты отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что ты можешь мне сказать нового...?»

Аналогичные вопросы возникают, когда впервые сталкиваешься с произведениями Михаила Геннадьевича Жаравина.

Прежде всего обратим внимание на две стороны его творчества: поэзию и прозу, которые взаимно дополняют друг друга и являются составляющими одного целого – личности художника.

В рассказах и повестях мы следим за внешними событиями жизни героев, с которыми автор как будто заодно, ведь признается же Михаил в письме к Г. А. Щекиной: «Вот и живу среди своих придуманных героев».

Талантливый человек, в отличии от других, живет совсем другой жизнью. В момент творчества он окружен своими героями, которые как бы «общаются с ним, заставляют его переживать, радоваться, быть может, даже просят у него помощи и совета.

И когда герои Михаила Жаравина радуются – «и у него радость в глазах, когда они умирают – он собирается за ними», отмечает Г. А. Щекина.

Вообще, о прозе М. Жаравина можно сказать следующее: его проза очень тесно связана с русским фольклором, автор щедро использует в своих рассказах диалекты Вологодчины (например, шибко, натакал, баской, ишшо, сегодня, ослобоню, дятятко, нетока и другие), байки, присказки, пословицы. Реальные события сегодняшнего дня в прозе Жаравина переплетаются с былями, устными преданиями старины, что ориентирует человека на некие моральные установки и на необходимость сохранения памяти, и на все то, что охраняет человека от зла.

Проза М. Жаравина очень динамична и событийна, и это позволяет

удерживать читателя в эмоциональном напряжении от самого начала до конца повествования. В своих рассказах и повестях М. Жаравин создает различные экстремальные ситуации, которыми проверяет своих героев. Проза его легко читаема и понятна, наверное в первую очередь благодаря тому, что язык практически целиком разговорный, просторечный и, как уже отмечалось, с использованием диалектизмов. Вопросы же, которые поднимаются автором в его произведениях, достаточно серьезны. Это вечные темы: отношения отцов и детей, проблемы современности и наследия Руси уходящей, избяной. Кроме всего прочего, автора очень занимает вопрос, как складывается в городе жизнь человека, который родился и вырос в деревне.

Что же касается поэзии, то нам интересен тот факт, что, будучи сам деревенским, рассыпая диалектизмы в своей прозе - в своих стихах он практически не использует диалектные слова (примером может только послужить стихотворение «Письмо», где мы встречаем следующие слова: кукленок, поди, буди, милой, этга, отпиши, буде, эстоль, даве, аккурат, чула, оне, здесь). Проза Жаравина нравилась многим, стихи же признавали слабыми, к тому же не все ладилось с формой, не всегда удавалась рифма. Но вот как пишет сам Михаил: «... Жизнь будет называться жизнью до тех пор, пока в ней все разнообразно, если же все и у всех будет одинаково – это конец... у меня интерес вызывает разнообразие. Наплевать мне на все литературные уровни, лишь бы я понимал автора. Бывает, возьмешь книжку стихов какого-нибудь признанного, а читать не можешь, если не улавливаешь в стихах чего-то этакого, так и все пройдет мимо, а то попадетса несколько слов непризнанного, а в памяти застрянут и всплывают».

Вот и строчки стихов Михаила Жаравина «застревают и всплывают», потому что побеждают своей искренностью, обнаженностью чувств, открытыми душевными ранами.

С. Фаустов пишет об ощущении от впервые прочитанных стихов Жаравина следующее: «Уж слишком бесхитростно, слишком просто, слишком про себя, откровенно, даже как-то напоказ». «Я ему говорил, что в прозе он мастер, а в стихах как бы еще начинающий. Он со мной спорил, не соглашался. И стихи, как оказалось, никогда не бросал писать».

Действительно, стихи Жаравина «слишком про себя», но они живые, искренние, являются результатом пережитого. Искренность - такое редкое явление в наши дни, тем более, если эта искренность вынесена на суд людской. И каждое стихотворение – «это еще одна возможность узнать и почувствовать душу Михаила».

Но даже когда мы читаем искренние, теплые стихи, нередко мы почти не ощущаем ответного волнения; мы не слышим внутренний голос автора. Ощущаем лишь легкое, приятное волнение на поверхности чувств. «А всколыхнуть чувство читателя до глубины может только большая сила поэта – его внутренний голос, который явственно звучит в живом потоке интонаций».

В стихах М. Жаравина есть сила, которая и привела поэта Жаравина в прозу. Там, в прозе, он успел раскрыться почти весь, во всем своем трагическом ощущении действительности. Однако, и многие его поэтические работы отличаются тем, что рассказывают читателю истории из личной жизни, маленькие новеллы о ссорах, о разлуке, о потерях, вот например: «Я был готов помчаться за тобой...». В этом стихотворении есть и содержание, и диалоги, и настроение. Все как в прозаическом произведении - написано стихами, но по законам прозы.

На этом же приеме построено и другое стихотворение: «Эх, пропадай, несчастный мой червонец...». Эта стихотворная история вообще может быть рассказана другими словами, настолько прозаично, обыденно ложатся строки:

«Шампунь подал и пару полотенец...»

«Мы пили чай. Она была мила

В моем трико, без туши на ресницах...»

Вообще, поэзия М. Жаравина немного приземленная, в ней очень много быта. И несмотря на то, что герой его стихов восклицает: «Противен быт. Ужасна маета...», поэт часто опускается до бытовых, порою незначительных деталей, с упоением и почти документальной дотошностью описывая личную жизнь, например:

«А встретились опять у магазина.

Линялое трико, в авоське тара...»

«Скоблила зло, отправив мужа в баню,

Полы, посуду – из последних сил...»

3) Стихи М Жаравина с точки зрения содержания, темы и идеи.

Прежде всего нам потребуется ряд определений.

«Содержательность не мыслится Белинским вне жизненной правдивости». Она там, где жизнь отражается правдиво во всех ее проявлениях, где раскрываются различные процессы и противоречия, отношения между людьми.

Содержание – это категория многосоставная, включающая в себя тему произведения, его идею.

Тема – это обычно та проблема, которая ставится в произведении, служит импульсом в его создании. Воспользуемся определением, которое дал А. М. Горький: «Тема – это идея, которая зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью, но гнездится во вместилище его впечатлений еще неоформленно и, требуя воплощения в образах, возбуждает позыв к работе ее оформления».

Обобщая, скажем, что тема – это главная мысль литературного произведения, это волнующий писателя (поэта) вопрос, а идея – это мысль, в которой выражено авторское отношение к тому, что отражено в произведении. Вообще, тема часто заключает в себе какой-то конфликт, порожденный конкретной жизненной ситуацией.

В стихотворениях М. Жаравина мы видим ту жизненную правдивость, о которой говорил Белинский, мы видим переживания поэта, которые он передал своему лирическому герою.

Его лирика – это своеобразная исповедь, можно даже сказать, документ, и документ печальный.

Основным конфликтом в творчестве М. Жаравина является конфликт между лирическим героем и его возлюбленной, их разрыв. Он пишет об этом не случайно, ведь такой разрыв в действительности произошел с самим поэтом – он развелся с женой, которую, вероятно, очень любил, потому что на всех его произведениях лежит горький отпечаток этого разрыва. И именно влияние развода, как считают многие, лежит в основе трагичности творчества Жаравина. Но есть еще и конфликт с самим собой...

Вспоминает Г. А. Щекина: «Когда он разводился, он стал пить и сходить с ума. Но потом нацарапал несколько стихов и обнаружил, что таким образом он выживет». Жизнь нанесла Михаилу «сердечную рану», боль не давала ему покоя и утихала лишь тогда, когда он писал стихи.

Хочется отметить, что «художник слова важен не тем, что его можно пересказать, а тем, какую мысль он будит в душе прикасающегося к его творчеству». Стихи М. Жаравина дышат трагичностью, он выговаривает в них свою внутреннюю боль, и не сострадать ему невозможно.

Лирика Михаила Жаравина невелика по объему, но охватывает почти все традиционные для русской литературы темы: поиск Родины, разлука с любимой, поиски добра и зла, некой истины, которую, философствуя, ищут все отечественные поэты, и у каждого она оказывается своя.

Основная тема творчества Михаила Жаравина – это переживание по поводу утраченной любви, разлуки с возлюбленной.

Тема расставания – одна из центральных в творчестве Жаравина. Вот сюжетное стихотворение о расставании: «Уезжая, со мной помолчи...». Оно взрывается мощной метафорой: «сумасшедшая искренность яда», а затем переходит на строки с использованием анафоры – стилистического приема, заключающегося в повторении сходных звуков, слов:

Полетит за тобою бравата,
Полетит, извиваясь змеей.

В целом данное стихотворение – это лирический монолог героя, где сочетаются такие состояния его души, как отчаяние и некая умиротворенность:

Между нами протянется тень,
Как струна на оборванной ноте...

В этом стихотворении – расставание, в другом – полный разрыв:
«Разрыв – трава ... ползучая молва...»

В этих стихотворениях очень много общего, например, горечи, но все жестче и решительней «поэтический» арсенал поэта:

Разрыв- травой опоены мы оба
До бешенства, до злости, до озноба!
Смертельный яд – слова, твои слова....

Еще пример стихотворения о расставании:

Я был готов помчаться за тобой,
Остановить и ждать тебя обратно,
Ты уходила – как невероятно!...

Это нешумное стихотворение – размышление, оно представлено как предполагаемый, ожидаемый диалог, в котором любовь сравнивается с раненой птицей:

И кувыркалась раненою птицей,
Наперекор попытке разозлиться
Моя любовь вдогонку за тобой...

Основная идея, мысль, проходящая через многие его стихотворения – та, что жить ему без этой любви невозможно, ведь любовь у этого поэта – жизнь человеческой души. Вот как он пишет:

Я умею грустить незаметно,
Горячо – беззаветно любить...
Даже если любить безответно,
А иначе б не стоило жить.

Любовная лирика занимает центральное место среди стихотворного наследия поэта. Она привлекает не то чтобы какой-то тонкостью и изяществом выраженных в стихах чувств, а естественностью и простотой их словесного выражения.

Читая все лирические произведения Жаравина, делаешь вывод, что тоска по любимой, трагическое переживание распада семьи, сиротство детей при живом отце – сквозные темы лирики поэта, которые особенно ясно звучат в стихотворении «Любимая, я умер прошлой ночью...». Здесь также проявляется характерная черта ранних стихов Михаила – раздвоение личности лирического героя, в котором начинают жить два разных человека: «он – я» и «я – он»:

Он – я, но только телом и лицом,
А я – не я, а будто бы прохожий...
Ты разводилась не со мной, а с этим.
Он согласился – пусть теперь живет,
А мы с тобой подумаем о детях.

«Я слов обидных не скажу тебе...»- лирический герой, который имеет печальный опыт любви, ропщет на свою судьбу, говорит о

«коварстве встреч» и о своей душе, которая теперь не что иное, как «обрывки фраз».

«И между тем покоя не дают...» - здесь присутствуют нотки тоски, грусти, все помыслы лишь о ней – той, которая недосыгаема.

«Я болею тобой. Я болею...» - показано своеобразие чувств лирического героя: он не ищет выхода из своего положения. Любовь ассоциируется с болезнью, но без любви нет смысла в его жизни, пусть даже эта любовь будет несчастной, неразделенной.

«Это дождь! Это все-таки дождь...». В этом стихотворении появляется мотив измены дому, мотив безнадежности: ничего не спасти, да и самому не спастись.

Лирический герой мечтает о другом мире, где он «носил бы ее на руках»:

... Мне на это хватило бы силы,
На руках и до самой могилы,
Не дари мне, пожалуйста, страх.

«Под утро вновь она явилась» - это стихотворение является своего рода подведением итогов всей любовной лирики М. Жаравина. Он не хочет избавиться от своей печали, он взывает к своей утраченной любви:

... Ну что ж, печаль, печаль меня почаще,
Раз без тебя не пишутся стихи.

Значит, эта печаль ему необходима, она играет для него роль вдохновения, а вдохновение – вещь не последняя в творчестве. Ни страх смерти, ни сладость любви, ни слава – ничто не может для многих авторов встать вровень с вдохновением. В какие-то моменты жизни оно мобилизует все нравственные, психические и физические силы человека. Вот как пишет о вдохновении сам Жаравин:

... что нам слава,
Были б хлеб, да соль, да чай.
Да еще бы вдохновенье,
Чтоб лететь, лететь, лететь...

И, наверное, вдохновение является той внутренней силой, которая нас, читателей, заражает волнением художника, заставляет сопереживать ему, воспринимать его стихи с доверием.

Но вернемся к любовной лирике. Становится ясно, откуда взялось название «Сердечная рана». Несмотря на то, что героиня его бросила, он продолжает ее любить. Именно ее образ так ясно вырисовывается в стихах М. Жаравина. Он любит... А любовь его отвергнута, лишняя, ненужная. «И всей своей горячностью и не востребованностью она легла в творчество».

И первое впечатление от прочитанных стихов следующее: любовь в стихотворениях М. Жаравина однопланова: это любовь – одиночество, любовь – безнадежность. Его бросила жена. Но это с одной стороны.

А если смотреть с другой стороны, то ведь очевидно, что проблема разрыва кроется не только в женщине, но и в самом авторе. Ведь и он

не такой идеальный и положительный. Мы многое узнаем о нем из его стихотворений. Он признается:

«А я опять слегка навеселе...»

«А то, что папа получил получку

И где-то пьет – того малыш не знал...»

«Я без цветов, помят, небрит и пьян...»

«А у меня вся жизнь хмельной дурман...»

И он осознает, что причина кроется и в нем самом, т.е. любовная лирика Жаравина – это не только печаль о любимой, это еще и собственный суд над самим собой. Переживая свой развод, казня себя, он пишет стихотворение «Запутавшись среди своих романов...», где есть такие строчки:

Женился. Дети есть, как чаша, дом,
А счастье все же где-то заблудилось.
Судьба моя, горька твоя немилость,
Хотя исток ее во мне самом.

Когда человеку плохо, он ищет какие-то пути облегчения своих душевных страданий. Такой выход М. Жаравин видел в своих стихах, в литературе. И именно после развода он «приходит» в литературу.

Но поначалу он натывается на полное непризнание. Он кинулся к утешению, которого не получает. Об этом его стихотворение «Литобъединению»: «... Вам не понравились вьюнки моих стихов».

В одном из своих писем Михаил пишет: «Слишком многого я захотел, слишком быстро, а так бывает редко, даже таланту большому нужно время, чтобы проявить себя. А я? Вот я и подумал – куда я лезу!!! Со своим детским, никому не нужным лепетом. А писать хочется, даже больше, чем раньше, и вроде есть о чем».

Я много раз пытался не писать,
Но что-то гонит, что-то заставляет
И по ночам с кровати поднимает....

И вот пишу, хотя стыжусь читать.
В упадке настроенья – не таю –
И рвал, и жег несчастные листочки,
Кричал – «Шабаш, не напишу ни строчки!» -
Но разве обойдешь судьбу свою?

Пусть это не шедевр, но это своеобразная исповедь, важная нам сейчас.

Поэту тесно в этом ему одному знакомом мире, и в своих стихах он пытается вырваться из бездны трагического для него быта. И он

философствует как настоящий поэт.

«Я истину пока еще ищу...» - здесь он обращает внимание, как неуклюж и как неблагозвучен он в этой первой строчке. Но здесь нет конкретного посыла, не видны конкретные лица, нет любимой и нет самого себя, плачущего от нахлынувших чувств.

Есть у этого поэта и философские рассуждения о счастье в стихотворении «Казалось нам – учитель пошутил...», представленное в виде слов учителя, объясняющего детям, что так

Стремленье к счастью счастьем называют,

А счастливы то все, пока о нем мечтают.

Несчастливы, если не о чем тужить.

Есть также рассуждение о вечных соседях чувственного мира человека – правде и лжи:

Как часто Ложь и Правда вместе спят,

Переплетаясь, идут в обнимку рядом,

Как часто смотрит Ложь нахальным взглядом,

А Правда виновато прячет взгляд.

Вершиной философской лирики Михаила Жаравина, на наш взгляд, является стихотворение «Дождемся снега – он закроет раны...», в котором приводится такое сравнение: «...Земля и души родственны вполне».

Это стихотворение чем-то необъяснимо притягивает, хочется его постоянно повторять. Вот что пишет Г. А. Щекина: «Написанное им [М. Жаравиным] действительно саднило как рана. Это чувство, возникшее при первом столкновении, оно потом никогда не проходило. И грустно, и горько, и неизбывно». Поэт находился в поиске своего творческого «Я», и поэтому большое место в поэзии Жаравина занимает описание творческого процесса, того самого момента, когда поэт берется за перо и рассказывает о своих муках творчества. Он умел сказать об этом просто, непоэтично: «...К столу садился, открывал тетрадку...»

...Или с горечью говорил о том, что «значение слова сводится до нуля», потому что иногда образ любимой, предстающий в воображении, мешает искусству, заставляя лихорадочно пить от скуки, забывая при этом писать.

«Сердце поэта, рождающее стон, просветляет душу людей. Само же истекает кровью. И нет такой силы, которая бы остановила кровотечение. Залечивает поэту свою сердечную рану вином, приговаривая: «Не обижайтесь, я такой честнее...». Сказать об этом, видимо, действительно честнее, чем устраивать карнавал масок; натягивать на себя маску противно. «Еще противнее, чем пить горькую».

Герой ищет выхода из замкнутого пространства пустой квартиры,

а если выхода нет, то остается прыжок, падение назад – к свободе, к свободе призрачной, не объясняющей ничего. Это мы видим в стихотворении «Однажды я падал с балкона...» - одним из лучших в творчестве М. Жаравина.

В этом стихотворении Г. А. Щекина, написавшая к нему музыку, видит некое пророчество, предчувствие смерти, особенно в строчках : « Не смог, не сгорев, умереть... ». Она пишет : « Потом я пела эту песню, замирая от жути, на всех встречах: « Не смог, не сгорев, умереть... ». Говорить о пророчестве тривиально, но как тут еще скажешь? Сгорев, сгорев... ».

Тема творчества в поэзии М. Жаравина раскрывается и в стихотворении «Родился стих», в котором автор признается читателю: «... Ведь каждый стих как будто сын родной... »

Поэт, начав с возвышенного, ставшего почти классическим штампом: «Я бог и царь в кругу моих стихов...», во второй строчке находит нечто свое, жаравинское, грубовато-насмешливое:

...Здесь против ни один не может пикнуть...
Есть у автора и такое стихотворение о своих стихах:
Беда вся в том – стихи мои калеки,
То хромоноги, то чуть-чуть горбаты,
Порой избиты, а порой лохматы,
Хоть о душе пишу, о человеке.

Здесь скорее всего, ирония, или просто добрая усмешка, или маленькое кокетство, ибо, как считает В. Д. Архипов, не горбаты его стихи, не хромоноги, а, напротив, очень аккуратны, сделаны временами подражательно, но изысканно, например:

Не говори мне, брат, о ней,
Не торопи отведать воли.
Мне в чистом поле, как в неволе,
Как в затхлой полутьме сеней...

М. Жаравин не верил в свои собственные силы. Он пытался бросить писать, рвал и жег свои бумаги, даже ел их. «Просто Жаравин не привык быть великим и не понимает, сколько строчек можно вытянуть из одной страницы, написанной в минуты волнения», - отмечает Г. А. Щекина.

Как начинающий поэт он понимал, конечно, всю трудность избранного пути, он знал и не ждал никаких жизненных благ. Это понимание звучит в стихотворении «Между строк, по бездорожью...».

Обращается М. Жаравин и к другим темам в своем творчестве – это темы Родины, народа, города и деревни.

Народ в одном из своих стихотворений Жаравин сравнивает со «стадом», привыкшим «слепо двигаться вперед», видит его униженным и бесправным. Основная мысль стихотворения – боль за народ, находящийся в таком положении, и понимание пути России. Жаравин

рисует в виде нищенки, просящей подаяние. Здесь звучит какая-то грустная ирония в том, что такая страна, как Россия «стоит в полупоклоне лицом к канадам.»

Следует отметить, что Жаравин писал во время перестройки, когда были сняты запреты на многие темы, была дана возможность говорить о многих вещах, в том числе и политических. Поэтому в поэзии Жаравина мы находим «и отголоски политических бурь, и боль за униженное положение народа, судьбу брошенных деревень».

Об этом его стихотворение «Присяжные рвутся в стороны...». Это, действительно, боль поэта о судьбе деревни, и одновременно любовь к Родине, к своей малой родине. Стихотворение «Присяжные рвутся в стороны...» и о нем – о самом Михаиле:

В этом поле, мною брошенном, -

Ни пшеница, ни ячмень –

Стынут жалкие горошины

Опустелых деревень...

Догнивающую матицу

Подпирают горбыли.

Кумачовым солнцем катится

Благодать с моей земли.

Это ли не трагедия для человека, выросшего на земле и впитавшего ее целебные соки? Но что же сам поэт делает с этой любовью? Как он поступает со своей родиной?

Он бросает и уезжает жить в город, в котором жить не может, как не может жить и в деревне.

«Будучи пишушим человеком, он концентрировал в себе то, что ощущается другими не всегда. Ушел из деревни, да и в город не пришел. Размеренный, спокойный ритм, когда постоянно заняты руки, сменился пустотой. Утрата и пустота. Поиски – мыканье – и опять пустота». Там и там места нет. В этой двумерности и развивается трагедия талантливого вологодского поэта – Михаила Геннадьевича Жаравина.

И именно отсюда исходит осознание себя как маргинала, как лишнего человека. («Маргинал – от фр. Marginal – это социальный человек, находящийся в промежуточном, пограничном положении между какими-либо социальными группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни». Отсюда и гипотеза, что творчество Михаила Жаравина маргинальное.

В этом и заключается основа трагизма поэзии М. Жаравина. Не случайно он пытается как бы шокировать читателя, называя свои стихи «Поэмами разрыва и блуда».

ГЛАВА 2.

Пейзаж в лирике М. Жаравина

1) Специфика пейзажа в лирике.

Одна из вечных и актуальных тем – тема природы. Как и многие русские поэты, М. Жаравин тоже обращается к этой теме. Пейзаж передает нам общее настроение автора. Поэзия осваивает мир природы, уподобляя его собственному. Именно в природе поэт находит самый чистый источник своего вдохновения.

М. Н. Эпштейн говорит: «Сама поэзия – это второе «я» природы, ответ на ее потребность обрести язык»

Пейзаж – это «не отдельное явление природы, это вид природы, целая ее картина, в которую могут входить земной рельеф местности, и небо под ним, и вода на нем, и различная растительность.

Все это поэты воспринимают и словесно изображают с определенной пространственной точки зрения, в разном освещении. Пейзажем в литературе принято называть «описание любого незамкнутого пространства внешнего мира».

Пейзажную лирику мы понимаем как искусство, в котором находят свое особенное выражение все основные свойства искусства.

«Человек и природа» - это одна из вечных тем мирового искусства слова. Еще до возникновения письменной литературы изначальное родство человека с природой было запечатлено в мифологическом мышлении. Познавая природу, человек познавал самого себя, потому что именно природа – та естественная среда, в которой он рождается и живет.

Поэтому трудно найти поэта, которого не вдохновляла бы природа, не будила его поэтического воображения. Писатели прошлого «видели в природе образец для человека, этическую и эстетическую норму здорового и естественного в жизни общества и в художественном творчестве».

Собственно пейзажная лирика, как одна из форм художественного отражения природы возникла относительно недавно. В литературе пейзаж как самостоятельный объект эстетического освоения стал достижением сентиментализма и романтизма.

На причины появления пейзажной лирики указывал Г. Н. Пospelов, полагая, что «пейзажная лирика возникла и стала развиваться, когда в сознании общечеловечности той или иной страны пробудился эмоционально-идеологический интерес к общим свойствам видов природы, а отсюда к отдельным ее видам, наиболее совершенно воплощающим в своих индивидуальных чертах эти свойства».

Русская пейзажная лирика, начиная с Г. Державина и В. Жуковского, была поэзией противопоставления жизни природы и общества. Природа представлялась поэтам миром гармонии, в отличие от человеческого общества, раздираемого неразрешимыми социальными противоречиями.

Специфика пейзажа заключается в том, что он существует как бы в двух смысловых пространствах. С одной стороны, он представляет собой конкретную образно-стилистическую величину и находится в тесном взаимодействии с поэтикой всего текста, выступая в повествовании наряду с портретом, интерьером, диалогами действующих лиц (это в прозе).

С другой стороны, он вмещает в себя сверхэмпирические, ассоциативно-символические смыслы, которые превращают его из обычного фона повествования в полноправное средство выражения содержания произведения, его центральных идей и авторской концепции в целом.

Одним из важнейших аспектов изучения пейзажа является аспект лингвопоэтический. Он основывается на представлении о том, что художественной единицей повествования является образное слово, которое и определяет поэтику пейзажа.

Для содержания и методики изучения пейзажа особое значение имеет обращение к специфике тех главных объектов действительности, отражением которых он и является. В этом смысле обращаем внимание на то, как в составе пейзажа отражены его главные бытийные параметры: движение, пространство, время.

Движение выступает не только как бытийная характеристика изображаемой картины, но и как стилистическая, охватывая тем самым и содержательную, и формальную сторону изображения. Понятие динамики пейзажа выступает как отражение в пейзаже динамики самой природы, как живописание происходящих в самой действительности перемен.

В самом динамичном объекте – природе, представлены все виды и модели движения. Это обстоятельство делает пейзаж одним из наиболее адекватных способов изображения процессов, происходящих не только в объективной, но и субъективной реальности, движение в сознании героев, их мысли и чувства. Выражение своих чувств через природу – одна из черт классической русской литературы.

Движение, пространство и время как бытийные параметры природы отражаются в цикличности природных процессов, в смене времени суток, месяцев и сезонов.

2) Место пейзажной лирики в творчестве М. Жаравина.

В большинстве стихов М. Жаравина пейзаж – это средство передачи чувств, мироощущения, раздумий о жизни, автор часто проводит параллели или сравнения между миром природы и чувствами человека, его настроением:

... А снег лежит еще по всей земле,
Он, как и я, слегка навеселе,
Венчался с оттепелью пик зимы – январь –
И вот гудёж на свадьбе, как и встарь.

... Толком ни о чем не говорили.
Холодны объятия зимы,
И дома под снегом загрузили...
... Дождемся снега – он закроет раны,
Земля и души родственны вполне...
Это дождь! Это все-таки дождь,
А не ты, как мне верилось, плачешь...
... И теперь я бреду под дождем,
Согреваясь чужими слезами....

В стихотворении «Плетет надежду – кружево мечты...» совсем другой дождь – «холодный дождь хрустальной чистоты», другое настроение. Шелест дождя и его холод передает звукопись в первых двух строчках:

Плетет надежду – кружево мечты
Холодный дождь -хрустальной чистоты...
Лирический герой мечтает:
И все же обещаю.... Тебя я познакомлю -
С моим дождем – он будет только наш!»

...Счастливые уходят в сильный дождь –
Под тяжесть струй клокочущего неба...

Дождь у Михаила Жаравина – свидетель самых драматических моментов в жизни человека.

В стихотворениях М. Жаравина мы встречаем изображение всех времен года. В стихах «Животы сугробов похудели...» и «Пошелкивал кузнечик...» Жаравин рисует радостные, теплые и яркие картины весны и лета.

Тепло и светло на душе лирического героя – прохожего, «обожженного улыбкой девушки», улыбка ее сравнивается с «капелькой весеннего тепла», и лирического героя – отца, который любит маленьким сыном. Здесь самый обычный пейзаж: берег, речка, лягушки, кузнечик, солнце, облака, пласты сена, тропинка, только все это окрашивается теплотой человеческих чувств. Это достигается простотой синтаксиса, эмоциональной окраской слов: тоненьких (рябин), тропинка; метафорическими описаниями солнца, неба, тропинки: Солнце то пылало, /То спало в облаках; Вилась тропинка плеткой/ Не скошенной травы; Казалось небо слепком/ Тепла и синевы.

Противоположны по настроению зарисовки осени. В стихотворении «Осень. Конец ноября...» дана застывшая картина поздней осени (хотя в основном природа у Жаравина изменчива и динамична). Чувствуется некое оцепенение в природе и переданные посредством природных явлений горечь и раскаяние матери, оставившей когда-то сына.

«Это дождь! Это все-таки дождь...» - в стихотворении переданы признаки угасающей осенней природы. Перед глазами возникает картина, передающая не только краски осени («...несет одичалую дрожь/ рудь аллеи, распахнутой настезь...»), «...разноцветно струясь, / листья клена, рябины и дуба/ замывают вчерашнюю грязь...»), но и раскрывающая душевное состояние автора. Эта картина проникнута определенным настроением грусти, растерянности и безнадежности. На такое настроение указывает и дождь, являющийся символом слез и печали.

Пейзаж передает настроение самого автора. В стихотворениях лето, весна, солнце – значит, и на душе поэта ясно, светло и тепло, если же ветер, ночь, осень в стихах, то и настроение аналогичное. Но нужно отметить, что в стихах Жаравина радости бытия гораздо меньше, чем боли и душевных томлений.

Язык в стихах и прозе М. Жаравина – мощный и живой, узорчатый, все это делает произведения этого писателя более понятными, легко читаемыми.

Главным средством художественной выразительности является метафора. Эпитетов немного, но цветовая гамма их разнообразна, хотя и немногочисленна: «желтеющие листья», «кумачовое солнце», «белый снег», «розовые закаты», «ярко – красная рябина».

Чаще всего эпитеты передают настроение, помогают раскрыть основную мысль стихотворения: «холодный дождь», «клокочущее небо», «лето необъяснимо дорогое», «зелень горькая полян».

Особенность использования эпитета заключается в том, что Жаравин включает его в метафору: «пурпурная шаль осени», «листья разноцветно струясь», «тьма налетела черным петухом».

В «Поэтике» Аристотеля говорится о том, что всего важнее быть искусным в метафорах, и что это нельзя перенять у другого, что это признак таланта. С этой точки зрения, безусловно, талантливы многие его стихи о природе.

Стихотворение «Тьма налетела черным петухом...» построено на метафорическом описании ночи:

Тьма налетела черным петухом
И в окнах свет склевала, будто зерна...
...Плескалась лунная дорожка ...
... насторожилась елка...

Неодушевленным явлениям природы приписываются действия, характерные для человека: «...шептал о чем-то ласково камыш...», «озеро...целоваться начало с землей», «ночь, устыдившись дерзости...».

Сравнение «Тьма налетела черным петухом...» вторгается совсем неожиданно в самое начало стихотворения, будоражит воображение, передает ощущение некой растерянности: человеку представилась

возможность узнать то, что прежде казалось недоступным.

Поэт любит описывать зиму с ее снегами и морозами, с неповторимыми скрипящими звуками и неожиданной оттепелью. Например, стихотворение «А снег лежит еще по всей земле». Здесь автор использует такой поэтический прием, как олицетворение – изображение неодушевленных предметов, явлений, наделенных человеческими качествами:

А снег лежит еще по всей земле,

Он как и я слегка навеселе.

Снег у него здесь «мокрехонек и пьян», а «январь - обманщик».

Преобладание пейзажа – одна из примет лирики М. Жаравина. Пейзаж соотносится с настроением лирического героя.

3) Классификация пейзажей.

Использование различных видов пейзажа в лирике М. Жаравина.

Классификация пейзажей многообразна. Самая простая из них – сезонная и ландшафтная; это классификация по типу времени или местности, определяющая характер пейзажа, – зимний или весенний, степной или морской и т.д.

М. Эпштейн предлагает и такой тип классификации: величественный или унылый, бурный или тихий, таинственный или пустынный пейзаж.

Из всех разновидностей на первое место по своему эстетическому значению ученые ставят идеальный пейзаж, сложившийся еще в античной литературе, а затем на протяжении многих веков разрабатывающийся в литературе Средневековья и Возрождения. Это своего рода точка отсчета развития пейзажа в поэзии нового времени. Именно постепенное разложение этого господствующего в поэзии канона дало материал для создания новых типов пейзажа, уже не столь цельных и самодостаточных.

«Элементами идеального пейзажа, как он сформировался в античной средневековой литературе, можно считать следующие:

1) мягкий ветерок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи;

2) вечный источник, прохладный ручеек, утоляющий жажду;

3) цветы, широкими коврами устилающие землю;

4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень;

5) птицы, поющие на ветвях».

И в русской литературе можно найти множество подобных пейзажей у Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Тютчева, Некрасова, Фета и многих других. Правда во 2-й половине 19 века их становится все меньше, в 20 веке они почти исчезают.

Некие элементы идеального пейзажа мы находим в лирике М. Жаравина. Например, в стихотворении «Пошелкивал кузнечик...».

Вообще для поэзии XX века основным элементом восприятия и изображения природы выступает не пейзаж, а стихия. Идеализируется не место с набором идеальных признаков: цветы, деревья, птицы, ручей

и т.д., а чистые природные начала, отвлечение от конкретного места.

В книге Эпштейна выделяются следующие устойчивые признаки бурного пейзажа:

1) самый устойчивый - звуковой: шум, рев, грохот, свист, гром, вой, столь отличительные от тишины и мягкого шелеста идеального пейзажа;

2) черная мгла, сумрак;

3) ветер бушующий, порывистый, все сметающий на своем пути;

4) волны, пучины – кипящие, ревушие;

5) дремучий лес или груды скал;

6) трепет, дрожь мироздания, шаткость, крушение всех опор.

М. Эпштейн отмечает иносказательность бурного пейзажа, что делает его трудным для художественного освоения. По наблюдениям ученых, в последние десятилетия бурный пейзаж – довольно редкое явление в лирике, которая внутренне тяготеет к полной его противоположности – тихому пейзажу.

В поэзии М. Жаравина бурных пейзажей в чистом виде нет, есть лишь некоторые элементы, которые являются составляющими бурного пейзажа: это сильный дождь («Счастливые уходят в сильный дождь»), ветер («...срывает наряды, / бесился словно тысяча чертей») и молнии, которые «слепа, взмывают ввысь».

С эпохой сентиментализма пришел в поэзию унылый пейзаж. По Эпштейну, унылый пейзаж занимает как бы промежуточное место между идеальным (светлым, мирным) и бурным пейзажем. Литературовед отмечает отсутствие яркого дневного света, зеленых ковров, пестреющих цветами, говорит о всеобщем погружении в сумрак, о тумане, застилающем небо. Здесь не случайно через многие унылые пейзажи проходит кладбищенская тема. Печаль в душе лирического героя трансформируется в систему пейзажных деталей:

1) Особый час дня: вечер, ночь или особое время года – осень, что часто определяется удалением от солнца, источников жизни (у Жаравина: «До холодов подать рукой. Колдует осень на бульварах...») и «Осень. Конец ноября...»)

2) Непроницаемость для вдоха и слуха, некая пелена, застилающая восприятие: туман и тишина (М. Жаравин, «Виснет туманный морок...».)

3) Лунный свет, причудливый, таинственный, жутковатый. В жаравинских пейзажах, например, «И только отсвет месяца озерный, / Растерянным смотрелся двойником...»

4) Картина обветшания, увядания также присутствует в стихах М. Жаравина.

5) Картины северной природы. Они повсюду присутствуют в творчестве поэта.

М. Эпштейн точно подметил, что Север – часть света, соответствующая ночи как части суток или осени, зиме как времени

года. Вот почему мрачный унылый пейзаж включает детали северной природы. Это основные черты унылого пейзажа в его ранней, мрачной разновидности, вдохновляемой в основном романтическими мироощущениями.

Однако в 30 – 40-х гг. XX века, с укреплением реалистических тенденций, возникла новая разновидность унылого пейзажа – условно говоря, «бедный», или «серый», или «мокрый» пейзаж.

Один из определителей унылого пейзажа – дождь, потому что это признак ненастья, хмурого неба, но в бурном пейзаже он не играет существенной роли, потому что его капание слишком буднично и однообразно. Именно монотонность и составляет характерную черту унылого пейзажа.

В жаравинских стихах дождя достаточно.

На наш взгляд, в лирике Михаила Жаравина преобладает унылый пейзаж, очень часто встречается дождь, часто автор использует слова «холодно», «холодный», «стынут», а это тоже одна из черт унылого пейзажа.

Следует отметить, что у М. Жаравина практически не встречаются стихотворения, которые были бы целиком посвящены описанию природы, т.е. нет чисто пейзажных стихов. Пейзаж занимает небольшое место, чаще с него лишь начинается стихотворение, а далее следуют размышления лирического героя, которые превалируют над пейзажем.

4) Пейзаж как характеристика лирического героя М. Жаравина.

Если бы стихи М. Жаравина были выпущены отдельной книгой, то это была бы книга о состоянии души лирического героя, обращение к которой сопровождается пейзажными зарисовками. Беспокойный лирический герой Жаравина пытается обрести гармонию с миром, ищет что-то утраченное и неуловимое. Все это происходит посредством видов природы, они соответствуют душевному состоянию героя. Пейзаж, таким образом, выступает как прием характеристики лирического героя. Пейзаж здесь не фоновый, а функциональный, т.е. описание видов природы помогает утвердить неразрывность естественной связи человека и природы, невозможность существования одного без другого.

Природа в стихах Жаравина – это духовная опора, необходимая как автору, так и его герою.

«Лирическое мировосприятие обращено к самому «отношению» художника к своей среде, и носителем этого отношения в произведении выступает лирический герой, чувствующая и мыслящая личность». Его суждения о жизни и смерти, любви, о добре и зле, о родине и искусстве и т.д. составляет истинное содержание лирического произведения.

Говоря о лирическом герое М. Жаравина, все время думаешь о нем самом (т.е. о Михаиле): это его мысли, слова, поступки. Может, это

не совсем правильно, ведь существует мнение, что не следует полностью отождествлять образ лирического героя сличностью самого поэта, т.к. «подобные взгляды ведут к упрощенному пониманию творчества поэта и лирики в целом». И хотя лирический герой и не идентичен образу автора, но все же он отражает его личные переживания, связанные с теми или иными событиями его жизни.

«Лирический герой – условное литературоведческое понятие, охватывающее круг произведений, созданных поэтом; на его основе создается целостное представление о творчестве поэта».

В данном случае внутренний мир лирического героя раскрывается в большей степени не через какие-то поступки, а через конкретное душевное состояние, переживание конкретной жизненной ситуации.

Непосредственное, физическое присутствие лирического «я», лирического героя в произведении не всегда обязательно, он может иметь совсем иную форму своего художественного существования. Так, в жаравинском стихотворении «Ночь налетела черным петухом...» лирический герой прямо не заявляет о себе, он, так сказать, «восстанавливается», «реконструируется» читателем, воспринимающим его отношение к тому, о чем идет речь в стихотворении».

Иногда, наоборот, лирический герой заполняет собой все пространство текста стихотворения, «очи его души» «повернуты как бы вовнутрь». Он не о сущности любви размышляет, а как бы предлагает читателю страницы интимного дневника, поверяет свои чувства. Так, лирический герой М. Г. Жаравина, находясь один в кругу своих переживаний по поводу разлуки с любимой женщиной, делится этим горем с читателем.

В таких произведениях, кажется, нет ничего, кроме самовыражения лирического героя, его духовного автопортрета, «моментальной фотографии» его эмоционального состояния – радости, боли, гнева, источником которых является жизнь, внешняя реальность, и они обозначены, представлены, наконец угадываются в стихотворениях такого рода.

Лирический герой, его образ раскрывается наиболее полно во всем стихотворном творчестве поэта. Мы видим, что лирический герой Жаравина задумывается не только по поводу разлуки с возлюбленной, но и о судьбе Родины, своего народа, его волнуют и философские темы (что такое любовь, счастье и др.), он не замыкается полностью в своей боли. И каждое стихотворение – это некая часть характера лирического героя.

5) Стихи М. Жаравина как лирический дневник. Судьба поэта как литературный факт.

В основном все стихотворения М. Жаравина заключают в себе одну мысль – мысль переживания. Он пишет о том, что пережил, в этом заключается вся суть большинства его стихотворений. В них

практически вся его биография, вся его жизнь, вся как на ладони, в них все его мысли, чувства и переживания, в них отразилась и вся его боль, все его «сердечные раны».

Значит, стихи М. Жаравина можно назвать лирическим дневником, непрерывным свойством и условием которого является предельная искренность. Поэт остается наедине с собой, и ему необходимо высказаться, излить душу перед листом бумаги, выразить в словах то, что так просит выхода.

Лирическое высказывание дневникового характера – это освобождение души от груза переживаний. И чем глубже переживание, тем больше доверия к образу и слову в стихе.

Быть может, не так уж и сильно жег своим словом сердце читателя М. Жаравин, но исследователи его творчества считают, что его самого обожгла жизнь. Он работал пожарным и тушил пожары наяву. А своими стихами он пытался затушить пожары в душе:

Когда мне было очень тяжело,
К столу садился, открывал тетрадку
И изложить пыгался по порядку
Все то, что мне так больно душу жгло.

Судьба привела Михаила к стихам, они же отразили ее в своих строчках.

В литературоведении существует такое понятие: судьба поэта как литературный факт. Часто бывает так, что художник своей судьбой договаривает то, что он не успел или не до конца успел сказать в своем творчестве.

На наш взгляд, произведения поэта неразрывно связаны с его жизнью, и автобиографический момент является часто определяющим в выборе сюжетов, тем его творчества. И феноменом становится тот факт, что со временем и сам автор начинает жить по логике собственных произведений. Судьба ли «диктует» слово, или слово притягивает судьбу? Кто знает! Но иногда создается впечатление, что поэты, писатели не просто предсказывают, но и «программируют» свои судьбы. Вспомним хотя бы Н. Рубцова и его стихотворение «Я умру в крещенские морозы...».

Сходные мысли мы находим и у Михаила Жаравина. В одном из его рассказов есть строчка: «Слово... жизнь строит». А в своих стихах Михаил кричит: «Гаснет мой костер, к сердцу – будто осень...» или плачет: «Жизнь моя, жизнь, ну зачем тебя, кто тебя гонит, словно листок отживающий в топкую грязь...».

Скорее всего, ключ к жизненной драме молодого автора - в его произведениях, а судьба его героев – это судьба самого М. Жаравина, судьба человека, который вырос в деревне, трудности адаптации в городской среде которого усугубились еще и личной катастрофой, ко всему этому еще добавились и муки творчества, трудности первых

шагов в нелегком писательском ремесле.

Вообще, творчество М. Жаравина, как считают исследователи, приобщает читателей к старому библейскому завету о том, что человека нужно любить - любить любого, как бы он ни оступался и не ошибался, и любить прежде всего не для себя, а для него. Совершенно другим будет человек, в которого поверили. Нельзя проходить мимо чужих страданий и чужой боли. В этом и заключается главный нравственный урок и итог творчества М. Жаравина, который и своей судьбой еще раз сказал нам о том, чтобы мы торопились делать добро и любить человека, пока он еще жив.

Уход любого человека – это трагедия, но еще печальнее, когда уходит человек одаренный, так и не успевший до конца раскрыть свой талант. А то, что М. Жаравин был талантлив, сомнений не вызывает. Чтобы стать большим писателем, ему не хватило одного – единственного – времени.

Галина Щекина

ЕЛОВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ты приходил и садился напротив, вытирая ветошкой мазутные смуглые пальцы наладчика, руки вовсе не лопатой, не рабочие, а тонкие, студенческие какие-то.

- Ты все наладил?- спрашивала я.
- Все не наладить, - усмехался ты.
- Но ты же наладчик, как же ты налаживаешь?
- Так, чтоб не приставали.

И, отмахнувшись от станков, начинал рассказывать очередной замысел, историю якобы чьей-то разбитой любви, на самом деле своей, а я сидела и думала - как ты хорошеешь, молодеешь, увлекаемый жаждой творчества - загораясь, ты становишься совсем другим... У меня теплел затылок: вот она где, твоя настоящая жизнь! Какие станки, какая производительность!

- Ты обещал мне свои стихи, - говорила я, - где они?
- У авангардиста нашего.
- Он говорит, у него нет.
- Да зачем они тебе? Худые.
- Худые или нет, это неизвестно, а пройдет время, все будут искать.
- Да брось, кому они нужны!

Ты казался таким своим, когда сидел в редакции... На нынешнюю работу не уже не смог бы так запросто прийти, тебе бы сказали, что я на планерке, что я на освоении техсредств, а я в это время пытаюсь открыть с диска заказанные накануне "Пушкинские места", компакт-диск с «удобным интерфейсом» (а он не то что не удобный, он вообще как ребус), чтобы показать это школьникам... Но в редакцию ты

приходил свободно - в зеленой пятнистой спецухе, грустный, думающий о сломанной пишмашинке, о сессии в литинституте, ты мог ли себе представить такое стечение народа? И все это ради тебя. Уж наверно, если бы я сказала про это тогда, ты бы подумал, что прикальываюсь, обиделся или бы просто ушел. Но я -то никуда от этого уйти не могу, поскольку я участница Еловинских чтений и у меня сообщение подготовлено. И сделали это те же люди из научно-методического центра народного творчества, которые меня прогоняли с этой же идеей. И я так и не дозналась, куда подевалась та подборка стихов, все же читали, найди теперь. А со стихом «Опадаю» так все драматично! Стих был в твоих записях у Тоши, и я, честно, подумала, что это твой стих. Но твой братан заупрямился, дал задание библиотеке и вот пожалуйста - оказалось, что на самом деле это Аввакумовой стих! Тебе приятно, что он знает твои стихи наизусть? И кстати, этот же мотив есть в повести «Москва-Петушки» Ерофеева - «я облетаю, облетаю»... Странно. Как будто все писатели думают одну и ту же мысль. Вот и ты включился в эту вечную цепь...

А по поводу тебя самого у всех мысли разные. Одни, как преподаватель из Соснового Бора, считают, что смерть ничего не добавляет к текстам, что вообще наша литература становится некрофильской. А другие, подобно твоему приятелю, подтверждают, что без этого, без смерти - тебя никто не узнал бы. Так многие думают, кстати. Ну, положим, я-то знала бы тебя в любом случае, как ты понимаешь.

Но на эти чтения приедут писатели и критики из Финляндии и Франции, будут москвичи, славист из Польши. На берегу речки строят трибуны из белого теса, лавки под навесом, все такое яркое, струганное, смолка выступает на срезях. Тетя Настя читает - свежий тес к плохому. Но это если во сне, а Еловинские чтения не мираж, вон сколько тут народу. Комитет по культуре денег дал, как на Шаламова, и привезен на двух братановых машинах. Сам братан тоже здесь, во все вникает и всем командует. Ты мог бы не волноваться - на презентации книги он сидел убитый совершенно, даже раздумал что-то говорить, а теперь, слава Богу, нет, держится бодро, шутит даже. Мы говорили с ним, да, мы говорили о том, чтоб не пропали материалы чтений, они, конечно, пойдут в мой следующий альманах, ну не с тем старым названием, у которого отобрали номер, а в другой. Умные люди поймут, что под любым названием будет та же копилка ценностей. Я собираю все, чтоб не пропало, и оно не пропадет. Я не умею делать стиль, зато у меня такой срез пластов! Один ты чего стоишь. Конечно, это безумие, я обжигалась уже, но вот снова...

Я спала на сеновалена твоей подушке, тетя Настя дала. Огромная подушка величиной со стол, пуховая, в синей цветастой наволочке. На ней мягко, но не проваливаешься, спалось без кошмаров, с какими солнечными бликами и стрекотом травяным, наверно, из-за сена. Я

сказала про это, а тетя Настя велела ее с собой увезти. Я даже опешила - куда такую огромную? Может, лучше по почте? Скрутили ее веревкой, сделали меньше, обернули в пластик, заварили. Потом смотрят - габариты не те, другие рубли начислили. И паспорт потребовали, чего никогда не было раньше. Бабульки, сидевшие на деревенской почте в бессрочном ожидании пенсий, смотрели на меня недовольно: «И пошто мается? Увезла б на себе, никуда не делась». Но посылку с подушкой я все же отправила и пошла с почты притихшая, успокоенная. Теперь я смогу уехать налегке, сразу после культурной программы...

В клубе уже идут репетиции концерта. Группа «Атмосфера» разложила на голоса мою старую песню на твои стихи – «Однажды я падал с балкона», теперь это уже известная в городе группа. У них солистка поет вторую партию, а ребята-гитаристы - первую... Я сижу на берегу реки, вспоминаю, как ты принес эти стихи после падения с четвертого этажа. Ведь тебе я хотела первому эту песню спеть, но так и не спела.

Напротив трибун ужасная толкотня, это приехали лотки и всякие торговые точки. Помнишь, как мы мотались с пирожными на лито? Я сердилась, что это отвлекает внимание от искусства на жратву, а ты доказывал, что так нельзя, люди со смены. А сегодня никто нас с тобой не спрашивает. Тут сегодня столько пирожных, что объелся бы весь твой шлифовально-сборочный цех номер шесть.

Ты был такой молодой, ты не узнал бы меня сейчас, ничего не осталось от той черненькой вертушки, которая шепталась с тобой в редакции. У меня вена ноет на левой ноге, сердце колет непрерывно, но я здесь, я приехала на чтения в твою честь, получай, друг юности, коллега по перу!

Нет, там не только лотки. Там что-то такое яркое, немыслимое, елочное, горит огнями на солнце. Ах, теперь понятно. Они вышли из автобуса, вытянулись в круг и грянули «Междупольем разрастается зелень горькая полян». Гармони так и взревели у них. Мишка, это никак школа традиционной народной культуры в сарафанах и кокошниках, и все при полном параде. Вот здорово, тете Насте нравится, а тебе? А тебе - не знаю... Я не успела понять, пока ты в клубе выступал, где гремела знаменитая «Вечерина», я не заметила, чтоб ты очень любил фольклор...

А вон по дороге, смотри-ка, машина с почтой тарыхтит, заворачивает к околице. Дверки старого фургона закручены проволокой... И при очередной выбоине - шарах!- посылка с подушкой мягко падает в пыль напротив меня. Я так и знала! И что я теперь буду делать? Братан хитро улыбается мне из группы людей - «говорил, никуда не денешься!» Напрасно он так веселится, чем больше тут все веселятся, тем больше моя паника, я выхожу с подушкой на трибуну, речь я должна говорить, но бумаги остались в портфеле, а у меня в руках совсем другое,

опять эта ноша... Как же я буду говорить?

Сиреневые цветочки расплываются перед глазами, наплывают близко, близко. Зачем эта подуха, если бы ты остался жив, ты сам нынче спал бы на ней, мать готовила для тебя, твоих сынишек, ты всегда напивался и спал, а я, глупая, шла за тебя выступать. Вот и сейчас все повторяется, такая нелепость - кто я такая, чтоб за тебя говорить? Да еще здесь, где ты вырос, над этим холмом, среди этих сосен, таящих твой голос. Где же эта учительница, которая одна-единственная успела записать тебя на магнитофон? Во мне избыток фанфаронства, прости, я думала, кто же, если не я? На поминках твоих я выпила лишку и несколько раз падала, пока бежала к автобусу, и ведь никто не пошел в трескучий мороз проводить, замерзла бы, никто б не знал, где. Я бежала и молилась не своими словами - нет, не пропаду, бог не даст пропасть, ради тебя... И правда, чудом доехала до центра, отбившись от каких-то хануриков по дороге.

Но теперь все люди затихли: что за дичь происходит там, на трибуне? Уведите эту мадам, она не в себе. Да конечно, я не в себе, а в тебе, так что вам бесполезно. ... Ведь сегодня, едва отметив сорокалетие нашего удивительного, глубоко и горячо народного таланта, перед его памятником в соснах мы намного ближе к нему, чем при жизни. И прежде чем говорить о старине и новизне, о причастности и маргинальности, о традициях и новациях... Давайте немного помолчим.

Тело возьмет земля /душу возьмет Господь /голос молитвы для /взлета небесный свод/ Не торопись уйти /холод могил кляня / я узнаю мотив -/больше нас не разнять/шелесту сосен над/мраморным забьгьем /как много лет назад /мы помолчим вдвоем/ Тело взяла земля /душу прибрал Господь /век его умолять /царствовать над и под...

Ната Сучкова

СТИЛИСТИКА РАССКАЗА ЖАРАВИНА «МОРОЗКО»

МОРОЗКО

Мы не шибко верующие: крест кладем, а из роту - матюки. Раньше-то не эдак жили - вера была. О Новый год по три раз избяные двери отпирали - Морозка кликали: "Проходи, Морозушко, потчуйся, чем Бог послал..."

Дабы весь год в достатке да с хлебушком на столе быть.

Авдеич, говоришь, натакал? Слушать-то можно, токо Морозка повидать надо, а то не описать... Я-то, верно, сама видала. Он был, Морозко, некому боле. Да не сразу меня догадка взяла. Ну, уж как есь - выскажу...

О ту пору я молода была, со вторым тяжелая. Акимушке, старшенькому, трех ишшо не стукнуло. Понаехали гостейки: мама, божатка - четыре ночки радела я. Акимушка прилипчивый - то по всему

дню один, а тут бабушка его не с рук. Ранше строго: севодни роди, назавтра на роботу поди. Вот мама и бает: опусти да опусти Акимку погостить. А далеко, слышь, триццетъ верст и все лесом...

Я к батьку - мужу, значитца, а он: опускай, хоть сыг будет. Суседей не обременять, за пригляд не платить. Опять польза. И там - не с чуже-начужо - родная бабушка.

Увезла мама Акимку. Я с темна до темна в работе: все за сенам на конях. А спокою нетока: как сыночек мой? Нет-нет, да зареву.

Батько в матюки: пускать, мол, неча, коли ни жить, ни быть!

А тут почтарь поклон привез: занемог Акимушка. Я к председателю: "Дай лошади, за ночь обернусь" - "Нет, Офонасья, не дам, эстоль зверья, летом бы - так не сколь не жалко..." - "Посочувствуйте, - прошу, - там дитяtko мое, немоглое..." - "Не, Офонасья, и не проси! Тебя, так и быть, на день ослобоню, а лошади не дам, не ровен час, не обидься..."

День отробила кой-как, не заходя домой, кинулась. Бежу голодная, холодная и усталая. Сколь отошла - лес кругом да мугла. Ой как мело!

Страх разобрал: не дотти все одно, а идти-то надо. Как до Каксура дошла, не помню, все торопесь, все в набег, хоть и убродисто. Дале как податься - сума не шло, вот и заглянула к Уляшке, думала, Иван дома, друг бы доvez. Иван батьку-ту - братан родный. Да не довелось его.

Ульяна ночевать оставляла: темень, мол, ни пути-дороги - поземка. Иван, глянь, завтра должен, - так и отвезет. "Поздно мне к завтраму - через день на работу поспеть надо." Засобиралась я, а Ульяна: "На, Офонасья, выпей стокан вина, хочдая и легче пойдеш, не близко ведь".

Была - не была. Выпила я. Уля меня перекрестила, и пошла я. Ходко с вина-то поначалу, а потом хоть ложись.

И страх ошшо пуше. Сколь верст оставалось? Чую - все, не добраться до Акимушки. Взмолилась я: "Господи, Господи... Не оставь, Господи!"

И чукося, витер утих, небушко вызвездило... И скрип сзаду...

Оглянулась я - в пот бросило! Лошадь - вся в инюю, а седок в розвальнях в шубе мехом наружу. Тутюшняя я - схожева до сех пор в округе не сыскать. Шуба ворсистая, серебряная, так и свитит, сам рукой махнул: садись-ко...

Я бы рада икнуть да в лес, протрезвела, испереполохалась, а мне ровно которот зажал, и ноги подсежлись, ватные стали. И будто толкает тихохонько: не бойся.

Шагнула я, опустилаcя. И тепло мне, не вижу я ничего - только месяц да звезды. Куда барин правит, не ослепуешь. Опаматовалась, гляжу - Починки! Ладно везет.

И усталость у меня пропала, и спросить охота: кто ты, батюшко? А не смею... А он и дом знает, остановил: выходи, девонька! Понятливо, молчит. Начала я его в избу звать, угостить бы чем, а он лошадь поторопил. То ли витер нанес, то ли лес прошумел, то ли сани соскрипели: недосуг, милая...

Мама меня увидала, глазам не поверила: "Как это ты? Весь вечер сусижь пороша..."

А я к Акимушке скорей! Спит мое робятко! Рученьки, ноженьки - наглядеться не могу, а слезы бежат и бежат, как горохи. Про все забыла.

Наутро мама сходила до Петруши Микитина, он к нам в село за дегтем собирался, сговорила его, кабы нас не забыл.

Выехали, а никакова следу. "Должон, девка, след, - смеялся Петруша, - ты же не летом прилетела..."

Да нигде - ни тропинки, ни санного полоза. Вот как мне подвезло - овьыдень туда и обратно! Акимушка-то? Да здоровенький, токо тосковал шибко... Вот и говорите теперь - Бога нет!..

А батько по избе скачет, все матюки собрал. Уж и председателя -

сбегал - выматюшил. Акимку увидел, замолчал. И я молчу. Потом, нескоро, Авдей забрел и высказал: "Морозко вез тебя, Офонасья..."

А я опять промолчала, все одно разглядеть не успела. Мужик как мужик. Шуба, правда, чинно-важная - у нас таких не носят...

Почему Михаил Жаравин и почему его «Морозко»?

Небольшой рассказ «Морозко» незамысловат: старенькая уже бабуля рассказывает слушателю-автору историю о том, как она, будучи молодой колхозницей, побежала по вьюжному ночному лесу к заболевшему маленькому сыну, и замерзла бы долгой дорогой, если бы не встретившийся ей мужик в «чинно-важной» шубе, доставивший ее на своих удивительных, не оставляющих следов санях, к внезапно выздоровевшему «дитяте». «Морозко помог мне тогда, - заключает старушка, - Мы не шибко верующие: крест кладем, а из роту - матюки. Раньше-то не эдак жили - вера была. О Новый год по три раз избяные двери отпирали - Морозка кликали».

С точки зрения стилистического анализа текст этот чрезвычайно интересен, и в тоже время возможность применить весь арсенал приемов анализа здесь несколько ограничена. И тем не менее, коль скоро любое художественное произведение - произведение искусства лишь в той мере, в какой оно оригинально, и не может быть загнуано в рамки какой-либо схемы, рискнем начать наше небольшое исследование, сразу же оговорившись, что во многом теоретические разработки и методический инструментарий, взяты нами из «Лекций по русской стилистике» А.И. Горшкова.

Хотелось бы сразу определить круг вопросов, которые будут затронуты в рамках анализа, для начала просто их перечислим, а в дальнейшем - постараемся раскрыть более подробно:

1. Содержание текста и его языковое выражение
2. Соотношение образа автора и образа рассказчика как организующих начал текста
3. Анализ текста как языкового построения с установкой на изображение "чужого слова"
4. Использование диалектизмов
5. Использование иных изобразительно-выразительных средств языка.

1. Содержание текста и его языковое выражение

Содержание текста - авторское отражение определенного отрезка действительности, существующей объективно или вымышленной писателем. Тема текста - такая ступень абстрагирования его содержания, при которой вычленяются идеальные сущности, соотносимые с содержанием группы конкретных текстов одного или разных авторов³.

Содержание анализируемого текста - жизненная история, которая в устах рассказчицы превращается в совершенно необычный случай, благодаря вмешательству в жизнь героев сказочного персонажа - Морозка. Как видим, это - история о том, как молодая женщина ночью по вьюге и морозу добирается до заболевшего сына, спасаясь только чудом. Содержание конкретней, многообразней темы, тема по отношению к нему имеет более общий, отвлеченный характер, причем при всем единстве содержания, нам видится в анализируемом рассказе две темы. Первая -

материнская любовь, которая в порыве своем способна творить чудеса. Вторая - многомерность нашего, казалось бы такого простого и понятного, обыденного мира, присутствие в жизни иного - смутного, непознанного, иррационального.

И поскольку тема произведения, как нам видится, первична, то и содержание выводится из нее, влияет на ее раскрытие. Так появление сказочного Морозко, как элемента чуда, как его (чуда) символа, при всей своей необычности подчеркивает и раскрывает ту мысль, что сама по себе сила любви - чудесна.

Как уже отмечалось, содержание - это раскрытие, решение темы, и прежде всего для этого автор отбирает определенный материал действительности (история чудесного спасения), какие-то предметы, действия, факты, для которых в свою очередь выбирается языковой материал. Близость языкового материала к сказу, насыщенность лексики «волшебными» словами, диалектизмы, как составляющие речевой характеристики рассказчицы - все это служит цели передать идею (тему) чудесности силы материнской любви. В тоже время - в тексте наряду с этим присутствуют словесные ряды, характеризующие историю не как полностью сказочную, а как реальную и жизненную, произошедшую с реальной женщиной (работницей колхоза) пусть в давние, но реальные времена. Не потому ли такое совмещение словесных рядов понадобилось автору, что сама жизнь зачастую являет нам чудеса более волшебные, чем самая «волшебная» сказка?

2. Соотношение образа автора и образа рассказчика как организующих начал текста

При выяснении вопроса, как соотносится в тексте рассказа «Морозко» образ автора и образ рассказчика, прежде всего оговоримся, что исходим из следующих пяти постулатов, разработанных В.В. Виноградовым. В-первых, образ автора есть в художественном произведении всегда. В-вторых, образ автора - не лицо «реального», житейского писателя, а его своеобразный «актерский» лик. В-третьих, в связи с этим решительно отменяются всякие биографические сведения. В-четвертых, образ автора реконструируется на основе его произведений. В-пятых, Виноградовым выдвигается вопрос о приемах и способах этой реконструкции. Кроме того, в трудах Виноградова практически одновременно с термином «образ автора» появляется термин «образ рассказчика». Это естественно, так как эти категории соотносены.

Совершенно очевидно, что в анализируемом тексте, поскольку повествование ведется не непосредственно от автора, а передается рассказчице, которая уже от первого лица (своего) ведает своему собеседнику (возможно лирическому герою (автору), а возможно и иному лицу, поскольку упоминания о том, кому она адресует свой сказ, нет). Однако, совершенно очевидно, что мы не можем объединить образ автора и рассказчика в одно целое, и вовсе даже не потому, что автор - реальный, житейский автор - городской мужчина средних лет свысшим образованием, а рассказчик - бабулька из далекой деревеньки, коль скоро мы не просто отделяем рассказчика от образа автора, а сам образ автора от реального автора. «Рассказчик, - как писал В.В. Виноградов, - речевое

порождение писателя, и образ рассказчика (который выдает себя за «автора») - это форма литературного артистизма писателя».

Образ рассказчика (в нашем случае - рассказчицы) создается автором, и поэтому образ рассказчика не исключает, не перечеркивает образ автора. Образ автора присутствует в образе рассказчика, более того, в композиционной иерархии занимает высшую ступень, стоит над образом рассказчика, ибо выступает некой “цементирующей силой”, “стержнем, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения”, не смотря на то, что и по языку и взгляду на мир (так называемой, точке видения) образ автора в анализируемом случае явно отстоит от образа рассказчика.

С проблемой соотношения автора и рассказчика тесно связан вопрос о точке видения, или всеведении автора. Авторское всеведение - это своего рода условность, потому что «реальный», житейский автор не может обладать всеведением в реальной действительности, таким образом - это условность литературной действительности, принимаемое всеми правило игры. Собственно говоря, в анализируемом случае говорить о всеведении автора (как это имеет место в случае повествования от третьего лица) нельзя, напротив, мы имеем дело с передачей повествования рассказчице и построения его от первого лица. Это, конечно, сужает возможности изображения событий и характеров, но в тоже время приближает повествование к персонажам. Точка видения рассказчицы, повествующей от своего лица, принципиально отличается от точки видения автора, повествующего от третьего лица: рассказчица может рассказать лишь о том, чему она была свидетельницей, что она видела и что слышала. И тем не менее, такой рассказ, хотя и проигрывает в широте охвата действительности, зато сильно выигрывает в достоверности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: рассказчица обозначена в тексте с помощью местоимений 1-го лица и форм 1-го лица глаголов, а также с помощью характерологических языковых средств и точки видения. Это наиболее рельефный и полный, из всех возможных, способ выражения образа рассказчика, который, однако, не исключает образа автора.

Решению задачи наиболее четко передать и образ рассказчицы и само содержание передаваемого ее “сказа”, подчинена вся ткань рассказа, состоящая из, так называемого, “чужого слова”.

3. Анализ текста как языкового построения с установкой на изображение “чужого слова”

Рассказ Жаравина “Морозко” относится к таким языковым построениям (текстам), в которых определяющим является именно изображение “чужого слова”, в данном случае бабушки Афанасьи. Точнее говоря, картина действительности намеренно создается прежде всего с помощью как бы «не своего», «другого слова». В тоже время само выражение «установка на чужое слово» может показаться условным и не совсем точным. И действительно «установка на чужое слово» может привнести только к подражанию, которого, конечно, в тексте нет, от подражания текст отличает как раз то, что в нем не используется, а сознательно изображается «чужое слово». Автор говорит, конечно, не

«чужими», а своими собственными словами, он лишь использует подобие чужого слова для решения своих собственных творческих задач.

Что касается конкретной формы построения текста, то, если брать за основу классификацию Горшкова А.И., выделяющего среди таких форм стилизацию, пародию и сказ, то несомненно перед нами последний.

Принято считать, что в русской филологии первые попытки разработки проблемы литературного сказа были сделаны Б.М. Эйхенбаумом, который в статье «Иллюзия сказа» (1918) подчеркивал устную природу сказа и высказывал мысль, что устный сказ лежит в основе всей художественной прозы. Продвижение вперед в разработке теории сказа было связано прежде всего с разграничением автора и рассказчика, а затем и с разработкой понятий - «образ автора» и «образ рассказчика».

Вопрос об устной природе сказа тоже неоднозначен, ибо сказ представляет собой явление более сложное, чем только содержит установку на устную речь (разговорный язык), ибо, как очевидно из анализируемого текста, разговорный характер сказа лишь обозначен некоторыми «сигналами», а в целом, композиционно, сказ подчинен законам литературного монологического построения. Хотелось бы привести высказывание В.В. Виноградова: «Сказ - это своеобразная комбинированная стилевая форма художественной литературы, понимание которой осуществляется на фоне сродных конструктивных монологических образований, бытующих в общественной практике речевых взаимодействий... Сказ лишь сигнализирован, лишь обозначен как форма устного повествовательного монолога. Этим не определен его речевой состав. Сказ строит рассказчика, но сам - построение писателя. Или вернее: в сказе дан образ не только рассказчика, но и автора. Поэтому он является формой сложной комбинации приемов устного, разговорного и письменно-книжного монологического речеведения».

В отличие от понимаемой в широком смысле стилизации, в которой «чужое слово» изображается как обобщенный стиль эпохи, национальной культуры, литературного направления, жанра, в тексте Жаравина «изображается» слово конкретного рассказчика - бабы Афанасьи. И одним из инструментов, умело используемым автором для придания тексту правдоподобности, является широкое использование элементов разговорного языка, в частности - территориальных диалектизмов, распространенных в сельских районах восточной части Вологодской области.

4. Использование диалектизмов

В творчестве М.Г. Жаравина наиболее тесным образом сплелись вымысел и реальность, предание и быль, сказка и современность. Будучи уроженцем Кич-Городецкого района Вологодской области, детство и юность проведя в деревне, он не понаслышке знал особенность разговора сельских жителей. Зачастую во многих его прозаических произведениях использование диалектизмов выступает, пожалуй, наиболее сильным художественным приемом, позволяющим рельефно передать характер речи и поведения персонажей, а в некоторых случаях («Сказ о белом камушке», «Волчья морда») использование диалектных слов в авторской речи придает неповторимым колорит и «вкусу» сказочному тексту.

Нельзя сказать, что жанр всех упомянутых произведений - сказка, иногда, начинаясь как заурядная житейская история, происходящая в наши дни или в недалеком прошлом (поход на сенокос в рассказе “Волчья морда”, инцидент в очереди за водкой - “Приснились лесные страсти”) в сюжете произведения происходит неожиданный, но подготавливаемый автором прорыв (провал?) в область запредельного, непонятно, мифического: встреча героев с Желтой Хозяйкой Леса; женитьбы героя на медведице и т.п.

Тем не менее, вернемся от общего обзора использования диалектизмов в творчестве Жаравина, к тексту анализируемого рассказа. Еще раз повторимся, что поскольку повествование ведется от первого лица (нам, читателям, историю рассказывает сама участница события), то в тексте конкретно этого рассказа невозможно выделить авторскую речь. Это не значит, что текст обеднен, наоборот, подобный художественный прием позволяет автору достичь поставленной цели: читатель словно оказывается сидящим на завалинке с главной героиней бабушкой Афанасьей, которая его то пожурит отчески, то напугает страшной историей, а то - и рассмешит.

Ниже приводится перечень наиболее интересных диалектизмов, встречающихся в тексте. Нам кажется, что целесообразно будет разместить диалектизмы и их описание в таблице. При определении характера диалектизма мы придерживались классификации А. В. Калинина, приведенной в его учебном пособии «Лексика русского языка». Калинин, в частности, различает диалектизмы:

- *фонетические* - отражающие особенности звуковой системы говора;
- *грамматические* - отражающие особенности грамматики;
- *словообразовательные* - отражающие особенности словообразования;
- *лексические*, включающие в себя *этнографические* (местные названия местных вещей) и *собственно лексические* (местные названия общенародных вещей),
- *семантические* (диалектные значения общенародных слов);
- *фразеологические* (устойчивые сочетания слов, встречающиеся только в говоре, но не в общенародном языке).

Слово-диалектизм	Значение, в котором слово употреблено в тексте	Характер диалектизма
<i>о Новый год по три раз</i> (“ <i>О новый год по три раз</i> двери открывали...”) в Новый год по три раза		
грамматический		
<i>токо</i>	только -	фонетический
<i>шибко</i>	очень, сильно -	лексический
<i>из роту</i>		
(“Крест кладем, а <i>из роту</i> - матюки...”)	изо рта -	грамматический
<i>натакал</i>	дал понять	
<i>меня догадка взяла</i>	я догадалась	фразеологический

<i>о ту пору</i>	в ту пору	фонетический
<i>баской</i>	красивый	лексический
<i>тяжелая</i> ("Я о ту пору со вторым <i>тяжелая</i> была...")	беременная	семантический
<i>ишшо</i>	еще	фонетический
<i>севодни</i>	сегодня	фонетический
<i>ранше</i>	раньше	фонетический
<i>баат</i>	говорит	лексический
<i>суседи (сусиди)</i>	соседи	фонетический
<i>с чужо-начужо</i> (перебиваться <i>с чужо-начужо</i>)	чужое, жить у чужих людей	фразеологический
<i>спокой</i>	спокойствие	словообразовательный
<i>нетока</i>	нет	словообразовательный
<i>почтарь</i>	почтальон	словообразовательный
<i>председатель</i>	председатель	фонетический
<i>дитятко</i>	ребенок	лексический
<i>Офонасья</i>	Афанасья	фонетический
<i>ослобоню</i>	освобожу	лексический
<i>отробила</i>	отработала	лексический
<i>мугла</i>	мгла	фонетический
<i>дотти</i>	дойти	фонетический
<i>торопесь</i>	торопясь	фонетический
<i>в набег</i>	торопясь	лексический

<i>дале</i>	далее	фонетический
<i>с ума не шло</i> (“Дале как пойти - <i>с ума не шло...</i> ”) не выходило из ума		грамматический
<i>друг бы</i>	вдруг бы	фонетический
<i>должон</i>	должен	фонетический
<i>ходко</i>	резво	лексический
<i>чукося</i> (И <i>чукося</i> - ветер утих!)	надо же	лексический
<i>сзадю</i> (“И скрип <i>сзадю...</i> ”)	сзади	грамматический
<i>тутоишня</i>	здешняя, местная	лексический
<i>в инью</i> (“Лошадь - вся в инью...”) в инее		грамматический
<i>свитит</i>	светит	фонетический
<i>испереполохалась</i>	всполошилась	словообразовательный
<i>не ослепуешь</i>	не видишь	лексический
<i>опамятовалась</i>	очнулась	лексический
<i>витер</i>	ветер	фонетический
<i>овыдень</i> (“ <i>Овыдень</i> туда и обратно!”) одним днем		лексический
<i>выматюшил</i>	выругал	лексический

5. Использование иных изобразительно-выразительных средств языка

I. Тропы

1. Эпитеты.

В тексте прослеживается нелинейное распределение эпитетов: наиболее ими богаты строфы, содержащие описания сына Акимушки (старшенький, прилипчивый, роденький, робятко) и Морозко. Причем описания самого Морозко намеренно не дается – напротив, описывается, как не разглядела его рассказчица, только и видела, ослепленная чудом внезапно прекратившейся вьюги и неожиданным его в лесу появлением,

что шуба «шуба ворсистая, серебряная, так и свитит». И опять же последняя строка – снова возврат к этой детали: «Мужик как мужик. Шуба, правда, чинно-важная - у нас таких не носят...». Авторская воля ясна – намеренно дает понять он читателю, что может быть и вовсе не сказочный герой донес Афанасью, а заезжий из чужих краев мужик, но, тем не менее, этот прием позволяет избежать однозначного изображения истории, и как истории реалистичной (глупой бабе привиделось-показалось, темные мужики наговорили), и как истории однозначно сказочной. Это хрупкий баланс и придает рассказу его неповторимость и оригинальность.

Характерно, что в основном эпитеты выражены уменьшительно-ласкательными прилагательными, что придает тексту сказочность и мягкость, и несмотря на то, что рассказчица описывает такое страшное событие, как вьюжная ночь в лесу, слушателя-читателя не покидает ощущение, что все закончится хорошо, что эта сказка – со счастливым концом.

2. Сравнения в тексте присутствуют в небольшом количестве, что характерно, они используются только при описании рассказчицей своего состояния, сначала при встрече с Морозко: «Я бы рада икнуть да в лес, протрезвела, испереполохалась, а мне ровно кто рот зажал, и ноги подсклея, ватные стали. И будто толкает тихохонько: «не бойся», потом при встрече с сыном, когда слезы из глаз Афанасьи «бежат и бежат, как горохи».

3. Большинство метафор воспринимаются только при прочтении всего рассказа в целом, поскольку относятся к разряду развернутых, ассоциативно построенных, например, тот факт, что сани ночного спасителя не оставили следа, дал повод так сказать Петруше Микитину: «Должон, девка, след, ты же не летом прилетела...». В этом есть некий символический, метафорический смысл – в некотором роде Афанасья как раз таки «летом прилетела», как птица, почуяв тоску по занемогшему птенцу – Акимушке.

4. Олицетворения также присутствуют в тексте. Самое однозначное – то, на котором как раз и построена интрига рассказа – буквальное «оживление» зимы и мороза – появление Морозко. В тексте достаточно и других олицетворений: ветер нанес, сани прошумели, лес проскрипел, в основном олицетворяются явления природы, что характерно для «природного», «языческого» сознания рассказчицы.

II. Стилистические фигуры

Во многих фрагментах текста определяется одинаковое синтаксическое построение соседних предложений и отрезков речи, то есть параллелизм. Характерно, что, как правило, в рассказе используются короткие, простые предложения с использованием однородных членов. Сложные предложения встречаются значительно реже, в них преобладает сочинительная связь, подчинение используются лишь при построении конструкций прямой речи. Это, а также огромное количество фигур умолчания (эллипсис) в тексте, является характерным для разговорной речи – пусть даже и монологически построенной. Для усиления выразительности, особенно во вводной “поучительной” части речи

рассказчицы, используются антитезы: “крест кладем, а из роту – матюги”, «раньше-то не эдак жили – вера была».

Таким образом, видно, что выбор тропов и стилистических фигур отнюдь не случаен, а обусловлен, по всей видимости, стремлением автора, во-первых, передать с помощью художественных средств языка эмоциональное состояние рассказчицы, во-вторых, организовать с помощью смысловых логических цепочек фрагменты текста в единое целое.

Дмитрий Ермаков

СЖАТОЕ ВРЕМЯ МИХАИЛА ЖАРАВИНА

С 26 по 30 мая 2005 года в Финляндии проходил семинар «Вопросы современной литературы российской провинции», организованный Институтом России и Восточной Европы.

На семинаре выступили с докладами с российской стороны Вячеслав Огрызко (главный редактор газеты «Литературная Россия», Москва), поэтесса Альбертина Иванова (Йошкар-Ола), поэт Владимир Судаков (Петрозаводск) и прозаик из Вологды Дмитрий Ермаков. С финской стороны выступали писатели, поэты, исследователи русской литературы. Читателям предлагается доклад Дмитрия Ермакова на конференции в Хельсинки о творчестве вологодского писателя Михаила Жаравина.

И не помнился бы он как МишаЖаравин - свой, надежный, крепкий мужик, набирающий силу, пишущий обжигающие горячей правдой остро современные или уводящие в старину, в народные предания рассказы, почти за каждым из которых чувствуются и повесть, и роман... А жил бы и творил рядом с нами крупный русский писатель Михаил Геннадьевич Жаравин... если бы не смерть на тридцать седьмом году жизни, на взлете

Его земная жизнь уложилась в скромные временные рамки, родился 12 ноября 1959 года, скончался, как пишут в официальных некрологах, «после жестокой болезни» 18 декабря 1995 года.

Жестокой, а точнее - жесткой, еще точнее - раскаленной, сжигающей, как его творчество, была не только болезнь Михаила Жаравина, сама жизнь его была - ожог, сплошная сердечная рана. (Именно так - «Сердечная рана» - называется один из лучших рассказов Жаравина.)

Жизнь жесткая, обжигающая, но характерная, к сожалению, для современного русского человека И если назвать основные вехи его жизненного и творческого пути, то и не увидишь чего-то особенного. Вот эти вехи: родился в глухом лесном углу Вологодской области, в деревне Еловино, окончил десятилетку, служил в армии в танковых войсках, затем жил в Вологде, работал на подшипниковом заводе

наладчиком оборудования, в 1983 году женился, растил двух сыновей, развелся, в 1989 году пришел в литературное объединение при заводе со стихами, стал писать и прозу. В 1990 и 1993 годах обсуждался на областных литературных семинарах, с 1991 по 1995 годы учился заочно в Литературном институте имени Горького в Москве. В 1994 году принят в ряды Союза писателей России. Было множество публикаций в городской и областной прессе, появились и первые публикации в прессе всероссийской. В газете «Литературная Россия» его рассказ «Две затяжки» был опубликован с предисловием самого Василия Ивановича Белова... А можно вспомнить подробнее и семинар 1993 года, когда тот же Белов сказал: «Поздравляю общественность с появлением нового писательского имени», а Сергей Трофимович Алексеев говорил. «Мне сегодня впервые не хочется ругать автора, мне просто охота его хвалить!» Оба говорили о Михаиле Жаравине...

Да, в жизни - ничего особенного, в творчестве - удачливее, чем у многих... Внешне. Но если вдуматься - все беды России конца XX века коснулись Жаравина, а душа его чуткая, страдающая и сострадающая... Отрыв от корней (уход из деревни в город); проблемы армии («дедовщина»), «перестройка», искорежившая многие судьбы; проблемы семьи (разводы, измены) - все это не просто коснулось его, это было его судьбой, судьбой всего русского народа. И не за себя он страдал, и не о своей боли писал, но со своей-то личной болью за весь народ болел.

Жаравин умел писать так, что казалось - все его рассказы, повести прожиты им, не только в творчестве прожиты, но и в реальной жизни Нет, конечно. Он был писатель и умел совместить собственный жизненный опыт, художественный вымысел, рассказы знакомых и незнакомых людей и сплавить все это огнем своего таланта в страницы художественной прозы. Он воистину не выдумывал, проживал в душе своей и судьбы братьев Халиковых (рассказ «Рыжий»), одного из которых «перестройка» сделала бандитом, другого - ловким бизнесменом, и страдания Васенина («Зуб»), живущего с нелюбимой женой; и ужас Николая Тарасова («Излучатель»), познавшего не во сне - наяву, что значит, нарушив людские и божеские законы, стать зверем...

В рассказах и повестях Михаила Жаравина живут, любят, страдают, умирают и рождаются десятки, а может, и сотни персонажей - народ во всем своем единстве и разнообразии. И он этот народ - свой народ! - не идеализирует, видит его недостатки и беды, честно пишет о них. Но видит Жаравин и Божий Лик, отражающийся в народе. Он любит свой народ таким, какой он есть, как любим ни за что, просто по праву родства, мать, отца, детей...

Его проза при всей ее жесткости и горячке - врачующе-сострада-
тельная. Иногда она прямо назидательна, моралистична. Но эти

назидательность и морализм - тоже ведь в традициях великой русской литературы, вспомнить хотя бы «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, многие произведения Толстого, Достоевского... Например, в рассказе «Камушек с серебряными пятнами» (в книге «Сердечная рана» - «Сказ о белом камушке»-Сост.) Жаравин пишет: «Слово материнское жизнь строит: хула да проклятия горе несут, доброе напутствие в любом деле - помощь. Лаской, благословением Божьим и родительским жив народ...» Другой рассказ, «Манило», заканчивается такой фразой: «Привиделся дедушка. Он сердился и рвал Пашку за ухо, приговаривая: «Не рой другому яму - не наищешь сраму...» Простые истины, но раз за разом их нужно повторять, напоминать самому себе и рядом живущим, и Михаил Жаравин делал это.

Большое место в творчестве Михаила Жаравина занимают народные предания, легенды: рассказы «Страшные вечера» (в *другой редакции* - «Приснились лесные страсти»), «Камушек с серебряными пятнами» («Сказ о белом камушке»), «Четыре черных петуха», «Морозко», неоконченная повесть «Равновесие»... Вот где в полную мощь раскрывается жаравинское владение словом. Он просто купается в народной, столь близко знакомой, родной для него языковой стихии...

Впрочем, чтобы понять писателя, его надо читать. Тем более такого, как Жаравин, о котором уже при последнем скорбном прощании В. Белов сказал: «Потеряли писателя, которого я бы поставил рядом с Шукшиным». Правда, надо еще понимать, что такое и кто такой для России Шукшин...

Говорят, физиками уже доказано, что звезда - это сжатое время. Горение звезды - энергия сжатого времени. Сжатое до критической точки время превращается в вечность. Михаил Жаравин, извлекая энергию творчества, до предела сжал свое время, но свет, оставленный им, вечен.

Андрей Наугольный ЖАРАВИНУ

*«Он и, стоя в могиле, сделал все, что хотел...»
(Н. Заболоцкий «Смерть врага»)*

То снег, то дождь... Гуляет непогода.

От этого весень загрузил.

Как? Отчего так прижились невзгоды,

Как в старину, гуляют по Руси?!

Все неизменно. Никуда не скряться.

Но кто-то смог преодолеть разгул,

Друзей ушедших вспомнить лица,

Впадая в беспробудную тоску,

Задумавшись о времени и месте.

Как жили вы, не дорожа собой!

...Гуляет непогода. Дело чести

Еще разок померяться с судьбой.

Михаил Жаравин

ПРОСТУПОК СОДЭ

Женщина ходила или писала, а иногда, стоя перед оконным проемом, подолгу прижималась лицом к стеклу. Я привык видеть ее, я сроднился с ее существованием и считал его частью собственного. Почему не замечал ее раньше? О чем она пишет? Таинство человеческих откровений возбуждало мое воображение...

Я проник в комнату чрез приоткрытую дверь. С подоконника наблюдал, как хозяйка прощается с гостями: вот ее расцеловали подруги, галантно раскланялись мужья и компания удалилась. Темнело. Зябко поеживаясь, женщина смотрела уходящим вслед. От вида ее белеющей, одинокой фигурки меня охватило незнакомое досель чувство. Оно напоминало помесь грусти с желанием совершить что-то неестественно-благородное. Женщина вошла в подъезд, зацокали по лестнице ее каблучки... Сейчас я рассмотрю ее как никогда близко. Кажется, она очень стройна...

Она довольно молода, ей не больше тридцати четырех человеческих лет. Густые, слегка взлохмаченные, обесцвеченные волосы обрамляют овал лица. Глаза невыразительные серые, но взгляд живой, цепкий. Нос. Он кажется излишне громоздким, портит ее, но и привносит какое-то своеобразие, я бы сказал, таинственное очарование облику. Я мгновенно представил рисунок ее лица. Вот оно что! Аналогия со святым ликом.

Невидимый, я разглядывал ее, стоящую перед трюмо. Несколько минут она молчала, потом раздался вскрип и по ее щекам поползли темные огромные капли. Невероятно. Только что она выглядела безмятежно счастливой, какой притворяться невозможно. Что с ней? Умывалась она нервно, зло. С неистовой беспощадностью стирала пудру, помаду. Взглянув в зеркало, вымолвила: «Так-то...» Быстро и ловко убрала со стола и осмотрелась. Ничто больше не напоминало о недавнем веселом празднике. Приготовив постель, завела будильник, потушила свет. Но не легла, включила настольную лампу, сняла с полки толстую тетрадь и села к столу. Написала всего три строчки – по-видимому, этот процесс был ей сегодня не по силам. Когда она, свернувшись калачиком, уснула, я открыл тетрадь.

Я знаю, у людей подобные действия презируются и осуждаются. Но я не обязан следовать человеческим законам. Первая запись шестилетней давности. «Меня любят! Даже не верится. Саша, Сашенька! Я ждала тебя всю жизнь!» Дальше, судя по дате, перерыв в год.

Любовь! Это загадочное чувство! Единственное из человеческих чувств, не понятное нам. Излияния длинные, сумбурные. Драма. Саша, которому она так верила, которого так ждала, вернулся из армии и женился на другой. Жутко. Все остальное записано совсем недавно.

Последние заметки меня заинтересовали.

12.05. Сегодня, не пойму почему, дышится легко. Глупые у меня все-таки подруги. Это их желание сбегать меня замуж. Противно. А он, оказывается, симпатичный. Надо же, год знаю человека, и только сегодня понимаю, что он - симпатичный.

13.05. Господи, он каменный. За день – здравствуйте, до свидания, и все. Что случилось? Вчера смотрел так ласково. Сама, да и девчонки вообразили черт-то что.

14.05. У него погибла жена. Год работать рядом и не знать, что жонат... был. Глупо, Надя, непростительно.

10.08. Четвертый месяц молчит. Четвертый месяц в черном. Обидно, но уважаю. Это не Саша. Поманили – и забыл все и всех.

12.08. А у него большой сын, лет пять. Встретила сегодня в центре. Чего он смутился? Мальчик на него не похож. У меня тоже мог быть ребенок. О чем я? Дура.

14.08. Опять встретила. Вне работы он намного приятнее. И не такой неприступный. Шутил, анекдот рассказал. Что я все о нем? Опять втюрилась? Ну, нет. С меня довольно Сашеньки.

22.08. Пригласила в гости. Заметила в окно, что идет с цветами, струсила, спряталась у соседки. Едва успела записку нацарапать, мол, прости, должна срочно уехать, увидимся в другой раз. Он топтался перед дверью нелепый, медвежковатый. Лицо его то краснело, то бледнело. Засунул букет в дверную ручку и ушел. А у меня жгло уши, щипало глаза.

23.08. Вот это выдержка. Я бы не смогла. Умеют же люди себя вести по-умному. Первый не ступит теперь ни шага. Я это поняла. Что бы предпринять? Как подтолкнуть, не унижаясь? Мама, чем я занята? О чем думаю? Стыдно!

26.08. Ловко у меня получилось с театром. Один ноль в мою пользу. Сын у него в деревне. Он скучает.

5.09. Долго не писала. Как я счастлива! Целую неделю он жил здесь, в этой комнате. Целую неделю мы спали в одной кровати. Он спал, а я смотрела на него, спящего. Мне хотелось поцеловать его, приласкать. Мало меня жизнь была. Почему я так держусь за него? Девки говорят: куда он денется? В его положении лучшее – вцепиться в меня зубами и ногтями и жить. Я ему не верю? Боюсь, уйдет? Боюсь, выгоню? Все может быть, он такой обидчивый.

7.09. Господи. Как все сложно. Ну, кто меня тянул за язык? Могла бы промолчать. Мы сидели в беседке, а сын рядом катался на велосипеде. У меня вырвалось: «Никак не могу поверить, что это твой сын». Он улыбнулся: «Всему свое время». «Понимаешь, - добавила я, - не могу почувствовать его родным. Он чужой! Ты мне муж, а он...» Он потемнел лицом, встал, ответил хрипло, не своим голосом: «Не все сразу».

9.09. Поганый день. Как белка в колесе. Испекла торт, сбегала на

рынок, фруктов накупила. Старалась ради них. Больше ради мальчика, понравиться хотела. Все напрасно! Торты он даже не попробовал. Побыли минут десять, запросился домой. Я ему не понравилась.

19.09. Десятый день не работает и я не знаю, что с ним. Идти к нему домой не позволяет гордость.

20.09. Почему долго тянула, почему не пошла сразу? Открыл дверь потный, растерялся. «Стираю, - говорит, - ты пока с сынишкой поразвлекайся, я сейчас». Мальчик дома совершенно другой. Какой он милый, ласковый. Показал игрушки, книжками похвастал, сказку рассказал про курочку рябу. На прощание шепнул на ушко: «Тетя Надя, приходи чаще, пап без тебя скучный». Какая страшная детская наивность. Недетскость ужасающая.

21.09. Опять наглумила. Подруги проведали про наши отношения, завялились ко мне в кабинет, давай подкалывать. А Петр за столом напротив ведомость готовит, хмурится, молчит. Я возьми и ляпни: «Куда мне с дитем. У меня и помоложе, и не хвостатых много!» Я-то хотела, чтоб девки отстали, а он как подавился, как по голове его стукнули – всерьез принял. Подружки брезгливо на меня посмотрели, ушли, не попрощавшись. Что со мной творится? Как теперь с Петей разговаривать, объясниться как?

25.09. Напрасно я затевала этот праздник. Надеюсь – знает про день рождения, зайдет хотя бы поздравить. Не зашел. Чувствовала, не придет без приглашения. Да, зря надеялась. Спать страшно. Сон одолевает, река и мы... И я у него в руках...

Я перелистнул последнюю страницу и задумался. Чем я могу помочь живой женщине? В этот миг я будто забыл, кто я и где. Сильным было желание действовать.

Я не одинок: призраки замков, привидения, домовые, лесовики, манила – да мало ли как называют нас люди. Мы произведение рода человеческого: нерожденные и умертвленные. Вечные и неприкаянные скитальцы. Нет нам пути ни в ад, ни в рай. Мы заплонили околосреднее пространство. Мы система. Цивилизация. Уровень развития в тысячи раз выше человеческого, в силу того, что нам не нужно заботиться о насущном. Мы все похожи, но мы и разные, как все люди.

У нас жестокий закон. Случались разного рода происшествия, когда мой собрат из самых святых побуждений невольно содействовал катастрофе. Потому что закон гласит – не вмешивайся, покарает. Я помню Содэ. Ради спасения женщины, которая не захотела стать его матерью, Содэ обрел плоть. Он стал тем хирургом, который должен был оперировать. Катастрофы не случилось, он успел. Просто люди недоумевали – доктор только что резал и опять пришел, и снова требует готовить большую к операции. Потом все решили, что врач сошел с ума, а хирург думал, что больница с приветом. Потом все забылось.

Но не забылось для Содэ. Он себя погубил. Закон превратил его в барабашку и поместил в ненавистное для него место. Я видел, как бесился он, как летали по комнатам предметы. Я его преступником не считал, я ему сочувствовал. Но мне было жаль напуганных людей. Закон мне опротивел. Ах, Содэ, зачем ты своим бешенством давал повод радоваться для вершителей? Ах, Содэ...

Стоп. Я должен обрести плоть. На очень короткое время стать тем человеком, которого любит Надя.

Наде снится поле, отец, мать и она сама - маленькая девочка. Я смотрю этот сон вместе с Надей. Как он ей приятен. А вот и Петр - невысок, широкоплеч, глаза нежные, сочный рот. Понимаю.

Я встал перед зеркалом и, нарушая все законы природы, попытался увидеть там свое несуществующее отражение. Я напрягал все свои силы, весь разум - если не смогу отразиться, то останусь бесплотным, невидимым сгустком, податливой жертвой вершителей. Зеркало затуманилось, и я... Вот он я, в новом качестве.

«Надя, Надя», - звал я ее. Она открыла глаза и протянула мне руки. Это не входило в мой план, но она шептала: «Ты пришел. Милый, Петя...» Какая-то неподвластная разуму сила толкнула меня к ней в объятия...

Как хорошо и страшно быть человеком. Любимым человеком! Мне не хотелось расставаться с телом. Но это было не в моей воле. Оставшись, я обрекал на смерть Петра, Надю, и, возможно, ребенка... Поэтому, когда она проснулась, то увидела пустую комнату.

Она потирала руками лоб, шептала что-то. Она не сойдет с ума, я знал, она найдет нужные Петру слова и, по крайней мере, три человека будут счастливыми. И, пред тем, как исчезнуть, я понял, что стал мудрее на целую жизнь.

Михаил Жаравин

«СЕГОДНЯ МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ДОМОЙ...»

Чужая боль, она мне по нутру,
Хоть прет наружу пухлая, как тесто,
Едучая, как выбросы химтреста,
Соленая, как пот солба в жару.
Чужая боль, она мне по плечу,
Хоть прошлые носильщики не плоше,
И ждут они, что я на этой ноше,
Как у надгробья, запалю свечу.
Чужая боль, и нет ее больной,
Как нет нелепей брошеного поля.
Но мир жесток, и мы играем роли,
Мы учимся терпенью у камней.

Л.Новолодской

Морозный воздух заклубился,
И ты за дверь заторопилась
Ознобно-черною пантерой
В пещеру ночи на покой.
Фонарь ночной тебе навстречу
Спиной испуганно горбатил,
И шапкой лисьей заслоняясь,
Завис над тропкой беговой.
Троллейбус дальше покатился,
Нутром пустым угрюмо хлопнув,
Чихнув искрой на нашу ссору,
На хрупкость спайки городской.
Упав на смятое сиденье,
Ладонь и лед соединяя,
Я понял шорохи и звуки,
Я принял стекло стальных строй,
И глаз на инее окошка,
Твое дыхание хранящий,
Казался мне теплом и светом,
Зовущим входом в мир иной.

02.93

Летает цвет, как белый снег зимой,
И грусть моя парит, скользит за ним...
Сегодня мне не хочется домой –
Пойду бродить по улицам ночным...
И буду мрачно фонари считать
И наблюдать за тенью, то спешащей –
Стремящейся от грусти убежать,
То отстающей и назад манящей...
И будет ветер, как и я чумной,

Плести из пуха нить былого счастья,
Но комната останется пустой,
Тоскливой, словно улица в ненастье.
И будет память листья ворошить,
Тянуть, вернуть, поставить на колени
И ужаснувшись, вдруг начну спешить,
И побегу к тебе, боясь своей же тени...

Виснет туманный морок...
Куст за окном, как еж.
Грусть, как неожиданный шорох...
Нет! Как заряд, как порох.
Стук... Это ты идешь...
Нет, не ко мне. Лишь морок
Стекла снаружи в шторах,
Не увидеть которых,
Если тебя не ждешь.

Да... Я боюсь отказа твоего.
Уж лучше жить несбыточной надеждой
И выглядеть прохожей и невеждой,
Не чувствующим вовсе ничего.

Пощечин раз боишься - на рожон
Переть не стоит – это всем известно.
И все-таки у грусти бестелесной
Какой-то свой особенный закон!

Решусь ли я письмо тебе отправить
С признанием? О, как конверт тяжел!
Мне кажется, что он проломит стол,
И полвнизу кого-нибудь задавит.

Войду в рассвет росистый босиком,
Я там останусь с солнечным букетом,
Как тем давным-давно ушедшим летом,
В которое со счастьем был знаком.
Забуть о прошлом – зряшная уловка,
Ведь память - что музейное стекло,
Хранит, как пыль и блеск – любовь, тепло.
Сладони в небо божия коровка
Летит, как мысль из города в село....

Чем желанней полет, тем обидней
и горше посадка!
Желторотый птенец в темном мире,
где все так несладко –
Где – латай, не латай - экономика
чахнет от дыр,
Где таланты меньших растирают
как плавленный сыр,
Где не крылья в цене – деловитость
и мертвая хватка.
Наступив на язык – не услышит
чужих «отпусти».
Если станет «орлом» - позабудет
о слове «прости».

Мешком застиранный халат,
Аптечный запах коридора,
И тишь полупустых палат,
И ожиданье разговора...
Соседка притворила дверь –
Ушла, как будто понимая:
Мне больно чувствовать, поверь,
Какая все же ты родная...
Струились слезы по щекам,
Цветы в руках твоих дрожали –
Укор раздутым индокам –
Когда мы женщин понимали?
Заговорила: «Мать была,
Дочурка, муж – и все молили.
Наверно, зря от них ушла...
За что мы так им насолили?»
Тебя я глажу по щеке.
Дрожит душа листвою в ненастье.
«Я буду завтра вдалеке.
Дай Бог тебе... И всем на счастье...»

Груди обнаженной касаясь,
Я губы, как счастье, искал.
А ты, темнотой укрываясь,
Шептала мне в ухо «нахал».
Стена опахалом казалась,
Качалась, молила - «усни!»
Бездонно в глазах отражались
Ночного проспекта огни...
А утро развеяло сказку,
И я, торопясь уходить,
Увидел звериную маску
В трюмо – и хотелось завывать.

Плевать на то, что не берут в печать,
Что в будущем не выбиться... Едва ли
От этого я хуже буду спать –
Читают же меня... в оригинале!

Нежданная художница явилась
Хозяйкой в гости к пышным хохлачам.
От опушки начала трудиться,
Не отдыхая, даже по ночам.
Не наглая, несмелая вначале
Вошла во вкус, не в шутку разошлась
И лиственные - пятнами подпалин
Меж хвойных шуб играли, возгордась!
А ветер - неразборчивый цирюльник -
Стриг гривы, будто в память о тепле...
Устала осень – бросила этюдник.
И разлетелись листья по земле...

До холодов подать рукой -
Колдует осень на бульварах,
Раскинувшись на тротуарах
Багряно-желтою листвою.
И морщит сонную траву,
Как будто человеку кожу,
И я по осени итожу,
И вижу – нет, не так живу.
Зарылся я в черновиках -
Все остальное самотеком:
Неподражаемым упреком
Сверкает снег на волосах
Той, что со мною одиноко...

Ты помнишь – старенькие ели
На том, на нашем берегу?
Еще сильнее постарели
И мерзнут, бедные, в снегу.
Бродяга-ветер рвет с них шапки,
Стремясь раздеть и обобрать....
Сквозь шубку снега, как заплатаки
Их ветки темные торчат.
В то лето - десять лет назад –
Ты песни о любви мне пела,
Вот здесь и ели подтвердят –
Над нами их хвоя летела...
Мы чувств своих не оберем,
Но ели в памяти остались –
Две одиноких среди земли
Той нашей, где мы повстречались.
При случае хожу сюда,
Хоть нет тебя, но ели живы,
Шумят как прежде... Иногда
Поют они твои мотивы....

«Не мечтай о блюдечке с каемкой», -
Сердобольно говорит мне брат, -
Радуйся, ты все-таки с Артемкой,
Одному труднее во сто крат...
Будь мужчиной. Сопли – что за пища?
Мало ль баб? Заладил – мать, да мать...
Сын привыкнет – понапрасну злишься,
Да и сам не будешь тосковать...
Хватит быть наивным, как ребенок.
О любви в постели говорят,
Вечером, а поутру спросонок
Забывают тех, кто рядом спят.
Будь попоще – не ищи Джульетту,
Плюнь на вирши – хватит сочинять!
Ты пойми, что грубому вельвету
Гладенькою саржей не бывать.

- «На заводе». -
«Откуда тяга к городам в народе?
Чуть подросли – и сразу
с глаз долой.
Одумайся и приезжай домой...
Да кто ты там?» - «Я, бабушка,
наладчик...» -
«Смешно и впрямь. На побегушках
мальчик.
Ты тут нужней, ведь здесь
твоя земля,
А там ты место чье-то занимаешь.
Чево молчишь? Али не понимаешь,
Вон зарастают дедовы поля,
А душ в деревне меньше, чем жилья...»

Финал печален, завтра суд народный
Нас разведет, наверно, навсегда...
Ты в полдень завтра от меня свободной
Уйдешь довольной с этого суда.
Ну что ж, теперь, когда все карты биты,
Семейной жизни узы не крепки,
Я чувствую себя судьбой убитым.
О, как мы небывало далеки...
Звучат шаги твои, а мне не в радость,
Былого нет, любовь разметена.
Осталась только дикая усталость,
В глазах обида, будто пелена.
Уехать! Чтоб ни голоса, ни смеха...
Куда-нибудь, где ветер резок, крут...
Убитому невзгоды не помеха,
Лишь только б не идти на этот «суд»!

Как просто хлопнуть дверью сгоряча!
Уж бить так бить – размашисто, сплеча,
Чтоб сразу ухом, носом, горлом кровь...
Какая к черту может быть любовь!
В постели мерзнешь... Нет, злорадства нет...
Заговоришь – лишь тишина в ответ.
Тоскливо, одиноко по ночам.
Как глупо дверью хлопать сгоряча...

Когда тоскою досыта напыюсь,
Когда цветы засохнут в вазе –
Наверно, я без боли откажусь
От слов, которых не сказал ни разу.
И никому, наверно, не скажу,
Как трудно жить, когда мечта – осколки....
Тебя я ни о чем не попрошу,
Теперь ты просто как портрет на полке...

Ты ненадолго, как всегда.
Пришла с оглядкой-украдкой.
Любовь и радость, и беда
Слились в тебе сплошной загадкой.
Ты торопилась все отдать,
Что принесла в душе с собою,
Тебя, увы, не разгадать,
Я ногтя твоего не стою.
Непросто поломать свою семью,
Не легче – так вот, словно воры...
В итоге склоки и раздоры
Туманят голову мою...

Словно фея из сказки,
Вся как сказка сама –
В меру пудры и краски –
Ты не сводишь с ума.
Будишь светлую радость,
Лечишь горе, печаль,

Зачем грешить – раз думаешь о Боге?
Стоять меж двух огней посередине?
Понятна мне печаль твоя о сыне...
Закончить надо вот на этом слоге.
Но я безумец! Дальше продолжаю:
Что наша жизнь? Круговорот в природе,
Пришли - уйдем. По моде, не по моде,
Как правильно – я сам еще не знаю.
Что наша жизнь? Играл лишь в чет-нечет:
Сегодня я взлетаю, будто кричит,
А завтра, может, оземь разобьюсь
И никогда уже не поднимусь.
Так суждено, что ты не мне досталась,
Но я тянусь к тебе душой и телом,
А сам меняю женщин между делом –
Беру, что есть, хотя нужна-то малость,
Лишь ты нужна, а у тебя семья...
Но ты уйдешь со мной – я это знаю,
Хоть не зову. Себя не понимаю –
Чего ишу средь грязи бытия?

Довольно мне скользить по мелочам
И наряжать их в пышные одежды...
Ты на земле, но никакой надежды
На что-нибудь. И я по кирпичам
Готов разбить убогое жилище,
Где я скудею мыслью с каждым днем.
Ты не со мной! И без тебя я нищий!
При редких встречах мы улыбки шлем...
Какая мелочь! Раздуваю пламя,
Змеюсь полетом вспыхнувшей свечи,
И даже ветер кружится меж нами,
Как будто шепчет в уши «не молчи».
А я опять все за двоих решаю,
За нас с тобой. И ты меня поймешь,
Тебя я взглядом издали ласкаю:
Ты на земле не для меня живешь!

Запутавшись среди своих романов,
Устав от лицемерия и лжи,
От множества бесперспективных планов,
Решил: «Женюсь». Все девки хороши,
Жена родней. Чуланчик - подзавязку.
Возьмусь за ум вот, заведу детей,
Чтоб чинно, чисто – все как у людей.
Пора, пора закончить свистопляску...
Женился. Дети есть, как чаша дом,
А счастье все же где-то заблудилось.
Судьба моя, горька твоя немилость,
Хотя исток ее во мне самом.
Терпел ее и думал – вот притремся,
Уладится - и заживем! Но нет.
Развелся, ждал - увижу счастья свет,
Свобода же! Смеялся – «оторвемся»,
За муки – отгуляю, что жалеть...
Невышло. Сердце начало болеть
По детям. Тянет –хоть бы посмотреть
Одним глазком, издали, украдкой.
И понял, как измученной лошадкой
Жена весь воз тянула на себе...
Садись, потащит снова, промолчит,
Она не видит, что я паразит,
Паук-тенетник в чистенькой избе...

Сорвись на крик до темноты в глазах,
До боли в связках и кричи с надрывом
До пены на запекшихся губах.
Нет, не услышат голос над обрывом.
Взлети над бездной, птицей закружись,
Лети листом оборванным кленовым.
Нет, не заметят, сколько ни трудись,
Посмотрят мимо – «это же не ново».
Прикинься зверем, рви, мечи, рычи,
Написанное – съешь. Опять напрасно.
Простейший выход – просто замолчи.

Шатаясь, поднимается страна,
Взрастившая пассивных и забытых,
Бездумных и жестоких. Чья вина,
Не той ли управляющей элиты?
О чем, скажите, думает Творец,
Когда вокруг твердят –

«Великий гений!»

И в благородство рядится подлец,
А тысячи – своих не знают
мнений.

Скажите, если знаете – о чем
Грядущим надо думать
поколениям,

Коль сгублены не вражеским
мечом

Не вставшие покорно на колени?
Найти фарватер и покинуть мель
При современной широте размаха,
Наверно, легче, если видишь цель,
Стремишься к ней, не зная в сердце страха.

Заневестилась вроде зима,
Вот и пух рассыпает и вяжет.
На деревьях с утра бахрома,
Что к полудню слезинками ляжет.
В ожиданье прихода её
Я уборку в квартире затеял.
Мылся, брился, готовил пальто,
А пришла... я приходом растерян.
Не готов я её принимать,
Принесла она стужу, заботы,
И желанье подольше поспать,
И совсем не ходить на работу...

Я говорил себе – забудь!
И пил не квас – сырую воду,
И выходил под непогоду,
И оголял больную грудь.
Я говорил себе – забудь!
Мы все уже с тобою спели,
И, раз друг другу надоели,
И ляжку нечего тянуть.
Я говорил себе – забудь!
Другое – сердце говорило.
То в жар бросало, то знобило
И заставляло все вернуть!

А в сущности-то, жизнь не изменилась!
Все также ем, работаю, хожу...
Там, где любовь, как угли, пепелилась -
Я в клетке попугайчика держу.

И он сует по прутьям, чистит перья.
Предложишь волю – глупый, не летит...
Я – попугай и клетка - недоверие...
Кто по клетям – свобода не страшит!

Вот и живу, а как же – здесь накормят,
Нет ветра, нет дождя, спокойный сон...
И только песня комом встала в горле –
Наружу рвется горький жалкий стон!

Еще пишу - как будто так и надо,
И смысл ищу в созвучиях меж слов,
Как пастухи разыскивают стадо,
Забредшее в лесок от оводов.
Собрать бы мне в единый гурт все мысли,
И - на дорогу, начертив на ней
Свои следы, и чтоб они повисли
Хотя бы пылью над судьбой твоей...

Не обрета, друг друга потеряли.
Что нежность – паутина по углам!
Остаток прежней роскоши в бокале
Я пью, чтоб медом жизнь казалась Вам!

Скрестить пути, как будто шпаги,
Извлечь Искру, зажечь Огонь!
Набраться смелости, отваги
И ухнуть пляску под гармонию.
Пусть смотрят - с виду неказистый,
А пляшет!.. Весел и умен!
Мечты, мечты... Роня листья,
О чем-то плачет старый клен.

Удерживать себя... О, как смешно,
Когда вперед не сделано ни шагу,
Я о колено хрястну эту шпагу –
Любви немало видел я - в кино.

По мне ли эта горькая стезя,
А сердце рвется – без любви нельзя...

Не хочу говорить о судьбе...
Ум и сердце сомкнулись в надежде,
Если с гневом ты смотришь, как прежде,
Значит, все же я нужен тебе...

Протаскиванье, ореол похвал
Не вознесут глупца на пьедестал,
А истинный поэт в народе тот,
Чье слово не пылится, а живет!

Я упал, но лошадь не ушла.
Хрипло мне она в лицо дышала,
И земля растерянно качала
Глупо полетевшего с седла.
Путь тернист, и в нем не только розы...
Поднимаясь, усмотрел в глазах
У моей лошадки страх и слёзы.
До сих пор я помню этот страх.
Но тогда я снова рвал поводья,
Торопился, гнал её в намёт...
Если б знать, что в этот вечер в стойле
Замертво лошадка упадёт.

Распластан миг звенящими кусками
Как будто обвалился потолок...
Но держит жизнь обычными словами:
“Не торопись, ещё придёт твой срок”.
И поднимаюсь, перевоплощаясь
Судьбу за горло, если жить, так жить!
И близко цель, почти соприкасаюсь,
Но времени нельзя остановить,
Нельзя остановить течение жизни,
Как ни держи. Потерь ужасен счёт
Нет ничего души своей капризной,
Когда она утраченным живет...

Всё кажется, что ближе я не знал,
Не знал нежнее, искренней, роднее...
И помню я встревоженный вокзал,
И фонарей натруженные шеи,
И голос, и дыхание дождя,
И запах яблок, и толчок вагона,
Когда к себе стремился без тебя
С внезапно опустевшего перрона.

Спаси меня, Любовь! Над быгом вознеси,
Взметни над суетой, над пустотой щемящей
Взметни и возвеличь, Любовь, меня – спаси,
Стань музыкой в душе! Стань музыкой гремящей!

Пугай меня, Любовь! Тревожь, заставь гореть,
Волнуй меня, любовь, не дай тоски и боли
Веди меня, Любовь! Проси перетерпеть
И пережить без слез дни грусти и неволи.

Зови из этих мест, поставь на прошлом крест,
Умчи из этих лет, где не живу – страдаю...
Где холоден, уныл и где один, как перст.
Бери меня, Любовь! Я так тебя желаю...

Разрешение на возвращенье...
Мне бы вырвать его у тебя,
Посмотрев на твое непощенье,
Как на пляску слепого дождя,
Посмотрев на свое невезенье,
Как на временный жизни изгиб,
О, как гложет меня нетерпенье,
Не пойму - то ли жив, то ль погиб.

Нелегко мне с тобой, тяжело, трудно...
Подари мне улыбку вечером – утром...

Мне, как прежде, глаза твои,
Волосы снятся.
Неужели всему суждено – умчаться?
Не хочу, чтобы – что-то ушло, изменилось,
Сам не знаю, за что ты мне так полюбилась?
Может быть, за улыбку,
Может быть, за глаза,
И, наверно, за руки – что ласкали меня.
Может, скоро спокойно и крепко усну,
И во сне тебе ветку весны принесу.

Этой веточкой грусть я смахну с твоих глаз
Все по-прежнему слышишь! Как прежде у нас!

... Нелегко мне с тобой, тяжело, трудно,
Подари мне улыбку вечером – утром...

...Белым снегом,
Всё покрыто снегом,
Ни тепла, ни солнца, ни цветов.
Берегом уходишь...
Снежным берегом,
Мой последний юности цветок...

Очертания внешней печали.
Словно слезы, роняем листву,
И, как пальцы, деревья дрожали,
Тщетно силясь объять синеву.

Я тянусь за неведомым миром,
Как за прошлым, что можно вернуть,
Но потуги кончаются пиром
И похмельем, терзающим грудь.

Загадочное таинство стиха.
По-разному его воспринимают
И иногда, чего таить греха,
Читатель видит то, чего желает.

И говорит: “Вот это, брат, ты дал,
Пожалуй, что точнее и не скажешь”.
И каждый раз я слушал и страдал -
Сильней, себя, наверно, не накажешь.

В моих! Стихах! Другие! Видят то,
Такое – сам чего не усмотрел.
За что такие напасти, за что?
Я этого нисколько не хотел...

У нас с тобою, видишь ли, теперь
Две правды злобно кулаками машут,
Одна одну стремясь пихнуть за дверь,
Друг друга кровью праведною мажут.

Сильнее чья? Горластее - твоя,
Моя - горька, упряма и вредна,
Но, правда, слишком поздно понял я,
Что правда есть и будет лишь одна.

Ну что поделать, если все нелепо,
Когда меж нас обида и гордыня?
Чуть загоревшись, чувство не окрепло,
А мы с огня да прямиком в полымя.

Мы гордости не раз хвалу певали
Не мы одни – другие, знаю, тоже,
А мы с тобою от неё устали.
Благоразумье истины дороже.

А время шло... Я не скажу - лечило,
Но все же боль немного притупило.

В родных стенах, как птица взаперти.
В родных стенах не чувствую свободы.
Открыта дверь, но некуда идти,
И мрачным сном былые вижу годы.

А нынешние прошлым тем сродни,
В своей свободе снова несвободен,
Не лечит время, ускользают дни,
И кажется, я ни на что не годен.

О, жернова! Как я сопротивляюсь
И выскользнуть пытаюсь из под вас!
Но тщетно, понапрасну я стараюсь
Свободу обрести хотя б на час.

Да что мне час. Когда дробятся кости,
Когда уже и притерпелась боль,
Мы в жизни этой временные гости,
Но каждый хоть немного, а король.

Пусть я король, тогда судьба - кобыла
Которая вращает жернова
Она по кругу спящая ходила
По замкнутому кругу, чуть жива.

Песочило меж жерновов и тёрло,
Не вырваться, пустил кобылу вскачь,
Судьбу никак не ухватить за горло,
Хотя и тертый ныне я калач.

Уйду... Пускай недобрым словом
Меня ты будешь поминать,
Уйду, чтоб жизнь начать по новой.
Мне больше нечего сказать...

Грустная попытка
Написать стихи,
Чтобы как улыбка -
Чувственны, легки.
Чтобы словно небо -
Синева без туч.
Чтобы словно голос -
Ласков и певуч.
Чтобы как слезинка -
Радости слеза.

Чтобы как дождинка,
Или как гроза,
Чтобы как тропинка -
Верная тропа,
Чтобы как пушинка
На семи ветрах.
Чтоб не повториться,
А сказать своё.
Не остановиться -
Если понесло.

- Баслови Христос работку! -
Приговаривал отец.
Мы с лугов, устав, не ходко
Возвращались через лес.
- Будет на зиму сенишко!
Ох, и доброе сенцо!
За глаза корове, слишком,
Все сегодня – молодцом!
Поработали на совесть,
Убран, огорожен стог.
Говорю не просто к слову,
Не оставил, видно, Бог.
И погода простояла-
Не дождинки целый день.
Завтра, братцы, отдыхаем
Приглашаем в гости лень!
Мы смеёмся оба с братом-
- Вот так гостя! Ну и ну!
И смеётся с нами батя -
Рад, что здорово загнул.

Комическая сущность бытия...
Сарказм впитали стен родных обои
О, плен соблазна снова жить тобою,
Расколотая мрачная семья.

Трагические всплески не тая,
Растянутые не помогут сроки.
Как часто мы становимся жестоки,
Когда задето собственное «Я».

Как вода между пальцев с пригоршней течёт-
Так и жизнь незаметно и быстро!
Вот уж темень – гляди – дрожью тело сечёт...
Только по небу звёздочки – искры!
Значит, разум ещё не погас, не затух,
Значит, жить и старея - прекрасно!
Голосит, гонит тьму, надрываясь, петух –
Возвещая о солнышке красном...

Ты не роза, не гвоздика –
Одуванчик луговой.
Ветер дунул, тихо-тихо
Полетел белесый рой...

Понесло – куда, не спросишь,
Не узнаешь, не поймешь...
Эх, зачем ты ветер носишь
И рассеиваешь ложь?

Ни привета, ни букета
Правда – голый стебелёк.
Посреди травы и лета -
Торопливости упрёк...

Помнящий Вас, отсылающий к трем неизвестным,
В чем-то вития - обломок житейской муры,
Не называйте меня интересным и честным,
То ли ползущим, а то ли летящим с горы.
Нету креста у подножья, где вера почила.
Это сегодня фанфары, молебны, цветы,
Долгое эхо вчера – за могилой могила.
На перепадах безверья - обман высоты.
Слово лишь звук, а предмет назови как попало,

Он не узнает, ему всё равно, наконец.
Вам на вершине темно, как бетонном подвале
Не сознающим тройную компанию БЕЗ...

Желанье стиснуть душу до конверта,
До горестного, горького: «Прости»!
И не было сильнее его, наверно,
На выполненном жизнью полпути...

Земной поклон и вечная любовь.
Пустой покой не чище поля брани.
Меня казнили - но тебя не ранит
От плахи густо брызнувшая кровь...

Я не имею право говорить
За все мое слепое поколение,
Но в сердце злобным червем – раздраженье
На зрячих, в слепоте привыкших жить.
Незрячим проще? Утро – значит – утро,
К обеду – ложку, к вечеру – кровать.
Все ладно бы, когда водитель мудро
Нас вел вперед, а не пытался гнать.
Но мы бежим. Куда - не знаем сами,
Не видя зла, не чувствуя добра,
Не замечая - гибнут под ногами
Мальчишки из соседнего двора ...

Листья клена - как лапки гусиные
На траве, на аллеях, воде.
Прожил жизнь я не кленом – осиною,
След мой разве что гнезда – осиные
И пустые порой кое-где.
Все нутро мое сгнило до времени,
Разве только теперь - на дрова ?
Колуном ударяют по темени
Только лучших из нашего племени!
Слабых колют простые слова.
Почему же так в жизни устроено?
Те, кто ярче - быстрее горят,
А другие весь век успокоено
И чадят, и копят, и дымят ...

Бежали звери от пожара,
Клубился над тайгой чад...
Потушен, но несет угаром,
Нескоро зверь придет назад.
А если сердце как земля,
То чувства - это тоже звери,
Что разбежались от огня...
Как трудно возвратиться в двери,
Где полыхало все огнем,
Где чувства просто пепелились,
И жаль, что поздно сознаем,
А то бы просто не женились ...

Витой нагайкой полоснула боль.
Куда теперь осмеянным и битым?
Недавно мне казалось – я король
А вышло – у разбитого корыта ...

Я не орел - ворона средь невежд,
Под их же маскируюсь оперенье.
Чужой и свой... Какое наслажденье -
Хоть на бумаге сбросить вонь одежд.
Чужих клюют. Разят их наповал,
Своих марают не без униженья -
Не страхом, не инстинктом сохраненья
Повязан я - я попросту устал.
Но до конца не верю в раздвоенье:
Двойник велик, а я ничтожно мал.
Я просто серость – вот хитросплетенье,
Такой смешной и грустный криминал ...

Печальной страсти горькая никчемность.
А может быть, тоска и вероломность
Трусливость одевают в кимоно?
Накрыли стол... Хорошее вино...
Свеча. Интим. Уют. Зови...
Все будет тут,
Все будет... Без любви...

Мы два осколка от зеркал различных,
Совмещены на уровне лица
Два человека добрых и приличных,
Но трещина прошла через сердца!
Мы оба врем, любой посмотрит, скажет -
Та трещина - провал для честных слов,
И никакой умелец не замажет
Неровностей раскрошенных краев ...

Двоюсь. Двойник смеется надо мной.
Он так самоуверен в упоенье.
Вас двое рядом - просто сон цветной
Любимым быть - какое наслаждение.
По вечерам несет тебе цветы,
Стихи читает до изнеможенья...
Меня он топчет, говорит мне: ты -
Слабак и трус! Живи в своем сомненьи.
Мужик ли ты, коль к женщине и то
Не можешь напролом идти открыто.
Накрылся страхом - сереньким пальто,
Все лучшее за этой ширмой скрыто ...
Она тебя оценит, бедный мой,
Увы, тогда, когда ты будешь мной ...

Время мчалось быстрой птицею в безбрежность.
Вот и стало мне за тридцать - неизбежность.
Половина? Может больше - будет видно.
Жить придется, как и дальше - но обидно:
Ничего почти не нажил, как ни бился,
Только дети... Я меж ними раздвоился.
Старший сын со мной, без мамы жить собрался,
Не тянул, по воле собственной остался.
Где-то младший сын без папы, только с мамой,
Тоже милый кареглазик мой упрямый...
Время катится в заботах о насущном,
А мечтается о чем-то все же лучшем...

Среда обитания: рыхлая свежесть помойки
И склизкие стены контейнеров новой поры .
Одни воспевают творца и отца перестройки ,
Другие готовят на вся и для всех топоры .
И падшие стынут в потоках кромешного «солнца»
И молятся черту, добро загоняя в вертеп,
Но каждый стремится, однажды нащупав оконце ,
На истину глянуть, покуда совсем не ослеп ...

Звук каблучков, летящий мимо двери...
Что чуть жива и легкий ветерок
Качнет ее, а я никак не верю,
Что было все и все - водой в песок .

Я не умею расставаться с прошлым,
Но внешне без претензий и тоски,
Пойму ли я когда, зачем мы ропщем?
Раз мы - по жизни - просто ямщики.
Заранее - куда доставить – знаем
Вот этот груз, чужой он или свой ,
И, разгоняясь, чувства забываем,
И прошлое становится вожжей.

Я рад забыть, да удила в напряге,
Я рад уйти куда-то от себя,
Но будущее видится оврагом
И шорохом забытого дождя.

История протянутой руки.
Удел грозы - теория распада.
Дождинки несгораемой тоски
Под знаменем разбуженного ада.
В кленовых листьях плечи, лоб и грудь -
По-маршальски - раскованность движений,
Проклятая бессмысленная суть

Вчерашних дней и нынешних свершений.
Поля – ковры растоптанных ростков,
Простор для ног - тропинки полунищих,
Плывут и едут, в одночасье, крыши
До Польши за ремнями для портков.

Он сказал мне : «Махнем. Есть возможность -
«окно» приоткрыли...
В головах не солома - и там приживемся ... Решай!
Здесь уже ничего - ни труда, ни свободы ... В России,
Только флаги на башнях, да массовый ласковый май!
Здесь крути-не крути и свои - все равно, что чужие,
Здесь по пьяни и другу отвалят сильней, чем врагу,
Все бегут и бегут, словно лошади в пене, по кругу ...»
Я опешив, проямлил : «Прости, но пойми - не могу ...»
Он уехал, а я - я все мысленно спорил и спорил,
Я шептал и кричал : «Ты вернешься ! И мы помолчим ...»
А потом поведу я бездомного в чистое поле,
Посмотреть на луну, на российское небо в ночи.
Ереван. Карабах. Осетино- грузинские страсти.
Гром небесный зимой - Вильнюс. Танки в Литве!
Он звонил, он рыдал : «Ну, ты видишь ? Рулетка у власти...
А Литва - полигон! Завтра это же будет в Москве ...»

Я по городу брел, многолюдно-бездонному полю,
Зарывалась луна в облаках, как в кровавом снегу,
Вольный ветер свистел: «Горопись, уезжай ! Не неволю ...»
Почему я твердил , почему я твержу – «Не могу ...»?

И. Мачехину

Туман над рекой и гарцующий сон властелина.
Вечерний покой и разбой тишины до утра.
В руках ГОНЧАРА и невзрачная липкая глина -
Бессмертный шедевр, образец для творца-кустаря .
Окалина бед. Мы – вторая ее половина,

Познавшая ложь на изнаночном поле чудес!
Прощаем страну за удар по карману и в спину,
Решив ямщиков образумить словами и без.
Нырнем в туман, без которого - денег не надо!
Но всюду - царьки! И партачат во сне и со сна,
Грохочет война на окраинах древнего сада,
И трудно понять, отчего так страшна тишина ...

А.Алексееву

Опять на брудершафт – невесело, не к месту,
А может бросим пить - судьбе наперекор?
Кого нам обвинять, что влез язык немецкий
В воистину российский перебор?
Нам некого винить, гадай, синьор историк,
А мы - на брудершафт, как немцы говорят,
За то, чтоб выжил дом, за мрак больничных коек,
И чтобы не распнул других, кто сам уже распят ...

Плясала ночь за окнами - огнями ,
Качался ветер светом фонарей,
Что нас свело? Увы, не знаем сами,
Быть может, схожесть одиноких дней.
И ночь кружилась в бесноватом танце
Невыносимо долго... до утра,
А ты копалась в старом сером ранце,
Разыскивая школьную тетрадь.
Потом читала нежные куплеты,
Оттягивая миг, тоской звеня...
И слушал я, но не жалел , что это
Написано совсем не для меня.
Кровать рыдала скрипами до жути.
О, как трусливо убегала ночь,
Одетая лишь в тень рассветной мути,
Ты плакала, а я не мог помочь ...

Луна, как парусник, плясала,
Над тучей выгнув острие ...
В меня таинственность начала
Любви и радости вмещала,
Я на руках понес ее.
Судьба, казалось, обласкала!
Росу - искристое белье,
Она к ногам моим бросала,
Как будто ведала и знала,
Что это все - навек мое ...
Вот этот стусок бытия
Мне дарит память много лет:
Уснувший луг, и ты, и я ...
И нет конца, и смерти нет ...

Кривые улочки. Накатанный большак.
Грустят дома под снегом в холода.
Над сельсоветом так же красный флаг,
Как помню я, трепещет он всегда.
Крадется логом от тайги ельняк,
Стремясь к теплу от зимних вьюг под крышу.
Стареет дом отцовский, это так,
Но все же шум пропеллеров я слышу.
Летит над крышей флюгер – самолет,
Летит стрелой вперед навстречу ветру,
И помнится, я был ужасно горд,
Построивши с отцом игрушку эту.
Колодец, но теперь без журавля.
Черпну воды. К студеной припадаю!
Я широко ходил тобой, земля,
Но мест дороже все-таки не знаю...

Говорят, что лечит только время -
От любви другого средства нет!
Как могу, я облегчаю бремя,
Сам себе - сижу-пишу сонет.
Вот лекарство – пусть я неумеха,
Но зато живу! Дышу! Спешу,
Обрастая лаврами успеха,
Времени не чувствуя, хожу .
В комнате пустой я занят делом -
Самоисцелением души.
Жалко, что не очень-то умело ...
Но душа звенит - пиши, пиши!
Там за поворотом, впереди
Ты меня, любовь, не обойди...

Надежда ЧЕРКАСОВА.
Иллюстрации к рассказам Михаила Жаравина

«Глухая защита»

«Я в квадрате»

«Сердечная рана»

«Сын приехал»

«Любимая игрушка»

Оглавление

Биографическая справка.....	2
Г. Щекина. Такого вы еще не читали.....	3
В. Анохин. Прощание, скользящее с листа.....	4
А. Лопухин. Мишкин мундштгучок.....	8
А. Алексеев. «Ушла она, а может, улетела».....	11
Н. Серова. Большие страсти маленького человека.....	18
Т. Жукова. Лирика Жаравина и тоска по дому.....	22
Р. Успенская и дети детского дома №1. О книге «Сердечная рана».....	25
Е. Зубакина. Неведомые силы.....	28
О. Халявина. Равновесие души и мира.....	29
Т. Корнилова. Если бы.....	31
А. Весслова-Астафьева. Зыбкое равновесие.....	33
Е. Смирнова. Пейзаж в произведениях Жаравина.....	35
В. Попов-Островитянин. О Тайгановой, о Жаравине.....	43
О. Шопырева. Лирика Михаила Жаравина.....	46
Г. Щекина. Еловинские чтения.....	66
Н. Сучкова. Стилистика рассказа «Морозко».....	69
Д. Ермаков. Сжатое время Михаила Жаравина.....	79
А. Наугольный. Жаравину.....	81
М. Жаравин. Проступок Содз. Рассказ.....	82
М. Жаравин. Сегодня мне не хочется домой. Стихи.....	86
Н. Черкасова. Иллюстрации.....	119

«Михаил Жаравин крупным планом»: [сборник].

Серия «Крупным планом», выпуск 3.

Составитель Галина Щекина.

Художник Надежда Черкасова [6 илл.]

Корректор Л. Молчанова

Вологда. «Свеча». 2005

Тираж 200 экз